

ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

На правах рукописи

Грищева Елена Сергеевна

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В РАМКАХ ТЕОРИИ ЭЛОКУТИВНОГО ПОЛЯ

10.02.01 – Русский язык

диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
И.В. Пекарская

Абакан – 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Проблема изучения окказионализмов в современном отечественном языкознании	12
1.1. Аспекты изучения окказионализмов в современном отечественном языкознании	13
1.1.1. Таксономический аспект	13
1.1.1.1. Словообразовательный аспект	14
1.1.1.2. Ономаσιологический аспект	28
1.1.1.3. Лексикологический аспект	31
1.1.1.4. Лексикографический аспект	33
1.1.2. Психолингвистический аспект	36
1.1.3. Функционально-прагматический аспект	38
1.2. Дефиниции некоторых используемых в работе понятий, проблема их соотношения	43
1.2.1. О соотношении понятий «норма» и «узус»	43
1.2.2. О соотношении понятий «отступление от нормы», «речевая ошибка», «прием», «окказионализм»	46
1.2.3. О соотношении понятий «инновация», «новообразование», «неологизм», «окказионализм». Различные классификации новообразований. Типология лексических окказионализмов, предлагаемая в работе	48
1.3. Выводы по главе	69
Глава II. Структурно-семантическое и функциональное описание лексических окказионализмов в элокутивном аспекте	72
2.1. Элокутивный раздел риторики	72
2.2. Дефиниции понятий «троп», «фигура», «риторический прием», «стилистический прием», «языковая фигура», «речевая фигура», «стилистическое средство» в современной теории элокуции. Их соотношение. Место	

окказионализмов-элокутивов среди других орнаментальных средств.....	73
2.3. Структурно-семантические и функциональные особенности лексических окказионализмов-элокутивов.....	87
2.3.1. Окказионализмы-элокутивы структурно-словообразовательного типа.....	104
2.3.2. Окказионализмы-элокутивы семантического типа.....	109
2.3.3. Окказионализмы-элокутивы семантико-словообразовательного типа.....	120
2.4. Выводы по главе.....	141
Глава III. Полевая организация лексических окказионализмов-элокутивов в контексте макросистемы элокутивных средств языка/речи.....	146
3.1. Понятие поля в лингвистике.....	146
3.2. Понятие поля в теории элокуции и в неологии.....	150
3.3. Полевая организация лексических окказионализмов-элокутивов.....	152
3.3.1. Полевая организация структурно-словообразовательных окказионализмов-элокутивов.....	155
3.3.2. Полевая организация семантических окказионализмов-элокутивов.....	157
3.3.3. Полевая организация семантико-словообразовательных окказионализмов-элокутивов.....	160
3.4. Выводы по главе.....	170
Заключение.....	173
Библиография.....	181
Перечень источников речевых иллюстраций.....	229

На современном этапе развития лингвистической науки прочно утвердился деятельностный прагматический подход к разработке ее проблематики. В связи с этим особую значимость при исследовании единиц языка/речи приобретает изучение коммуникативного назначения каждой единицы, ее использования говорящим в качестве орудия речевого действия с целью воздействия речи на собеседника и учётом специфики взаимодействия языковых единиц, имеющих экспрессивный потенциал.

В кругу речевой лингвопрагматики особое внимание уделяется изобразительно-выразительным средствам языка/речи как фактору порождения прагматически значимого, яркого высказывания. В качестве таких изобразительно-выразительных средств в лингвистике обычно рассматриваются тропы и стилистические фигуры, которые традиционно изучаются в рамках классической теории фигур, начиная с Античного канона. Вместе с тем в разряд элокутивов (экспрессивных единиц словесного выражения) целесообразно включать не только тропы и стилистические фигуры, но и экспрессивы другого рода, например, различные лексические, фразеологические и другие экспрессемы. Особое место в кругу названных явлений занимает, на наш взгляд, окказиональность, которая носит изоморфный характер, при этом наиболее рельефно проявляет себя на лексическом уровне. Высокая степень прагматики окказиональных образований никогда не вызывала сомнений, несмотря на то, что они анализировались лингвистами с различных точек зрения, при этом как изобразительно-выразительное средство окказиональность, в частности лексическая, не рассматривалась.

Так, окказиональность, шире – **неологизация** (возникновение новых слов языка/речи) наиболее активно исследуется в отечественном языкознании, начиная с 60-х годов прошлого века. При этом новые явления рассматриваются лингвистами в нескольких направлениях. С точки зрения словообразовательных потенциалов они исследуются в работах О.А. Габинской [Габинская 1981], Е.А. Земской [Земская 1973, 1992, 2000, 2004], В.П. Изотова [Изо-

тов 1990, 1997а, 1997б, 1998], Р.Ю. Намитоковой [Намитокова 1986, 1989], И.А. Нефляшевой [Нефляшева 1998], С.И. Улуханова [Улуханов 1984, 1992, 1998], Эр. Ханпиры [Ханпира 1972] и других. Рассмотрению проблем, связанных с разграничением окказионализмов и новых слов, с одной стороны, окказионализмов и узуальных лексем – с другой, вычленением признаков окказиональных слов, их классификацией, парадигматическими отношениями в рамках дихотомии язык/речь посвящены исследования А.А. Брагиной [Брагина 1973], В.В. Лопатина [Лопатин 1989], А.Г. Лыкова [Лыков 1976], Эр. Ханпиры [Ханпира 1972] и других ученых. Практика лексикографического описания новых явлений языка/речи, а также изучение этой практики представлены в трудах С.И. Алаторцевой [Алаторцева 1997, 1998], Н.З. Котеловой [Котелова 1983, 1987, 1990, 1995], С.А. Остапенко [Остапенко 1992], Н.И. Фельдман [Фельдман 1957] и других лингвистов. Изучению специфики функционирования окказиональной лексики в поэтическом контексте посвящены работы О.И. Александровой [Александрова 1980, 1989], В.Н. Виноградовой [Виноградова 1984, 1995, 2001], Г.О. Винокура [Винокур 1943, 1991], В.П. Григорьева [Григорьев 1979, 1986], Н.Г. Ивановой [Иванова 1985], О.Г. Ревзиной [Ревзина 1996], и других ученых, в публицистике – В.Г. Костомарова [Костомаров 1999], Н.Н. Кохтева [Кохтев 1981], А.В. Черниковой [Черникова 1998] и других. Окказиональность как явление психоречевое, а также причины ее порождения всецело анализируются А.А. Залевской [Залевская 1988, 1990], Л.И. Плотниковой [Плотникова 1991, 2000], С.И. Тогоевой [Тогоева 1991, 1994, 1998, 2000а, 2000б]. Нами всесторонне проанализированы разноаспектные исследования проблемы окказиональности; поскольку данное явление становится предметом рассмотрения различных языковедческих и речеведческих дисциплин (лексикологии, лексикографии, словообразования, стилистики, риторики, культуры речи, лингвистического анализа текста и т.п.), мы сочли целесообразным привлечь для теоретического анализа указанное в библиографии исследования количество источников.

Между тем, как нам известно, специальных исследований, посвященных системному семантико-структурно-функциональному описанию лексической окказиональности с точки зрения ее участия в формировании прагматически значимого высказывания, то есть в элокутивном аспекте, в современной лингвистической литературе не представлено. Мы же полагаем, что бóльшим экспрессивным зарядом обладают именно те контексты, в которых лексические окказионализмы так или иначе представляют собой тропеические и фигуральные образования либо их структурные элементы.

Таким образом, **актуальность** проведённого исследования заключается в том, что оно выполнено в такой приоритетной парадигме современного лингвистического знания, как лингвистика речи (речеведение [см., например, работы Кожиной 1993, 2002; Матвеевой 1986; Сиротининой 1974, 1983 и др.]), речевая прагматика, ориентированная на функционализм и системность в создании коммуникативно успешного высказывания. Специалистами осознана необходимость обучения воздействующей речи. Немаловажную роль при этом играет речевая экспрессивность, которая во многом формируется за счет целесообразного использования в ней лексических окказионализмов, повышающих прагматический потенциал высказывания, что в свою очередь обеспечивает эффективность коммуникативной интенции говорящего и ее реализации в речи.

Объектом настоящей работы является окказиональность как одно из ярких средств создания воздействующей речи.

Предмет исследования составляют лексические окказионализмы различных типов, представленные как нефигуральными, так и фигуральными образованиями, при этом системные отношения таких образований рассматриваются в рамках полевой организации с установлением их прагматического потенциала.

Целью диссертационной работы стало описание полевой системности лексических окказионализмов с учетом специфики их функционирования в языке/речи.

Данная цель обусловила конкретные **задачи** диссертационного исследования:

1. Определить лингвистический статус явления окказиональности.
2. Выявить структурно-семантические типы лексической окказиональности.
3. Установить критерии описания лексической окказиональности неfigurального и фигурального типов, релевантные для предложенной концепции.
4. Описать по ряду значимых для исследования критериев семантико-структурно-функциональные особенности лексических окказионализмов различных типов.
5. Сформировать, учитывая предложенное системное описание лексических окказионализмов, их функциональные микрополя.
6. Представить системное описание окказионализмов в рамках медиополя лексической окказиональности, построенного с учетом функционального признака.

Материалом исследования послужили лексические окказионализмы, полученные методом сплошной выборки из художественных произведений писателей и поэтов XX – н. XXI веков (И. Арбениной, А. Вознесенского, Г. Ворошилова, В. Высоцкого, Д. Донцовой, Е. Евтушенко, В. Маяковского, Ю. Нагибина, Л. Пастернака, В. Платовой, Т. Поляковой, Н. Рубцова, И. Северянина, В. Хлебникова, М. Цветаевой, Д. Шербакова и др.), а также из российских и региональных газетно-публицистических текстов различной жанровой специфики («Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Моя семья», «Окна», «Собеседник», «Комок», «Взгляд», «Шанс», «Аргументы успеха», «Университетская газета», «Хакасия», «Абакан», «Южно-Сибирский вестник» и др.). Данные художественные и публицистические текстовые иллюстрации были определены в качестве материала анализа потому, что они наиболее полно отражают специфику

функционирования окказионализмов в современном речевом дискурсе. Кроме того, для большей убедительности предлагаемых в работе выводов привлекались примеры из живой разговорной речи, которая является природной основой любого окказионализма.

Общий объем языкового материала, отражающего явления лексической окказиональности, составил более двух тысяч примеров.

В работе были использованы следующие **методы**: описательно-аналитический метод лингвистических исследований в таких его разновидностях, как наблюдение, обобщение, интерпретация и типологизация; метод количественного подсчета; компонентный, синтагматический и контекстуальный анализы; метод классификации в рамках лингвистического эксперимента.

Названные методы обусловлены целями и задачами диссертационного исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые представлена попытка системного (семантико-структурно-функционального) описания лексической окказиональности в рамках теории поля на материале современного русского литературного языка/речи. Поскольку окказиональность рассматривается в элокутивном аспекте и в соотнесённости с фигуральными средствами возникла необходимость системного введения новых терминов: *окказионализм-элокутив*, *окказионализм-какология*; *окказиональные тропы-транспозитивы*, *окказиональные тропы-лингвокреативы*. В работе представлена структурно-семантическая классификация лексических окказионализмов, выделены критерии их описания, согласно которым системно проанализированы семантико-структурно-функциональные особенности окказионализмов нефигурального и фигурального (окказиональные тропы и фигуры) типов. Итогом предлагаемого структурно-семантико-функционального описания лексической окказиональности становится сформированное в работе функциональное медиополе, состоящее из зафиксиро-

ванных и охарактеризованных в рамках проведённого исследования микрополей каждого выделенного нами типа лексических окказионализмов.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что систематизированы аспекты изучения окказиональности в современном отечественном языкознании, что расширяет и углубляет представление об окказиональности как о целостном явлении; представлен опыт рассмотрения окказиональности как фактора повышения прагматики речи, что является важным для теории элокуции в рамках теории коммуникативной прагматики; предложены критерии описания лексической окказиональности, в соответствии с которыми представлена структурно-семантическая классификация лексических окказионализмов, учитывающая способы и механизмы речевого воздействия окказиональных лексем; введены в научный оборот системы терминов: «*окказионализм-элокутив*», «*окказионализм-какология*»; «*тропы-транспозитивы*» и «*тропы-лингвокреативы*», что позволяет упорядочить терминологический комплекс теории элокуции; описана системная семантико-структурно-функциональная организация лексических окказионализмов нефигурального и фигурального характера, которая позволяет выявить целесообразность использования окказионализмов в речи в рамках теории прагматики; зафиксировано элокутивное функциональное медиополе лексической окказиональности, в которое включены микрополя окказионализмов соответствующих типов, что расширяет и углубляет представление о возможности описания речевых фактов в рамках функциональной парадигмы.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в практике преподавания курсов стилистики, риторики, культуры речи, лексикологии современного русского языка, лингвистического анализа текста, а также в лексикографической практике при составлении словарей и справочников речевых экспрессивов и при переиздании существующих словарей-справочников и энциклопедических словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексическую окказиональность целесообразно рассматривать как речевое изобразительно-выразительное (элокутивное) средство.
2. Лексические окказионализмы следует классифицировать с учётом соотнесённости речевой единицы с узуальным языковым знаком или понятием, выделяя тем самым лексемы с: а) обновленным означающим; б) обновленным означаемым; в) обновленным означаемым и означающим.
3. Лексические окказионализмы-элокутивы различных типов уместно описывать по выделенным критериям (структурному; семантическому; структурно-семантическому; функциональному; критерию соотношения с тропами и фигурами).
4. Окказиональную экспрессивность рационально рассматривать через выявление и описание различных окказиональных тропов и стилистических фигур (в том числе контаминированных), в основе которых лежат семантические и семантико-словообразовательные лексические окказионализмы-элокутивы.
5. Лексическую окказиональность целесообразно представить в рамках полевой системности (функционального элокутивного поля) с описанием медиаполя лексической окказиональности, основанного на охарактеризованных микрополях различных типов лексических окказионализмов-элокутивов.

Перспективой работы является системное описание окказиональности на всех уровнях языковой структуры с формированием соответствующих медиаполей (фонетического, грамматического – морфологического и синтаксического, фразеологического и др.).

Материалы диссертации были **апробированы** в течение четырех лет при проведении лекционных, практических и семинарских занятий по «Лексикологии современного русского языка», «Культуре речи», «Теории коммуникации», «Культуре речи и риторике», кроме того, на уровне чтения спецкурсов «Эффективность письменной публичной речи», «Актуальные проблемы речевого общения» в Институте филологии, а также спецкурса «Труд-

ные вопросы современного русского языка» в республиканской национальной гимназии им. Н.Ф. Катанова г. Абакана.

Результаты исследования излагались в **докладах и сообщениях** на научных конференциях:

1. V Всероссийская научно-практическая конференция «Культура речевого общения в образовательных учреждениях разных уровней» (8-10 октября 2002 г., г. Ачинск).

2. Катановские чтения – 2002 (15-17 апреля 2002 г., г. Абакан).

3. VII Международная конференция по риторике «Риторика в системе гуманитарного знания» (29-31 января 2003 г., г. Москва).

4. Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы изучения языка и литературы на рубеже веков» (ноябрь 2003 г., г. Абакан).

5. Катановские чтения – 2003 (14-15 апреля 2003 г., г. Абакан).

6. Третья межвузовская конференция «Риторика в свете современной лингвистики» (14-15 мая 2003 г., г. Смоленск).

7. Восьмая международная научная конференция по риторике «Риторика в модернизации образования» (2-4 февраля 2004 г., г. Москва).

8. Катановские чтения – 2004 (27 апреля 2004 г., г. Абакан).

9. Международная научная конференция «Коммуникативная лингвистика: вчера, сегодня, завтра» (13-14 июня 2005 г., г. Армавир).

10. IX Международная научно-методическая конференция «Риторика в системе коммуникативных дисциплин» (Январь-февраль 2005 г., г. Санкт-Петербург).

11. Катановские чтения – 2005 (28 апреля 2005 г., г. Абакан).

12. Катановские чтения – 2006 (27 апреля 2006 г., г. Абакан).

Содержание работы отражено в 9 публикациях, общий объем которых 2,07 п. л.

Диссертационное исследование состоит из **Введения, Трех глав, Заключения, Библиографии, Перечня речевых иллюстраций.**

ГЛАВА I.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Изучению явления окказиональности посвящено значительное количество научных исследований. Окказионализмы становятся объектом рассмотрения в работах по общетеоретическим проблемам современного языкознания [Винокур 1991; Гак 1998; Григорьев 1979, 1986; Земская 1973, 1992, 2000; Изотов 1997а, 1997б, 1998; Костомаров 1971, 1999; Маслов 1998 и др.], а также освещаются в специальных исследованиях, являясь самостоятельным предметом изучения [Брагина 1973а, 1973б; Виноградова 1984; Винокур 1943; Габинская 1981; Гольцова 1993; Гончаренко 1978; Загрузная 1980; Зайцева 1984; Зильбер 2000; Изотов 1990, 1998; Ильясова 2002; Каде, Савостьянова 2001; Калниязов 1978; Ковалевская 1986; Лопатин 1973; Лыков 1971, 1972а, 1972б, 1976; Львова 1980; Маноли 1988; Масленников 2000; Матханова 1998; Намитокова 1986, 1989; Нефляшева 1998; Новоселова 1986; Плотникова 1991, 2000; Ревзина 1991, 1996; Сенько 2000а, 2000б, 2003; Улуханов 1984, 1992а, 1992б; Черникова 1998 и др.].

В лингвистических словарях и справочниках [см.: Ахманова 1966; Лингвистический... 1990; Розенталь, Теленкова 1985; Русский язык... 1979; Русский язык... 1997 и др.], а также в учебной и научной литературе [см.: Габинская 1981; Калинин 1978; Лыков 1976; Фомина 1978; Шанский 1972; Шмелев 1977;] **окказиональный** определяется как «не соответствующий общепринятому употреблению, носящий индивидуальный характер, обусловленный специфическим контекстом» [Розенталь, Теленкова 1985: 174]. **Окказионализмы** (от лат. *occasionalis* – случайный) – «речевые явления, возникающие под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания...» [Русский язык... 1997: 283]. Это наиболее часто встречающиеся традиционные толкования данных

понятий, которые отнюдь не исчерпывают сути названного явления. Обратимся к рассмотрению прецедентов анализа явления окказиональности в современной отечественной лингвистике.

1.1. Аспекты изучения окказионализмов в современном отечественном языкознании

Анализ существующей научной литературы показывает, что лингвистические явления могут изучаться в различных аспектах. Это относится и к окказиональности. Рассмотренные научные источники позволяют констатировать, что направления изучения окказиональности можно объединить в группы.

- А. Таксономический аспект.
 - Б. Психолингвистический аспект.
 - В. Функционально-прагматический аспект.
- Последовательно их рассмотрим.

1.1.1. Таксономический аспект

Данный аспект в научной литературе разработан наиболее тщательно. В рамках названного аспекта можно выделить более частные подходы в зависимости от конкретных задач исследования окказиональности. Это:

1. Словообразовательный.
2. Ономаσιологический.
3. Лексикологический.
4. Лексикографический.

Подробно их рассмотрим.

1.1.1.1. Словообразовательный аспект

Данный аспект представлен в следующих работах: Богословская... 1997; Гейгер 1982; Герберт 1996; Земская 1972, 1973, 1992, 2000, 2004; Изотов 1990, 1997а, 1997б, 1998; Клушина 2000; Намитокова 1986, 1989; Нефляшева 1998; Осипова 1999; Улуханов 1984, 1992а, 1992б; Ханпира 1972; Хасанова 1999 и др. Названные ученые выявляют способы образования окказионализмов, словообразовательные модели, по которым они создаются, фиксируют некоторые окказиональные морфемы. При таком подходе, отмечает О.А. Габинская, «исследователь... выявляет модель (тип, схему), по которой образовано новое слово, устанавливает способ его образования, продуктивность, регулярность модели» [Габинская 1981: 23]. Большинство исследователей дифференцирует все способы словообразования на узуальные и окказиональные [Земская 1992, 2000, 2004; Намитокова 1986; Улуханов 1984 и др.]. При этом первые определяются как центральные, с помощью которых образовано большинство слов русского языка, а вторые – периферийные, при помощи которых образовано лишь некоторое количество слов.

Ср.: префиксация как узуальный способ (1) и депрефиксация (2) как окказиональный способ.

(1) *С чувством личной **приязни**...* (Собеседник 25.03.2003). – *Неприязнь* ← *приязнь*.

(2) *«Паршивая овца», «черная дыра в созвездии Джексона» и прочие «**приятности**» в её адрес оставались неременной характеристикой старшей из двух сестер... в звездной семье Джексонов – Ла Тойи* (МК 14.03.2003). – *Неприятность* ← *приятность*.

Наряду с узуальными и окказиональными в лингвистической литературе с недавнего времени рассматриваются так называемые потенциальные способы [Земская 1992; Изотов 1998; Улуханов 1992а;]. И.С. Улуханов отмечает: «Полным описанием системы способов словообразования следует счи-

тать описание не только существующих в узуальной лексике видов словообразовательных структур, но и выявление всех словообразовательных возможностей русского языка, которые теоретически предсказуемы, но не реализованы в узуальной лексике, однако могут быть или уже реализованы окказионально и представляют собой потенциальный источник пополнения узуального словарного состава» [Улуханов 1992а: 4]. Заметим, что потенциальное и окказиональное в различных исследованиях трактуется по-разному. Так, Г.О. Винокур пишет: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода «потенциальные слова», то есть слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» (подчеркнуто нами – Е.Г.) [Винокур 1943: 15, 1991: 320]. Таким образом, данный исследователь понимает потенциальные слова широко, включая в них и окказионализмы. Эр. Ханпира, размышляя над указанной проблемой, замечает: «Потенциальное слово – это слово, которое может быть образовано по языковой модели высокой продуктивности, а также слово, уже возникшее по такой модели, но еще не вошедшее в язык» [Ханпира 1972: 248]. «Окказиональное слово – это неизвестное языку слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели либо по окказиональной (речевой) модели...» [там же: 249]. Под окказиональной словообразовательной моделью ученым понимается «такая структурно-семантическая формула построения слов, которая неизвестна языку» [там же: 271].

Рассмотрим примеры.

I. (1) *В Англии появилась профессия «очередист»* (Взгляд 25.10.2001). – *Очередист* ← *очередь* + суффикс **-ист-** («человек, стоящий в очереди»). Существительное со значением лица по профессии образовано по известной в языке модели: *сущ. с предметным значением* + суффикс **-ист-** (ср.: *машинист, гитарист* и т.п.).

(2) *Клиповость* современной культуры рикошетит и на литературу (ЛР 05.03.2002). Отвлеченное сущ. *клиповость* образовано от прил. *клиповый* при помощи суффикса *-ость-* с абстрактным значением.

(3) Бывшая «*академичка*» была в этот вечер одета в шикарное красное платье (Собеседник 10.02.2003) – «*Академичка*» – солистка кабаре-дуэта «Академия». *Академичка* ← (*академ*)ия + *-ичк-*.

Это потенциальные слова, образованные морфологическим суффиксальным способом по известной узуальной модели без нарушения словообразовательного типа.

II. (1) *Тварьете* (МК 21.07.2003). – *Тварьете* – «варьете, где участвуют животные»: *тварь* + *варьете*. Данный окказионализм образован приемом междусловного наложения¹, при котором «слова накладываются, наезжают друг на друга: конец одного является началом другого» [Земская 1992: 191]. Это явление характерно только для образования окказиональных слов.

(2) *Обманный пункт* (АиФ 15.05.2002). – «Пункт обмена валюты, в котором обманывают»: *обмен* + *обман*.

(3) Но *Мульдозер*, так прозвал мопсиху Кирюшка, как все тучники, обожает именно то, что строго запрещено (Д. Донцова. Фиговый листочек от кутюр). – *Муля* (имя собств., кличка собаки) + *бульдозер*. Окказионализмы (2) и (3) созданы при помощи контаминации.² «Этот прием состоит в том, что соединяются два узуальных слова, которые порождают третье – окказионализм» [там же: 191]. Как отмечает М.А. Бакина, «...семантика окказионализмов, представляющая собой сложное соединение значений двух слов, связанных в одно целое, отличается особой образностью» [Бакина 1975: 96].

Вместе с тем различие между потенциальными и окказиональными словами Эр. Ханпира видит только на уровне словообразования (в зависимости от продуктивности словообразовательной модели). В то время как причины образования названных типов слов, характер их функционирования, по

¹ Данный способ В.П. Изотов рассматривает как разновидность контаминации [Изотов 1998].

² О контаминации как проявлении окказиональности см.: Де Болт 1998.

мнению ученого, являются общими. Это позволило исследователю сделать вывод: «Окказиональные и потенциальные слова можно объединить под названием окказиональных (в широком смысле)» [Ханпира 1972: 50].

В.В. Лопатин объединяет под общим названием «*окказиональные*» два типа слов: потенциальные и окказиональные слова, так как «и те и другие представляют собой слова, отсутствующие в языковой традиции, следовательно, такие, которые создаются в момент речи, тогда как все остальные слова в момент речи воссоздаются, воспроизводятся как готовые единицы языка» [Лопатин 1973: 70-71]. Объединяя окказиональные и потенциальные слова общим термином, В.В. Лопатин, вместе с тем, говорит о двух разрядах новообразований, которые на словообразовательном уровне соответствуют указанным выше группам. К разряду окказиональных слов он относит: 1) составные прилагательные типа «*беззаботно-насмешливые*»; 2) сложные слова с опорным компонентом «*боязнь*», обозначающие болезненный страх перед тем, что названо первой основой сложения (*книгобоязнь*); 3) слова с опорным компонентом «*мания*», обозначающие болезненные явления, связанные с чрезмерным пристрастием, увлечением чем-либо (*шпиономания*); 4) сложные слова с первым компонентом «*лже-*», обозначающие мнимость, ложность того, что названо второй частью слова («*лжеправдивость*»); 5) отглагольные существительные с суффиксом *-тель-*, обозначающие наименования людей («*переименователь*») и др. В разряд потенциальных слов ученый включает: 1) сущ. с суффиксом *-тель-* со значением производителя действия, названного мотивирующим глаголом; 2) сущ. с суффиксом *-ость-*; 3) сущ. с суффиксом *-ниј-*, обозначающие действие как процесс; 4) сущ. с суффиксами субъективной оценки и др. [там же]. Перечисленные группы слов свидетельствуют об отсутствии четких и строгих границ между окказиональными и потенциальными словами. Они обнаруживают больше общих признаков, чем различительных.

По-своему пытается развести понятия «окказионализм», «окказиональное слово», «потенциальное слово» Ю.А. Бельчиков. По мнению ученого,

понятие окказионализма шире, чем понятия окказионального слова и потенциального слова (окказиональное слово является представителем окказионализма в речи, ср.: морфема и морф) [Русский язык... 1997: 223].

Некоторые лингвисты, не отрицая факта существования потенциальных слов, считают неудачным сам термин «потенциальное слово» [Масленников 2000: 35]. Данный исследователь полагает, что термин «окказиональное слово» шире. Он дифференцирует окказионализмы на следующие типы:

- окказионализмы, образованные по продуктивным моделям;
- окказионализмы, образованные по непродуктивным моделям [там же: 35].

А.Г. Лыков указанные явления называет системные и несистемные окказионализмы, а В.В. Лопатин – слова, образованные по продуктивным и непродуктивным типам соответственно [см.: Лыков 1976; Лопатин 1973].

Принципиально новое понимание потенциальных слов представлено в работе Е.В. Сенько. Потенциальные неологизмы определяются ею как новые слова, обозначающие потенциально новые реалии, существующие в понятии с отрицательным денотатом (подчеркнуто нами – Е.Г.): биокиборг – «человеческое существо, соединенное с биокибернетическим устройством» [Сенько 2000а: 21].

Рассмотренные точки зрения при имеющихся различиях обнаруживают глубинное сходство: они не отрицают связи между потенциальным и окказиональным. Напротив, существует мнение, согласно которому потенциальные и окказиональные слова считаются антиподами, так как представляют собой два полюса словообразования. Потенциальные слова являются реализацией законов словообразования, окказиональные – нарушением этих законов [Земская 1973: 283].

Рассматривая механизмы чересступенчатого словообразования³, Р.М. Гейгер отмечает, что потенциальное слово не противопоставляется ок-

³ Термин предложен А.Н. Тихоновым. [См. Тихонов 1974: 17-18]. При чересступенчатом словообразовании в языке отсутствует единица, непосредственно мотивирующая данное производное слово.

казиональному, а сопутствует ему [Гейгер 1982]. Мы согласны с этим мнением. Поясним сказанное примерами.

(1) *Когда-то, сбившись с перспективы,
Мрачатся улиц выхода...* (Б. Пастернак. Бабочка-буря).

Для того чтобы возник окказионализм *мрачиться*, а именно от него образовалась данная форма (*мрачатся*), необходимо было мысленно создать потенциальный глагол *мрачить* (*мрачиться*) от сущ. *мрак*. Хотя, как нам представляется, одинаково верным было бы полагать, что окказионализм *мрачиться* возник в результате депрефиксации от глагола *омрачиться*.

(2) *Чем утешить эту ветошь?*

О, ни разу не шутивший,

Чем запущенного лета

Грусть заглохшую утешить? (Б. Пастернак. Любимая, что тебе еще угодно?).

Окказионализм *утешить* чересступенчато образован от узуального прилагательного *тихий*. Если же мы будем восстанавливать словообразовательную цепочку, то ее промежуточным звеном будет потенциальный глагол *тишить*: *утешить* ← *тишить* ← *тихий*.

В связи со спором о потенциальных и окказиональных словах, считаем адекватным замечание М.С. Малеевой, которая пишет: «Практически нет слов, которые можно было бы квалифицировать как чисто потенциальные или чисто окказиональные». Важно проследить, «в какой мере проявление потенциального, узуального и окказионального диалектически отражается в новообразованиях различного характера» [Малеева 1983: 112-113]. Мы не ставим своей целью анализировать новообразования в словообразовательном аспекте, и поэтому дифференциация речевых единиц на потенциальные и окказиональные не имеет для нас принципиального значения. Однако «признание потенциальности в языке позволит более диалектично, а следовательно, и более объективно, изучить взаимоотношение языка и речи, синхронии и

диахронии, глубинного и поверхностного, узуального и окказионального и т.д.» [Жуков 1986: 13].

Принимая во внимание наличие узуальных (нормативных), с одной стороны, и потенциальных и окказиональных (ненормативных), с другой, – все способы словообразования традиционно делятся на узуальные и неuzuальные (окказиональные). «Узуальными следует считать такие способы словообразования, которые находятся в центре словообразовательной системы и наиболее активно участвуют в процессе словотворчества» [Изотов 1998: 159].

«Русская грамматика» к узуальным способам словообразования относит: 1) способы образования слов, имеющих одну мотивирующую основу: суффиксация, префиксация, постфиксация, префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный способы, субстантивация; 2) способы образования слов, имеющих более чем одну мотивирующую основу: сложение, сложение с суффиксацией, сращение, аббревиация; 3) смешанные способы: префиксально-суффиксально-постфиксальный, префиксально-сложный (типа *умиротворить*), префиксально-суффиксально-сложный (типа *втридорога*), сращение с суффиксацией [Русская грамматика-80: 138-139].

Достаточно подробно в литературе рассмотрены окказиональные слова, образованные на основе названных узуальных способов [см.: Григорьев 1986; Земская 1992, 2000; Пятницкий 1969; Стехин 1980; Улуханов 1984 и др.].

Приведем некоторые примеры чистых и смешанных узуальных способов, характерных для образования окказионализмов.

(1) Суффиксация:

а) Телевизионным **рекламистам** в каком то смысле не повезло... (Черногорский курьер 09.04.2003).

б) Да, это явное доказательство ее вранья. Все остальное лишь **размышлизмы**. (Д. Донцова. Фиговый листочек от кутюр).

Е.А. Земская отмечает, что суффиксация является наиболее универсальным, действующим во всех сферах современного русского языка способом словообразования [Земская 1992: 90].

(2) Префиксально-суффиксальный способ:

а) Для справки: *предыдущий, «дохвостовский» сексуальный маньяк... кроме насилия еще и грабил квартиры...* (Шанс 24-30.07.2003). – «Дохвостовский» – от имени собственного *Хвостов*.

б) *Благодать... или мне кажется, или действительно на улицах стало гораздо больше молодых людей эдакого «распальцованного»⁴ поведения* (Аргументы успеха 07.05.2003).

Рассматривая механизмы неузального словообразования, Е.А. Земская справедливо замечает: «Говорящие строят их (окказиональные слова – Е.Г.) в строгом соответствии с законами словообразования, и в продолжение этих законов, и в нарушение их» [Земская 1992: 184].

Действительно, в наших примерах: (1а) – окказионализм *рекламист* построен в соответствии с законами словообразования: *(реклам)а + -ист-* → *рекламист*; (2а) – окказиональное прилагательное «дохвостовский» также образовано по известной языку словообразовательной модели без нарушения словообразовательного типа: *До-* + *Хвостов* + *-ск-* → *дохвостовский*; (1б) – в продолжение этих законов, так как известно, что узальные слова с суффиксом *-изм-* не образуются от глагольных основ (как в данном случае): *(размышл)ять + -изм-* → *размышлизм*. Е.А. Земская отмечает, что подобные существительные на *-изм-* (см. пример (1б)) свидетельствуют о расширении возможностей единого словообразовательного типа [там же: 188]; (2б) – нарушает законы словообразования, так как в языке нет непосредственно мотивирующего данный окказионализм слово (глагола *распальцовывать/ распальцевать*), то есть окказионализм *распальцованный* образован чересступенчато от слова *палец*.

⁴ Распальцованный – «вызывающий, нескромный» (определено нами – Е.Г.). Ср.: «пальцы веером».

Наиболее частотны в современных СМИ, по нашим наблюдениям, окказионализмы, образованные способами сращения и сложения. Например:

(1) *Интерпсихоз* (Университетская газета 21.01.2003).

Премия «Радиомания» организована гильдией радио и проводится второй год (Взгляд 18.02.2003).

(2) Праздник *Левосудия* (МК 17.07.2003).

Лохотронщики отправляли пенсионеров за деньгами на такси (МК 04.07.2001).

Е.А. Земская замечает, что сложные слова «составляют одну из самых обширных групп новой лексики» [Земская 1992: 41]. Как нам представляется, словосложение – один из тех способов, при котором синтаксическая объективация успешно переходит в лексическую, то есть вторично воплощается уже не на уровне описательного оборота, а на уровне слова. Такие окказионализмы, как правило, экспрессивны. Например: *Метробаня* (АиФ 16.05.2002). Данный окказионализм образован способом сращения (*метро* + *баня*). [В статье речь идет о том, что летом в метро очень жарко, а вентиляции практически нет]. Автор своеобразно, творчески воссоздает обыденное явление через создание окказионального слова, которое более экспрессивно по сравнению с описательным оборотом. Интенсивность экспрессии в этом случае повышается и за счет использования сравнения (метафоры). Известно, что в языке отдельно взятые слова *метро* и *баня* окрашены нейтрально, однако окказионализм, образованный путем слияния данных основ, приобретает пейоративную оценку. Это достигается путем сталкивания разнородных семантических валентностей, названных слов в одном окказионализме⁵.

Среди узуальных способов, характерных и для образования окказионализмов, В.П. Изотов рассматривает семантизацию, под которой понимает «любое изменение значения слова при сохранении звуковой оболочки» [Изотов 1998]. **Семантизация** – это «наиболее продуктивный способ появления семантических новообразований, состоящий в переосмыслении слов, исполь-

⁵ Подробнее о лексической экспрессивности см. Матвеева 1986.

зовании уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Черникова 1998: 6].

В лингвистической литературе подробно исследованы такие механизмы семантизации, как метафоризация и метонимизация [см.: Арутюнова 1999; Кузнецова 1996; Черникова 1998, 2001; Химик 2000 и др.]⁶. В.П. Изотов, кроме метафоры, метонимии, синекдохи, рассматривает различные явления, связанные с пересемантизацией слова. Он описывает, например, пансемию – употребление слова в самых различных значениях, его стремление к всезначности: «*Крутой фильм*» – «*очень хороший*», «*Ты что, крутой?*» (о человеке, на самом деле, не имеющем никакой «крутизны»). В данных примерах слово *крутой* употребляется как с целью позитивной характеристики, так и негативной. Ученые рассматривают и некоторые другие механизмы семантизации [Изотов 1998].

Для нас процесс семантизации представляет интерес постольку, поскольку «является одной из возможностей создания экспрессии, ибо она, как правило, связана с семантическими сдвигами, что приводит к дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом» [Гольцова 1993: 82]. Рассмотрим некоторые примеры.

Анализ языкового материала с целью выявления механизмов создания окказиональных метафор показал, что наиболее продуктивными являются метафорические переносы, основанные на сходстве функций (1) и сходстве ассоциаций (2).

(1) *Где бы поШАРить?* (АиФ 05.07.2002). – *ПоШАРить* = «поиграть в шары» [Речь идет о боулинге].

...*Вот это следовало бы показать кукловодам* (Ратники Отечества 19.12.2002). – *Кукловоды* = люди власти.

(2) *Кормовая культура* (Взгляд 05.12.2002) [Речь идет о культуре питания]. Представлена контаминационная единица: эпитет + метафора.⁷

⁶ Лексическая окказиональность подробно рассмотрена во II и III главах настоящей работы.

⁷ Об этом подробнее см. главу II.

У «небожителей» – мобильная связь со всеми операторами-режиссерами-звуковиками (АиФ 10.02.2002). – «Небожители» = работающие на верхних этажах.

Самыми образными, на наш взгляд, являются окказиональные метафоры, возникающие путем «обратного» переосмысления значения: от образного к буквальному. Такое явление было названо В.Н. Виноградовой «деидиоматизация» – своеобразное восстановление внутренней формы [Виноградова 1984: 159]. Рассмотрим примеры:

(1) *Мама, вы так диван **унизили!**?* (Детская речь). Ср.: «Унизить – оскорбить чье-нибудь достоинство, самолюбие. Унизить насмешкой» [Ожегов, Шведова 1992: 864], в данном контексте *унизить* – опустить, сделать ниже под давлением веса людей.

(2) *Шоколад и кофе немного прибавляли сил «**несносной**» девочке...* (ЛР 02.04.2002). Ср.: «Несносный – такой, что трудно вынести, вытерпеть. Несносный характер» [Ожегов, Шведова 1992: 423], в данном контексте *несносный* – тот, кого трудно нести на руках [речь идет о девочке, которая из-за болезни плохо ходит].

Такие окказионализмы, как уже отмечалось, всегда отражают стремление адресанта восстановить внутреннюю форму слова (его мотивированность), что ведет к омонимии языкового и речевого значений. «Омонимия при этом не только не ощущается как препятствие, но и используется как средство создания каламбурной двуплановости» [Виноградова 1984: 159]. «В экспрессивно окрашенном значении обязательно присутствует мотивирующий эмотивно-оценочное отношение признак, который чаще всего совпадает с внутренней формой наименования» [Телия 1986: 70].

Что касается явления окказиональной метонимической семантизации, то она также разнообразно в своих проявлениях.

С одной стороны, – это традиционные метонимические переносы по формуле *часть ↔ целое*. Например:

(1) а) *СаАЗия... СаАЗия...* (Взгляд 25.06.2002). – *СаАЗ* = *Саянский алюминевый завод*. Метонимическая окказиональность в данном случае создается так: «завод ↔ рабочие завода ↔ страна ↔ жители страны».

б) *Владимир Болдырев: свой «Город солнца» мы назовем Каспианой*. (Собеседник 07.05.2003).

С другой стороны, – это более сложные образования, предполагающие разнонаправленные связи.

(2) – *Что он подарил в последнее **новогодие**?*

– *Перстень с топазом*. (МК 02.07.2001).

В данном случае *новогодние* – это и итог года (*целое*) и начало нового года, и в этом смысле – *часть* будущего целого.

Достаточно частотны метонимии, связывающие действие и его результат.

(3) а) – *15 лет Юра не пил. Не сам по себе бросил – **зашивался***. (МК 02.07.2001). Метонимия усиливается здесь транспозицией («*возвратность*» в значении «*невозвратности*»), что влечет за собой антифразисное переосмысление (*зашивался*: эксплицитно – сам; имплицитно – кем-то).

б) *Последние фильмы англичан... сделаны не на низкопробном языке. Это не телевизионное мыло. Это делают «**насмотренные**» люди, они используют достижения того же черного кислотного английского кино* (МН 09.01.2002). В данном случае метонимия усиливается перифразом: *насмотренные люди = профессионалы*.

Окказиональный способ словообразования – это способ словообразования, обратный узуальному (ср.: *неприятнь*←*приятнь*), либо случайный, неизвестный до определенного времени системе языка (*Небьетсянеломаетсяятолькокувыркаетсяя*) [Изотов 1998].

Большинство исследователей [Арутюнова 1961; Изотов 1997; Нефляшева 1998; Смирницкий 1956; Улуханов 1992а; Шанский 1968], которые в своих работах рассматривают окказиональное словообразование, так или иначе указывают на соотношение окказиональных способов с узуальными.

Так, И.С. Улуханов предлагает делить окказиональные способы словообразования на чистые и смешанные (по аналогии с узуальными). Среди чистых обратных окказиональных способов ученый называет: десуффиксацию (радиовещание – радиовещать), депрефиксацию (неразбериха – разбериха), депостфиксацию (содрогаться – содрогать), десубстантивацию (прохожий (сущ.) – прохожий (прил.)), декомпозицию⁸ (фининспектор – фин)). [Улуханов 1992а]. «Обратный словообразовательный процесс – это окказиональное заполнение пустующей клетки, предназначенной в словообразовательной цепочке для отсутствующего в ней слова» [там же: 5]. Таким образом, данный исследователь не разграничивает окказиональные и потенциальные способы (ср. Изотов 1998), объединяя указанные явления под термином «окказиональные».

Классификации так называемых «прямых», по терминологии И.С. Улуханова, способов у разных ученых различны. И.А. Нефляшева, к примеру, строит свою классификацию на учете четырех основных процессов: вставки какой-либо единицы в узуальное слово (*словонеохотливый*), замены одной морфемы на другую («недоворот» ← *переворот*), наложения слов (*кравчукчи* ← *Кравчук + чукчи*), контаминации («коопираты» ← *кооператор + пират*) [Нефляшева 1998].

Наиболее подробно, на наш взгляд, способы образования окказиональных слов проанализированы в докторской диссертации В.П. Изотова. Автор основывает свою классификацию на блочном принципе, рассматривая сначала морфемные блоки и морфемные способы соответственно, затем словный, сегментный, комбинированный блоки и внеблочные способы. Данный исследователь, кроме узуальных и окказиональных способов словообразования, выделяет еще и потенциальные (такой дифференциации мы не встретили больше ни в одной работе). К числу потенциальных автор относит окказиональные разновидности узуальных способов. В этой связи он пишет: «...в ряде случаев типичный (нормативный, узуальный) способ может принимать нетипичное «обличие», то есть в процессе своего функционирования в нем

⁸ Декомпозиция – процесс, обратный сложению и сращению (*свеже выкрасили* ← *свежевыкрашенный*).

могут развиваться сначала окказиональная разновидность, которая, обособляясь все больше, становится самостоятельным способом» [Изотов 1998: 175]. Среди потенциальных способов он рассматривает гендиадис, редупликацию, голофразис, плюрализацию, сингуляризацию. Например, гендиазисом называется окказиональная разновидность сложения, заключающаяся в рифмовке составляющих компонентов: «*А между тем – оправка да лечебные процедуры, анализы-манализы всякие*» (А. Лаврин). Как нам представляется, дополнительного «рифменного» смысла, который, по мнению автора, делает такие слова более выразительными, эмоциональными, все же недостаточно для рассмотрения подобных случаев в качестве отдельного потенциального способа словообразования. Эти и подобные явления требуют дальнейшего изучения.

Изучая окказионализмы в словообразовательном аспекте, ученые фиксируют некоторые морфемы окказионального характера. Так, И.С. Улуханов пишет: «...недавно возник префикс *около-*, префиксы *внутри-* и *вне-* возникают на наших глазах. Они представлены главным образом в неологизмах и окказионализмах: *внутривенно, внутрикожный; внеатмосферный* и т.п.» [Улуханов 1981: 50-51].

Подытожим сказанное.

1. При словообразовательном подходе ученые выявляют способы образования окказионализмов, описывают словообразовательные модели, по которым они создаются, фиксируют некоторые окказиональные морфемы. При этом все способы словообразования делятся на узуальные (центральные), при помощи которых образованы слова языка, а также образуются окказиональные слова, и окказиональные (периферийные), характерные только для образования окказионализмов. Особое положение занимает точка зрения В.П. Изотова, который в качестве промежуточного звена между узуальными и окказиональными выделяет потенциальные способы словообразования. Потенциальные способы, по мнению ученого, – это окказиональные разно-

видности узуальных способов, например, рифмованное сложение (*анализы-манализы*).

2. Окказионализмы понимаются как слова, неизвестные языку и образованные по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, либо по окказиональной (речевой) модели. Главный критерий выделения окказиональных слов – их отсутствие в языке и словообразовательная производность. При таком подходе наиболее существенными признаками окказионального слова являются структурные признаки, указывающие на связь со словообразованием. Кроме окказионализмов некоторые ученые выделяют потенциальные слова [см.: Винокур 1943, 1991; Изотов 1998; Ханпира 1972 и др.]. «Потенциальное слово – это слово, которое может быть образовано по языковой модели высокой продуктивности, а также слово, уже возникшее по такой модели, но еще не вошедшее в язык» [Ханпира 1972: 248]. Ср.: *очередист, телепатнул, клиповость* – потенциальные слова; *путиница (Путин + путаница), приязнь ← неприязнь, балдевка (пиво «Балтика» № 9)* – окказионализмы.

1.1.1.2. Ономасиологический аспект

Ономасиологический подход к слову традиционно является одним из направлений словообразования. Применительно к анализу новообразований считаем целесообразным рассмотреть его самостоятельно, поскольку задачи изучения окказионализмов и неологизмов при словообразовательном и при ономасиологическом подходе принципиально различны.

Основная задача изучения новообразований в рамках указанного подхода состоит в выявлении причин образования новых слов, или причин лексической объективации. Данной проблеме посвящена монография О.А. Габинской «Типология причин словотворчества» [Габинская 1981]. Подробное обоснование сути ономасиологического подхода к образованию слов и фразеологических единиц находим в работах И.С. Торопцева, возглавляющего

орловскую школу ономаσιологов. Ученые этого направления рассматривают процесс образования слов как психоречевой (мыслительный) процесс объективации (материализации) некоторого идеального содержания понятийного типа, уже сформированного в голове человека на материальной базе описания или на базе уже существующего в языке слова либо фразеологизма, в новой для этого содержания форме, состоящей не менее чем из двух раздельно, дистантно расположенных компонентов, которые не по частям, а сразу целиком объективируют данное содержание. Указанный подход близок к словообразовательному, однако принципиально отличается от него тем, что изучает сам процесс образования новых слов, а не его результат.

Рассматривая этапы лексической объективации, исследователи указывают, что до лексического воплощения определенного смысла всегда существует описательное выражение понятия. Так, О.А. Габинская отмечает: «...до возникновения слова *универсиадец* его содержание могло передаваться описательно – посредством словосочетания *участник универсиады*. Данная конструкция не только объективирует смысл до образования слова, но и является материальной (звуковой) базой для словопроизводственного процесса» [Габинская 1981: 26-27]. Таким образом, выделяются две формы объективации знания – лексическая и синтаксическая.

Нетрудно заметить, что при указанном подходе дихотомия неологизм (новое слово языка) – окказионализм (новое слово речи) в принципе снимается, поскольку является несущественной для ономаσιологического исследования. Термины «неологизм» и «окказионализм» оказываются синонимичными и приравняются к понятию «новообразование», а сама антиномия «язык – речь» оказывается недостаточной и требует уточнения. Свой анализ О.А. Габинская проводит на примере окказионализма «*пережидальщк*». Первоначальной формой объективации знания было описание «*тот, кто пережидает что-либо*». Само это описание является реализацией языковых средств: единиц и правил их построения. В описании используются единицы словарного состава, модели образования словоформ, а также модель по-

строения конкретной синтаксической конструкции, реализация этих языковых средств, заключающаяся в построении конкретной синтаксической конструкции, осуществляется на уровне речи. Таким образом, в синтаксической объективации принимают участие и язык, и речь. На этапе лексической объективации также используются языковые средства, это единицы словаря языка (глагол «*переждать*», например), а также правила построения слов. Таким образом, ключевым при данном подходе становится понятие «индивидуальный язык» – то есть язык отдельного индивида. О.А. Габинская отмечает, что прежде чем создавший слово носитель языка употребил его в тексте, это слово вошло в состав средств коммуникации, имеющихся в распоряжении данного человека, то есть вошло в его язык. Очевидно, что узусальные слова и неологизмы принадлежат общему языку, а окказионализмы являются принадлежностью индивидуального языка и не воспроизводятся в общем языке [там же].

Причины лексической объективации (образования слов) О.А. Габинская делит на два типа: универсальные и факультативные, которые сочетаются при образовании каждого слова. Причины первого типа связаны со стремлением объективировать (воплотить в словесной форме) определенное идеальное содержание: тот или иной наиболее общий семантический признак (предметности, атрибутивности и прочие). Причины второго типа связаны с необходимостью устранения расчлененности наименования (ср. *пережидащик* – *тот, кто переживает что-либо*).

Таким образом, при ономаσιологическом подходе к изучению новообразований процесс лексической объективации рассматривается как психоречевая материализация некоторого идеального содержания в новой словесной форме. При этом традиционное противопоставление «неологизм – окказионализм» оказывается несущественным, поскольку исследуются причины и механизмы порождения любого нового слова. Одним из ключевых оказывается понятие «индивидуальный язык» (язык индивида), принадлежностью

которого и оказываются окказионализмы. Это принципиально отличает данный подход от словообразовательного.

1.1.1.3. Лексикологический аспект

Данный аспект представлен в большинстве вузовских учебников [Калинин 1978; Кодухов 1979; Фомина 1978; Шанский 1972а; Шмелев 1977 и др.], а также отражен во многих специальных работах [Бакина 1975; Брагина 1973; Гончаренко 1978; Лопатин 1973; Лыков 1976 и др.].

При указанном подходе неологизмы рассматриваются как определенные единицы лексики, как элементы ее пассивного состава, окказионализмы же трактуются как особая разновидность неологизмов (речевые единицы), не соответствующая общепринятому употреблению [Кодухов 1979; Стехин 1980; Фельдман 1957]. Существует и другое мнение, признающее окказионализмы лишь особыми речевыми образованиями, не соотносимыми с неологизмами. Наиболее четко оно обосновано А.Г. Лыковым. Он считает, что новые слова, появляясь в определенное время в языке, затем перестают быть новыми, попадая в активную лексику или устаревая. Окказионализмы, напротив, – явление всегда вневременное. Ученый отмечает: «Историческая же жизнь окказионализма носит точечный характер, так как окказионализмы в принципе диахронически непротяженны. Принципиальная непричастность окказиональных слов к временному плану языка объясняет невозможность включить их в соотношение типа: окказионализм – актуальное слово – архаизм» [Лыков 1976: 103]. Поскольку окказионализм – все же новое слово, его целесообразно классифицировать как речевую разновидность новых слов.

Рассматривая окказиональное слово, исследователи обычно выдвигают целый ряд критериев структурного, семантического и функционального планов, позволяющих отграничить окказиональное слово от канонического, с одной стороны, и от неологизма – с другой [см.: Лыков 1976; Фельдман 1957; Шанский 1964;]. Среди признаков, присущих окказионализму, ученые чаще

всего отмечают: абсолютную новизну, зависимость от контекста, отсутствие фиксации в словарях [Фельдман 1957: 6].

Учитывая эти признаки, окказионализмы обычно определяют как новые единицы, созданные кем-либо для определенного контекста, сохраняющие постоянную новизну и отсутствующие в словарях [Фельдман 1957]. Лексический анализ новообразований осуществляется на определенном синхронном срезе – в пределах современного состояния русского литературного языка.

При указанном подходе в кругу явлений окказиональности рассматриваются обычно не только лексические (новые слова) и семантические (новые значения) окказионализмы, но и окказионализмы-фразеологизмы [Ханпира 1972]. В отношении последних исследователи говорят о необходимости разграничения окказиональных фразеологических единиц и окказионального употребления фразеологических единиц. Так, Н.Г. Гольцова пишет: «Окказиональным можно считать лишь такой фразеологизм, который создан по модели уже имеющегося и у которого ощущается внутренняя связь с этим исходным фразеологизмом (смысловая и структурная). Ср.: *слесарю – слесарево, кесарю – кесарево*» [Гольцова 1993: 84]. Окказиональное же употребление фразеологических единиц – это различного рода модификации и трансформации фразеологизмов в контексте: *грызть азы науки, ни дна ни покоя* (языковой материал наш – Е.Г.) [см.: Алипулатов 1998; Брагина 1973; Гольцова 1993; Жуков 1986; Лопатин 1973; Лыков 1977; Тэйц 2000; Флоря 2000]. Некоторые исследователи в кругу окказиональных явлений рассматривают случаи нарушения лексической сочетаемости. Так, Л.А. Каракуц-Бородина приводит пример, иллюстрирующий это явление: *На рассвете, опустив плавник, отложив **снулую** книгу, он вдруг набросился на себя.* «Снулый» – сонный, неживой (о рыбе) [Каракуц-Бородина 1999: 54].

Кроме проблемы классификации окказионализмов, одним из главных вопросов в рамках лексикологического аспекта является изучение условий и возможности вхождения/ невхождения окказионализмов в языковую систе-

му. В связи с этим некоторые ученые справедливо замечают, что окказиональным образованиям по сути своей чужда идея вхождения в язык, так как они создаются в основном с целью эмоционально-экспрессивного воздействия, а не для номинации [Флоря 2000]. Другие исследователи [Гольцова 1993; Зильбер 2000; Ханпира 1972], признавая наличие у окказионализма номинативной функции, критерием вхождения окказиональных слов в язык считают частотность их использования в речи. Чем чаще окказиональная номинация функционирует в речи, тем больше у нее шансов войти в языковую систему. Таким образом, окказионализм вовлекается в линейную связь: окказионализм – неологизм – общеязыковое слово.

При лексикологическом подходе в кругу внимания исследователей оказываются и проблемы, связанные с парадигматическими отношениями окказиональных слов. Так, явления синонимии, антонимии, омонимии окказиональных и узуальных слов рассматриваются в работах [Габинская 1981; Ханпира 1972;].

Таким образом, при лексикологическом подходе актуальным является рассмотрение новых явлений на определенном синхронном временном отрезке. Анализу подвергаются уже созданные речевые (окказионализмы) и языковые (неологизмы) образования. Исследуются проблемы соотношения окказионализмов с языковой нормой, с общепринятыми (каноническими) словами, с неологизмами. Рассматриваются условия вхождения окказиональных слов в языковую систему.

1.1.1.4. Лексикографический аспект

Данный аспект представлен в работах С.И. Алаторцевой, Л.В. Алешиной, Берков, Павлова 1983, Н.З. Котеловой, С.А. Остапенко, Е.В. Розен, С.И. Тогоевой, Н.И. Фельдман, [см. библиографию]. Названные исследователи концентрируют свое внимание на проблеме кодификации новых слов и выражений. Неография – теория и практика лексикографического

описания лексико-фразеологических новаций языка – является составной частью общей теории и практики лексикографии.

При лексикографическом рассмотрении немаловажной также является проблема разграничения неологизмов и окказионализмов. Решающую роль, по мнению Н.И. Фельдман, при этом играет лексикограф, то есть составитель словаря. Она пишет: «В конечном счете, составитель словаря решает, какое слово находится перед ним: имеющее «безусловное хождение», малоупотребительное или, наконец, продукт индивидуального словотворчества» [Фельдман 1957: 72]. Вместе с тем отсутствие четких критериев зачастую не позволяет отличить новое слово языка от индивидуально-авторского образования. Тем более это не под силу одному исследователю. Н.З. Котелова, один из авторов словарных материалов «Новое в русской лексике», справедливо замечает: «Отказываться от включения в выпуски настоящей серии подобных слов (окказионализмов – Е.Г.) представляется нецелесообразным не только потому, что ставится задача охвата разнообразных процессов образования слов, но и потому, что эти выпуски отражают подвижный, текучий материал, не позволяющий строго разграничивать слова «речевые», разового употребления, и слова «языковые», воспроизводимые, общеупотребительные» [Новое в русской лексике – 80 1984: 5].

Новые слова и значения находят свое отражение в специальных словарях⁹. Неологические словари русского, английского и французского языков стали выходить с 1971 года. С.И. Алаторцева описывает четыре различных типа словарей новых слов.

1. Словари, фиксирующие новую лексику и фразеологию литературного языка одного десятилетия (Новые слова и значения 1960-х гг.; 1970-х гг.; 1980-х гг.)

⁹ Анализу словарей авторских новообразований в современной отечественной лексикографии посвящена докторская диссертация Л.В. Алешиной [Алешина 2002].

2. Словарные бюллетени серии «Новое в русской лексике», представляющие объективную и полную картину новинок языковой жизни одного года.

3. Словарь новых слов русского языка, зарегистрировавший новое в лексике и фразеологии русского языка 1950 – 80-х гг.

4. Так называемый «Словарь слов», или сводный словник всех словарей новых слов, включивший в себя более 60 тыс. новообразований разного характера [Алаторцева 1997: 9].

Как уже отмечалось, в словари новых слов зачастую включаются и окказионализмы. Вместе с тем существуют и отдельные словари окказиональной лексики, включаемой в поэтический язык того или иного автора. Как отмечает Н.А. Лукьянова, активная практика составления таких словарей приходится на 70-90-е гг. XX века. Так, в последние 10 лет вышли в свет словари неологизмов В.В. Маяковского, В. Хлебникова, И. Бродского (словарь тропов), М. Цветаевой. В неографической практике последних 10 лет основной тенденцией, по мнению Н.А. Лукьяновой, является усиленное внимание к функционально-коммуникативной стороне описываемых единиц, стремление показать их динамику в речи [Лукьянова 2003]. Как нам представляется, словари окказионализмов помогают не только глубже понять идиостиль художника слова, но и выявить закономерности развития стилистических ресурсов русского языка. Помогают проследить роль окказионализмов в становлении литературных норм и в истории русского литературного языка.

Таким образом, при лексикографическом подходе к изучению новообразований главной особенностью является их фиксация в специальных словарях, а также разностороннее изучение их семантико-функциональных характеристик.

1.1.2. Психолингвистический аспект

Названный подход к анализу новообразований достаточно ярко представлен в работах исследователей тверской школы психолингвистики, которая функционирует под руководством доктора филологических наук, профессора А.А. Залевской. Он находит широкое отображение в регулярно издаваемых с 1978 года научно-практических сборниках, посвященных различным проблемам психолингвистики. Как отмечают ученые этого направления, одним из недостатков ранее рассмотренных подходов к новым явлениям является описание новых фактов языка и речи, а не изучение механизмов их порождения. Лингвистическому анализу подвергаются уже готовые, наличествующие явления, в то время как причины их возникновения не исследуются. Анализируя причины появления психолингвистики как отдельной науки, А.А. Леонтьев пишет: психолингвистика «возникла в связи с необходимостью дать теоретическое осмысление ряду практических задач, для решения которых чисто лингвистический подход, связанный с анализом текста, а не говорящего человека (подчеркнуто нами – Е.Г.), оказался недостаточным» [Леонтьев 1990: 404].

При рассмотрении окказиональной лексики большинство лингвистов [см., в частности Брагина 1973; Каде, Савостьянова 2001; Лопатин 1973; Лыков 1976; Стехин 1980; Ханпира 1972 и многие др. исследования, осуществляемые в рамках традиционного системно-структурного (статического) подхода к анализируемым явлениям] отмечает, что окказиональные слова порождаются специфическим контекстом и функционируют только в нем. Приведем лишь некоторые определения. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой находим следующие дефиниции: «Окказиональный – не соответствующий общепринятому употреблению, носящий индивидуальный характер, обусловленный спецификой контекста» (подчеркнуто нами – Е.Г.). «Окказионализм – слово, образованное по

непродуктивным моделям, используемое только в условиях данного контекста» (подчеркнуто нами – Е.Г.) [Розенталь, Теленкова 1985: 174]. В энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ю.Н. Караулова читаем: «Окказионализмы (от лат. occasionalis – случайный) – речевые явления, возникающие под влиянием контекста (подчеркнуто нами – Е. Г.)...» [Русский язык... 1997: 283]. В противовес этому психолингвисты заявляют: «Источником возникновения новых слов мы не можем считать ничего, кроме речевой способности носителя языка. Слово не возникает в тексте, оно там лишь фиксируется (разрядка наша – Е.Г.)» [Тогоева 1999: 80].

Таким образом, продуктивным при рассмотрении новых слов является такой подход, «когда мы стремимся определить, в результате какого процесса оно возникает или же преобразованием какой единицы (единиц) может считаться» [Кудрявцева 1993: 8]. В соответствии со сказанным на первый план выступает вопрос: «Как возникают новые слова? Каков механизм их порождения?» При таком подходе утрачивается необходимость дифференцировать новые явления на неологизмы и окказионализмы. Так, О.А. Габинская пишет: «...окказионализмы возможно называть неологизмами, ибо *новый* не только «впервые созданный или сделанный, недавно появившийся или возникший (антоним – *старый*), но и «незнакомый, малоизвестный» (антоним – *известный, знакомый*)» [Габинская 1981: 29]. Таким образом, неологизмы и окказионализмы понимаются как синонимы. Широко понимает новообразования Л.И. Плотникова. Она пишет: «Мы принимаем объединяющие термины «новообразование» = «новое слово» = «инновация» и трактуем их (противопоставляя узуальным, общепринятым языковым единицам) как слова временного и индивидуального употребления, которые не фиксируются толковыми словарями, то есть как незузальные речевые (подчеркнуто нами – Е.Г.) образования» [Плотникова 2000: 12].

Отсутствие дифференциации новообразований на неологизмы и окказионализмы, как отмечает С.И. Тогоева, объясняется тем, что любое новое слово *воспринимается носителями языка иначе* (курсив наш – Е.Г.), чем

предполагают классификации, разработанные учеными-лингвистами. Автор пишет: «Для индивидуального сознания носителя языка не существенно, зафиксировано или нет то или иное слово в словаре, придумано ли оно с ясно осознанной целью писателем или возникло благодаря случайной оговорке» [Тогоева 2000: 124].

При указанном подходе основное внимание обращено к речевой организации индивида, которая трактуется как «процесс-продукт, в котором новые слова играют ключевую роль...» [там же]. Ученые данного направления экспериментально исследуют процесс восприятия нового слова индивидом, особенности идентификации значения новых слов, принадлежащих к различным частям речи. С.И. Тогоева рассматривает систему идентификационных стратегий, которыми пользуется индивид при опознании нового слова. При этом различные проблемы неологии рассматриваются с учетом процессов реальной речевой деятельности носителей языка.

1.1.3. Функционально-прагматический аспект

Изучению особенностей функционирования окказионализмов посвящено значительное количество научной литературы. В функционально-стилистическом аспекте окказионализмы рассматриваются в работах О.И. Александровой, В.Н. Виноградовой, Г.О. Винокура, О.А. Головачевой, В.П. Григорьева, Л.Н. Елизаровой, В.В. Лопатина, О.Г. Ревзиной, Эр. Ханпирры, А.В. Черниковой и других исследователей [см. библиографию]. Названные ученые уделяют внимание рассмотрению особенностей функционирования главным образом лексических окказионализмов.

Лингвистами исследуются функции уже созданных слов в художественных текстах различных жанров, их взаимодействие с контекстом, соотношение с другими его элементами, влияние новообразований на развитие лексической и словообразовательной системы языка и на язык в целом.

Одной из основных сфер функционирования новообразований в широком смысле является поэтическое словотворчество. О.Г. Ревзина замечает: «Окказиональные слова как выразительное поэтическое средство входит в русский поэтический язык, начиная с Баратынского. И на протяжении XIX–XX веков мы наблюдаем впечатляющую картину расцвета техники окказиональных слов в поэтическом дискурсе» [Ревзина 1996: 303].

Стремясь отразить такой признак окказионализма, как индивидуальная принадлежность, то есть наличие у него конкретного автора (творца), а также, обращая внимание на функционирование окказионализма в поэтическом контексте, ученые дают ему такие наименования: «индивидуально-авторские неологизмы», «авторские, или индивидуально-стилистические неологизмы», «поэтические неологизмы», «литературные неологизмы», «слова-самоделки», «неологизмы контекста», «неологизмы поэта» и другие¹⁰.

Поскольку «авторские поэтические неологизмы являются средством выражения «образа автора» или точки зрения лирического героя, они редко являются «чистыми» номинациями реалий – чаще это обозначение качеств, свойств, выражающих восприятие и авторское отношение, а также эмоциональные и/или оценочные авторские переименования» [Виноградова 1995: 145]. Так, размышляя над идиостилем И. Северянина, О.Г. Ревзина замечает: Вот северянинские *лесоозеро, альпорозы, озерзамок, ядоцветы*. Ясно, что никакого особого значения в них нет, *лесное озеро, альпийские розы, озерный замок* и *ядовитые цветы* выражают тот же смысл совершенно адекватно» [Ревзина 1996: 304]. В связи с этим исследователь говорит об «особой акцентной функции» таких окказионализмов. Автор подчеркивает, что здесь на первый план выходит экспрессия формы, а не экспрессия смысла.

Таким образом, рассуждая о возможности разграничения неологизмов и окказионализмов (индивидуально-авторских образований), названные исследователи главенствующую роль отводят функциональному критерию. По-

¹⁰ Наиболее полный перечень терминов для обозначения новообразований приводит В.В. Лопатин [Лопатин 1973: 64].

скольку, как справедливо отмечает О.Г. Ревзина, «окказиональным словам нет нужды становиться стационарными словами, оставаться в памяти носителей языка, ибо их функциональное назначение не в том, чтобы дать название реалии или новому явлению – это прерогатива неологизмов. Что же касается окказиональных слов, то они вновь и вновь подтверждают семантику личностного отношения к языку и свободы от его власти» [там же: 306]. Мы согласны с теми, кто считают, что цель создания неологизма – потребность в номинации новой реалии, окказионализмы же чаще относятся «к универсальным вещам и явлениям, своеобразно увиденным и воссозданным творчески мыслящими людьми» [Флоря 2000: 5].

Неологизмы называют, окказионализмы – выражают отношение.¹¹ Это справедливо и по отношению к публицистике, и в определенной мере к разговорной речи. Е.А. Кульнина замечает: «Окказиональные слова характеризуют предмет, явление с точки зрения его эмоционального восприятия» [Кульнина 1999а: 157]. Например:

*Медицина мне очень нравится, только не нравится, как по иностранному обзывают врачей: дантист, стоматолог, дерматолог... Стоматолога, который рвет зубы, назвать просто **дерюга**, медицинскую сестру, которая делает уколы – **всадница**. А помощника хирурга – **помреж** (Взгляд 14.02.2002).*

Автор намеренно в одном контексте сталкивает узуальные (*дантист, стоматолог, дерматолог*) и окказиональные (*дерюга, всадница, помреж*) наименования медицинских специальностей. Этим он подчеркивает, насколько «сухи», информативны первые из них (заимствования) и эмоциональны, образны вторые, сохраняющие мотивированную связь с производящей базой. – *Дерюга* («тот, кто дерет зубы»), *всадница* («та, что «всаживает» уколы»), *помреж* («тот, кто помогает резать»).

¹¹ Мы фиксируем окказионализмы, служащие целям номинации, однако учитываем при этом и проявление в них минимальной степени экспрессивности.

Не случайно, одним из признаков окказиональных слов Эр. Ханпира считает их мотивированность. Он пишет: «В художественной речи многие слова (и словосочетания) возвращают себе мотивированность, разъярлычиваются, из «слова-ярлыка» превращаются в «слово-образ» [Ханпира 1972: 304]. Думается, что это характерно не только для художественной речи. Как отмечалось ранее, в любом экспрессивно-окрашенном слове (а окказионализм, по нашему мнению, всегда экспрессивно окрашен) обязательно присутствует мотивирующий эмотивно-оценочное отношение компонент.

Эр. Ханпира пишет о возможности выделения стилистических окказионализмов в отдельный тип. Это явление трактуется ученым широко: как сочетание разных по своей стилистической прикрепленности единиц языка в одном целом, то есть это сочетание стилистически разных единиц языка, которого не знает литературная стилистическая норма. К стилистическим окказионализмам Эр. Ханпира относит окказиональные слова, модель образования которых принадлежит книжному стилю литературного языка, а производящая основа – просторечию или диалекту: *прогульщик – прогулист* [Ханпира 1972: 301-302].

Многие исследователи отмечают многофункциональность окказиональных слов. Так, Эр. Ханпира описывает три основные функции: экспрессивную, функцию «комики и гротеска» и номинативно-художественную [Ханпира 1972]. О.И. Александрова, анализируя роль новообразований в эпистолярном жанре разговорной речи, рассматривает интеллектуально-коммуникативную, социальную, импрессивно-волевою, металингвистическую их функции [Александрова 1980]. Р.Ю. Намитокова выделяет восемь различных функций окказионализмов, группируя их по двум основаниям: по отношению к плану содержания окказионализма и по отношению к структуре микроконтекста, где функционирует окказионализм [Намитокова 1989].

Таким образом, при функционально-стилистическом подходе (как одной из разновидностей функционально-прагматического) на первый план

выдвигаются индивидуально-стилистические и индивидуально-авторские особенности окказионализмов.

Вместе с тем очевидно, что изучение функционирования окказиональных образований не должно ограничиваться лишь поэтическим контекстом или изучением идиостиля какого-либо автора и сводиться к перечислению индивидуальных особенностей речевых единиц. Представляется целесообразным предпринять попытку рассмотрения окказионализмов в **элокутивном аспекте**¹² как речевого средства создания прагматически значимого высказывания. Как думается, это позволит системно проанализировать окказиональность художественных, публицистических текстов, рассмотреть ее в разговорной речи. Данный аспект изучения предполагает рассмотрение лексической окказиональности как изобразительно-выразительного средства.¹³

Анализ существующей литературы позволяет констатировать отсутствие специальных исследований, посвященных выявлению и описанию элокутивных возможностей окказиональной лексики. Так, из известных автору источников можно отметить лишь два, в которых более или менее системно прослеживается соотношение окказиональных образований и собственно орнаментальных средств элокуции – тропов и фигур [Пекарская 2000, ч. I; Напцок 1997].¹⁴ Это в определенной степени обусловило наше обращение к анализу окказиональных явлений в качестве возможных средств усиления прагматики высказывания. Языковой материал показывает, что лексические окказионализмы могут создавать образность и выразительность контекста не только за счет экспрессивных семантических и структурных мотиваторов слова, но и способности выступать в качестве самостоятельного тропа или фигуры, а также в составе различных фигур, что усиливает их прагматику¹⁵. Таким образом, в рамках функционально-прагматического аспекта можно

¹² **Элокуция** (elocutio) – словесное выражение. Подробно о теории элокуции см. 2.1. главы II настоящей работы.

¹³ **Изобразительность** – способность знаков вызывать конкретные представления о явлениях, которые они обозначают [Хазагеров, Ширина 1999: 227]. **Выразительность** – способность текста привлекать внимание своей речевой организацией [там же: 215].

¹⁴ Мы не говорим о работах, посвященных рассмотрению отдельных выразительных речевых средств в идиостиле того или иного художника [см., например: Глушкова 2000; Серебренникова 2002].

¹⁵ Подробно об этом см. главу II настоящей работы.

говорить о функционально-стилистическом и элокутивном подходах как его разновидностях.

В лингвистической науке окказионализмы изучаются также в социолингвистическом и культурологическом аспектах. Названные подходы прямо не связаны с задачами нашего исследования, поэтому нами не рассматриваются.

1.2. Дефиниции некоторых используемых в работе понятий, проблема их соотношения

Данное диссертационное исследование представляет собой попытку рассмотрения явления окказиональности в элокутивном аспекте. Предполагается проанализировать структурно-семантические и функциональные особенности лексической окказиональности, рассмотрев ее в рамках полевой организации элокутивных речевых средств. Чтобы определиться с дефинициями основных понятий, используемых в работе, необходимо, прежде всего, проанализировать имеющиеся филологические источники, в которых представлены толкования необходимых фундаментальных понятий лингвистики. Очевидно, что в определении многих из них имеются существенные расхождения. Релевантными для нас являются следующие понятия: «*норма*», «*узус*», «*отступление от нормы*», «*речевая ошибка*», «*прием*», «*инновация*», «*новообразование*», «*неологизм*», «*окказионализм*».

1.2.1. О соотношении понятий «норма» и «узус»

В различной учебной, научной, справочной литературе встречаются разные дефиниции данных понятий. Так, в «Словаре лингвистических терминов» читаем: «**Норма** – принятое речевое *употребление* (курсив наш – Е.Г.) языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [Ахманова 1966:

270] «Узус – принятое *употребление* (курсив наш – Е.Г.) слова, фразеологемы, оборота и т.п. (в отличие от окказионального употребления)» [там же: 484]. Налицо явное смешение понятий: норма трактуется через узус и наоборот.

Д.Э.Розенталь и М.А.Теленкова дают следующие определения: «**Норма** – наиболее распространенные из числа сосуществующих, закрепившиеся в практике образцового использования, наилучшим образом выполняющие свою функцию *языковые (речевые) варианты* (курсив наш Е.Г.) [Розенталь, Теленкова 1985: 152-153]. «Узус (лат *usus* – обычай, правила, применение). Принятое носителями данного языка употребление слов, устойчивых оборотов, форм, конструкций и т.д.» [там же: 366]. Из приведенных определений следует, что норма – это некие «языковые (речевые) варианты», а узус – употребление этих вариантов. Понятие «норма» становится синонимичным понятию «языковая единица», а узус трактуется как употребление этой единицы. Такое толкование, на наш взгляд, тоже не отражает сути явлений.

Более рациональным считаем определение нормы, предложенное Н.Н. Семенюк: «**Норма языковая** – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе коммуникации». [Лингвистический... 1990: 337]. Бесспорным достоинством такого определения является его нацеленность на язык. «Узус (от лат. *usus* – пользование, употребление, обычай) – общепринятое употребление языковой единицы (слова, фразеологизма и т.д.) в отличие от его окказионального (временного и индивидуального употребления). Понятие У. тесно связано с понятием *нормы языковой и системы языковой*. Обычно узусальное употребление единиц языка фиксируется словарями» [там же: 532]. В данном случае и «норма» и «узус» – это реализация языковых единиц, в чем же тогда их различие, и как, по мнению автора, они связаны между собой и с системой языка, остается не выясненным.

Справедливо замечание И.В. Пекарской о том, что: понятие узуса должно быть ориентировано на речь, нормы – на язык [Пекарская 2000, ч. I:

150]. Она трактует норму «как реалию, связанную с языком, как совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы», а узус «как норму речевую, как совокупность речевых навыков, принятых в данном обществе, по употреблению языковых единиц» [там же: 151]. Нам близко такое понимание. Итак, норма – категория языковая, узус – речевая. Очевидно, подобное соотношение является целесообразным, объективируя факты действительности.

Опираясь на рассмотренные выше дефиниции, можно представить связь между данными понятиями в виде триады « $S \rightarrow N. \leftrightarrow U.$ », где S – языковая система; $N.$ – языковая норма (реализация языковой системы); $U.$ – узус (реализация языковой нормы). Причем, как отмечают многие исследователи [Л.И. Скворцов, О.А. Лаптева, Н.Н. Семенюк, С.О. Малевинский и др.], связь между нормой и узусом взаимообусловлена. Так, узус – «массовая и регулярная воспроизводимость данной языковой единицы» [Русский язык... 1997: 575], то есть реализация языковой нормы, шире – языковой системы, и в то же время узус – «это база для нормирования» [там же]. Кроме того, норма регулирует не только воспроизведение языковых единиц в речи, но создание новых языковых единиц в процессе речевой деятельности.

Любопытной на соотношение понятий «норма», «узус» и их смысловое наполнение представляется точка зрения ученых-психолингвистов. Признавая наличие индивидуального языка [см. работы: Габинская 1985; Плотникова 2000; Тогоева 2000а, 2000б и др.], под которым понимается язык отдельного индивида, рассматриваемый в структуре общего языка, некоторые исследователи предлагают выделять индивидуальный узус и индивидуальную норму. Индивидуальная речевая практика, или индивидуальный узус является базой для формирования узуса общезыкового. Закрепляясь в индивидуальном узусе, то или иное употребление формирует индивидуальную норму, которая в свою очередь соотносится либо не соотносится с нормой коллективной [Тогоева 1999]. При такой трактовке возникает множество вопросов. Каково соотношение индивидуальной нормы и индивидуальной речевой

практики с общеязыковой нормой и узусом? Конкретного ответа психолингвистика пока не дает. Не приведет ли индивидуальное нормирование речи конкретного индивида к игнорированию общеязыковой нормы? Таким образом, рассмотренное представление содержит противоречия и требует уточнения.

Гораздо более объективным, подтверждаемым регулярной языковой практикой, считаем мнение чешских лингвистов, предлагающих дифференцировать объективно существующие нормы на системные (нормы языковых уровней) и коммуникативные (невербальные), ситуативные. В нормах первого типа приоритет отводится знанию законов языка и владению ими, в коммуникативных нормах ведущую роль играет ситуация общения, которая и определяет нормативность выбранной единицы общения. Так, вслед за чешскими исследователями, отечественные лингвисты отмечают: «В аспекте коммуникативной лингвистики речевые нормы (назовем их коммуникативно-прагматическими нормами) являются правилами отбора языковых средств и построения языковых высказываний (текстов) в различных типовых ситуациях общения с разной коммуникативной интенцией (подчеркнуто нами – Е.Г.) в определенном обществе в данный исторический период его развития» [цитируется по: Ильясова 2002: 22]. Таким образом, коммуникативные (ситуативные) нормы – это правила отбора языковых средств, целесообразных и уместных в данной ситуации общения. Принимая во внимание объективно существующее понятие «коммуникативная норма», явление элокутивной окказиональности может быть, в принципе, легко вписано в его рамки.

1.2.2. О соотношении понятий «отступление от нормы», «речевая ошибка», «прием», «окказионализм»

Данные понятия трактуем традиционно.¹⁶

¹⁶ Критерии разграничения нормативных и ненормативных фактов языка/речи приводит Л.Н. Мурзин [Мурзин 1989: 7 – 8].

Отступление (отклонение) от нормы – это значимые и незначимые изменения в речевом употреблении единиц обычного нормированного языка [Антонов 2003а: 249].

Значимые изменения – намеренное, мотивированное целями общения, ситуацией нарушение любых языковых норм. Это **отклонение-прием**.

Незначимые изменения – это **речевые ошибки** – необоснованные какими-либо намерениями любые нарушения языковых норм.

Окказиональный (в широком смысле) трактуем как «несоответствующий общепринятому употреблению, носящий индивидуальный характер ...» [Розенталь, Теленкова 1985: 174].

Считаем целесообразным рассматривать явление окказиональности в двух аспектах: ортологическом и элокутивном. В первом случае мы имеем дело с индивидуальным употреблением, возникающим по причине незнания нормы. Это **окказионализм-какология**.¹⁷ Во втором случае норма нарушается намеренно с целью воздействия, следовательно, окказионализм рассматривается как прием воздействия – **окказионализм-элокутив**.¹⁸

Итак, отклонение (окказионализм)

/	\
ошибка	прием
(окказионализм-какалогия)	(окказионализм-элокутив)

Формальным критерием их разграничения, думается, можно считать степень владения индивида литературным языком. По словам А.Г. Лыкова, речевая ошибка – это так называемая «естественная» неправильность, невольно обусловленная незнанием литературных норм, неумением ими владеть, невнимательностью, артикуляционно-физиологическими недостатками и т.д. [Лыков 1977: 67]. Умение использовать язык творчески – это, как правило, знание его норм и как следствие этого – их умелое нарушение, творче-

¹⁷ **Какология** (от греч. kakos – «плохой, испорченный» и logos – «слово») – нецелесообразное, нецеленаправленное нарушение литературной нормы. Подробно о видах какологии см.: Пекарская 1999: 68-72; Пекарская 2003: 264-271.

¹⁸ Для обозначения названных явлений представляется целесообразным использовать предложенную нами терминологию.

ское переосмысление (это не относится, пожалуй, только к детскому словотворчеству). Отличие приема от ошибки – процесс во многом субъективный, условный, определяемый ситуацией и сферой общения. Поскольку нами исследуется, прежде всего, осознанное словотворчество (использование окказионализмов в художественных и публицистических текстах), мы вправе полагать, что большинство из этих новообразований контекстуально осознано, уместно, оправдано. Что касается детской речи, немногочисленные иллюстрации из которой мы тоже анализируем, разграничение здесь ошибок и творческих актов традиционно. Удачные, по мнению реципиента, окказионализмы, вызывающие иронию, придающие контексту образность, эмоциональность, выразительность, мы также считаем отклонениями-приемами, то есть окказионализмами-элокутивами.

1.2.3. О соотношении понятий «инновация», «новообразование», «неологизм», «окказионализм». Различные классификации новообразований. Типология лексических окказионализмов, предлагаемая в работе

С понятиями «норма» и «узус» тесно связано явление неологизации, то есть образования новых единиц языка. Несмотря на устойчивый интерес лингвистов к различным особенностям новых слов, многое в этой области остается еще не решенным, в частности до сих пор нет общепринятого понимания термина «неологизм». В ряде справочных пособий **неологизмы** определяются как слова или устойчивые сочетания слов, возникшие для обозначения новой реалии или нового понятия [Ахманова 1966; Розенталь, Теленкова 1985; Русский язык... 1979]. Поскольку неологизмы здесь трактуются узко, за пределами исследования часто остаются проблемы внутрисловной семантической деривации (вторичной номинации), то есть возникновения у существующего в языке слова нового значения. Так, Е.В. Розен отмечает: «Новая лексика должна быть абсолютно неизвестна в языке» [Розен 1976: 31]. При таком подходе зачастую не упоминается также, что неологизм

принадлежит языковой системе и, следовательно, должен отграничиваться от других новообразований. А.И. Горшков пишет: «Неологизм – слово или оборот *речи* (курсив наш)» [Русский язык... 1979: 159]. В чем тогда его отличие от окказионализма?

Наиболее четкую систему параметров, позволяющих отграничить новые слова от других единиц предлагает Н.З. Котелова. Это:

- 1) конкретизация по параметру «время» (когда?);
- 2) конкретизация по параметру «языковое пространство» (где?);
- 3) конкретизация самих единиц, которые оцениваются со стороны их новизны (что новое?);
- 4) конкретизация новизны структурных признаков (каким образом новые) [Котелова 1983].

Н.З. Котелова в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», напротив, дает широкое толкование термину «неологизм». Под **неологизмами** понимаются «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [Лингвистический... 1990: 331]. При таком толковании в объем понятия «неологизм» включаются *языковые и речевые* (курсив наш – Е.Г.) новообразования, созданные с использованием аффиксальных средств данного языка; путем семантических переосмыслений уже существующих слов; а также заимствованные из других языков или внелитературных сфер (просторечие, территориальные и социальные диалекты) [Котелова 1982, 1987, 1990; Шанский 1972; Шмелев 1982;]. В ряде работ новые явления языка и речи объединяются термином «новообразования» [Габинская 1981; Земская 2000; Плотникова 2000].

Как отмечают ученые, отсутствие единого определения базового понятия «неологизм» объясняется, прежде всего, различием выдвигаемых критериев и подходов к анализируемому явлению. Так, Б.Н. Головин, считая главным временной критерий, определяет **неологизмы** как «новые слова, возникающие на памяти применяющего их поколения» [Головин 1977: 90]. Подоб-

ной точки зрения придерживается и Н.И. Фельдман, относя к неологизмам «новые слова для определенной эпохи в развитии языка» [Фельдман 1957: 64]. А.В. Калинин, Л.И. Плотникова отмечают в качестве основного критерия «ощущение новизны при восприятии нового слова»¹⁹ [Калинин 1978: 114; Плотникова 2000: 8]. При этом, как отмечают Г.И. Миськевич и А.К. Чельцова, не учитываются различия в характере образования новых слов: и неологизмы, и индивидуально-авторские образования просто не дифференцируются. Само ощущение новизны эти исследователи трактуют как «чисто индивидуальное свойство каждого человека», то есть чувство новизны субъективно [Миськевич, Чельцова 1970: 245-248]. Иначе данный критерий трактует О.А. Габинская. Она пишет: «...индивидуальный характер ощущения новизны слова совмещается с коллективным признанием этой новизны» [Габинская 1980: 16]. А.Г. Лыков говорит о том, что необходимо различать восприятие новизны слова в общеисторическом и теоретическом плане. В отношении первого А.Г. Лыков пишет: «...понятие неологизма в общетеоретическом и общеисторическом плане не имеет и не может иметь абсолютных хронологических границ или критериев: они относительны, подвижны и устанавливаются конкретными задачами исследования или даже просто конкретным употреблением самого термина «неологизм» [Лыков 1976: 97]. Достаточно справедлива, на наш, взгляд и точка зрения психолингвистов. Они отмечают: «...Ощущение новизны не может быть ничем иным, кроме «субъективного, индивидуального ощущения», но характер этого ощущения становится объективным в том случае, если большая часть носителей языка в определенный момент времени ощущает его: вопрос о «новизне» слова логично решать именно в аспекте его восприятия индивидуальным сознанием и в нескольких языковых пространствах» [Тогоева 1999: 92]. Нам близки такие рассуждения. А.Г. Лыков, отграничивая новое слово от других единиц, предлагает учитывать время его появления, наличие/отсутствие конкретного

¹⁹ Роль фактора новизны единицы в развитии внутреннего лексикона исследует С.И. Тогоева [Тогоева 1998].

творца, ощущение новизны, вхождение/невхождение в язык [Лыков 1976: 94].

В анализируемых работах мы не встретили определения неологизма, которое бы отражало все его существенные признаки и одновременно отличало бы от других новообразований. В этой связи представим свое видение неологизма. В данной работе понятия неологизма и окказионализма будем соотносить на уровне слова (традиционное понимание), хотя целесообразным представляется рассмотрение новых явлений на разных уровнях языковой системы [см.: Сенько 2000a]. Под **неологизмом** мы будем понимать *языковую* единицу (слово, словосочетание), необходимую обществу для *номинации новой реальности* (в широком смысле)²⁰, «создаваемую в полном соответствии со структурой и общекатегориальным значением определенного словообразовательного типа» [Гончаренко 1978: 4], либо заимствованную из других языков или различных сфер языка, а также возникшую в результате переосмысления значения существующего в языке слова. Подобные лексические единицы, как правило, фиксируются в специальных словарях. Мы трактуем неологизм, соотнося его только со словом, то есть, рассматривая на лексическом уровне. В случае, если новые явления в языке будут рассмотрены на других языковых уровнях, определение потребует уточнения²¹.

В связи с неоднозначностью самого понятия «неологизм» имеет место разноречивость в классификации новых слов.

Анализ лингвистической литературы по данной проблеме позволил все многообразие существующих классификаций новообразований свести к следующим:

1. В отношении принадлежности языку – речи все новообразования можно поделить на *неологизмы* – новые явления языка и *окказионализмы* – речевые новообразования. Причем последние на словообразовательном уровне некоторые ученые дифференцируют на собственно окказионализмы и

²⁰ Реалия трактуется нами и как предмет, и как понятие, см., например: «Реалия – единичный предмет, вещь; то, что есть, существует» [Ожегов, Шведова 1992: 693].

²¹ Неологизмы на разных языковых уровнях подробно рассматриваются в работе Сенько 2000a.

потенциальные слова²². Существует мнение, согласно которому кроме общего языка (языка в общепринятом понимании) существует и индивидуальный язык (язык конкретного индивида). Так, учитывая эти две субстанции, О.А. Габинская классифицирует новообразования по трем типам. Это: 1. Слова, новые и для общего, и для индивидуального языка: *бамовец, лесонарушитель*. 2. Слова, новые для общего языка, но известные индивидуально. Это индивидуально-авторские новообразования, которые, будучи созданы одним человеком, вошли в его индивидуальный язык, но еще не стали или вообще не станут достоянием языка общего. 3. Слова, значения которых известны языку общему, но новы для индивидуального языка. Наличие такого явления связано с незнанием индивида каких-либо слов общеупотребительной лексики [Габинская 1980].

2. По способу номинации:

а) новообразованные единицы (слова и словосочетания), возникшие для номинации новых реалий. Такие неологизмы могут быть образованы при помощи аффиксальных средств данного языка (*прилуниться, лунники, вездеход, углекон*). Такие неологизмы называют собственно-лексическими [Фомина 1978: 227]. Е.В. Сенько именует их номинативы. Она выделяет также трансноминативы – слова, обозначающие реалии, уже известные ранее, но имеющие другие названия (*относящийся к населению → населенческий*) [Сенько 2000а]. Кроме того, новые слова и словосочетания, равно, как и окказионализмы, могут быть образованы в результате внутрисловной семантической деривации на основе различных типов переносов значений. Их называют семантическими, или лексико-семантическими [Зильбер 2000; Калинин 1978; Фомина 1978].

Есть мнение, согласно которому, семантические окказионализмы не являются отдельным типом речевых новообразований. Так, Н.Г. Гольцова называет указанное явление окказиональность слова, понимая под ним *окказиональное употребление* (курсив наш – Е.Г.) языковой единицы. Таким об-

²² Подробно об этом см. п. 1.1. настоящей работы.

разом, она выделяет окказиональные слова и окказиональное употребление узуальных слов. «В этом случае, – как отмечает исследователь, – окказиональность не имеет внешних признаков и примет» [Гольцова 1993: 83]. Такая точка зрения, на наш взгляд, не совсем правомерна, так как целый ряд языковых (речевых) иллюстраций свидетельствует о том, что целесообразно рассматривать данное явление с двух позиций: а) с позиции адресанта и б) с позиции адресата. Так, адресант, создавая окказиональное слово и ориентируясь на ситуацию, не соотносит окказионализм с той единицей, которая уже существует в языке. А адресат имеет возможность соотнести то, что создано с тем, что уже знакомо. Именно это соотношение ведет к возможности переосмысления значения.

Например: (1) *Так что **огорчайте** свои бутерброды и сосиски сколь угодно* (Комок 03.12.20002). – *Огорчать* = *смазывать горчицей*.

(2) *НЕ ТОРМОЗИ! Плюсы и минусы «газированных» автомобилей* (Взгляд 30.08.2001). – *Газированный* = *работающий на газу*.

Создавая подобные окказионализмы, говорящий образует их от узуальных слов, а омонимия речевого и языкового значений – результат такого процесса. Подобного рода наблюдения находим у Е.А. Земской. Так, анализируя узуальные лексемы с окказиональным значением, автор отмечает, что не всегда мы имеем дело с метафорическим переносом, зачастую семантический окказионализм – результат повторного словообразования, «...когда та же самая морфемная рамка используется для новой реалии, в названии которой актуализируются схожие признаки» [Земская 2004: 154].

Среди механизмов внутрисловной семантической деривации традиционно рассматривают метафору и метонимию как наиболее частотные типы вторичной номинации [Гак 1978; Зильбер 2000; Изотов 1998; Черникова 1998, 2001 и др.]. Семантические новообразования возникают также путем родовидовых трансформаций значения в рамках одного понятия. К ним относят: расширение значения, сужение значения, семантический сдвиг. Возможно образование новых значений слов на основе действия морфологических,

словообразовательных средств. Н.З. Котелова случаи появления новых значений слов не за счет внутрисловной семантической деривации называет агрегативированием и рассматривает среди них: 1) новые значения, появившиеся морфологическим путем и имеющие со старым значением слова общую производящую базу или разные производящие базы; 2) новые значения, появившиеся семантико-морфологическим путем [Котелова 1985, 1995; Никитченко 1984, 1985; Черникова 1998]. Достаточно подробно названные типы агрегативирования рассматривает Н.В. Черникова. Например:

Афганистан → 1) *афганцы* (в исход. знач. – *народ, составляющий население Афганистана*); 2) *афганцы* (в нов. знач. – *военнослужащие совет. армии, воевавшие в Афганистане*).

В подобных случаях разные значения одного слова являются результатом неоднократного действия одной словообразовательной модели, то есть новое и предшествующее значение связаны между собой опосредованно, так как они независимы друг от друга, параллельны друг другу, между ними нет иерархии [Черникова 1998].

б) вошедшие в язык готовые единицы, заимствованные из других языков и из различных сфер языка. Иноязычные заимствования Е.В. Сенько дифференцирует на эфемеризмы (неологизмы, обозначающие преходящие явления из сфер моды, поп-культуры, политики: *брейк, ваучер*) и ксенизмы (новые заимствованные слова, отражающие быт других стран: *караоке*) [Сенько 2000а, 2003]. Н.З. Котелова к неологизмам-заимствованиям относит новые слова, значения, вошедшие в литературный язык из диалектов, жаргонов, специальных языков [Котелова 1983: 80]. Такие заимствования Е.В. Сенько называет «функциональные (относительные) неологизмы»: *гориться – сожалеть, жалковать – жалеть* [Сенько 1994].

3. По выполняемой функции:

а) номинативные [Гольцова 1993; Земская 2000];

б) номинативно-стилистические [Лопатин 1973: 20-39; Шанский 1972: 161;].

В качестве примеров, иллюстрирующих второй тип, Н.М. Шанский приводит слова *стиляга, показуха* и подобные [там же]. Что же касается окказионализмов, то большинство лингвистов говорит о том, что они выполняют только вторую функцию, причем чаще всего даже не называют нового, а лишь дают ему оценку, то есть выполняют эмоционально-экспрессивную функцию [Ханпира 1972]. Мы отчасти согласны с этим мнением²³.

4. По тематическому признаку. Рассматриваются неологизмы и окказионализмы, связанные с номинацией тех или иных понятий, явлений из различных сфер общественной жизни.

5. По продолжительности своего существования новообразования можно разделить на: а) факты краткого существования на уровне речь – текст (однократное употребление): *иссурмить, заслезить, нижется* (бисер) (Б. Пастернак); б) слова, значения, сочетания, вошедшие в языковую систему, ставшие ее полноправными членами: *луноход, банкомат*; в) новации, живущие какое-то время в языке, а затем уходящие из него (новые слова, возникшие для номинации новой реалии в жизни общества): *колхоз, перестройка*. Следовательно, часть новых явлений функционирует только в речи (тексте), часть регистрируется в специальных изданиях лишь на непродолжительное время.

6. В соответствии с языковым или речевым уровнем, на котором возникают новые явления. Рассмотрим некоторые проявления уровневой окказиональности.

1. Фонетический уровень. Примеры фонетических окказионализмов приводит Ю.А. Бельчиков, понимая под ними: а) ненормативное произношение (ср.: *очепатка* вместо *опечатка*; *овосчи* вместо *овоци*). Следовательно, это орфоэпические окказионализмы и б) ненормативное ударение (*пальтишкó* вместо *пальти́шко*). Это акцентологические окказионализмы [Русский язык... 1997: 283-284]. Фонетические окказионализмы, входящие в

²³ Подробно функционирование лексических окказионализмов рассмотрено во II-ой и III-ей главах данной работы.

риторические фигуры, построенные по принципу контаминации, рассмотрены И.В. Пекарской [Пекарская 2000, ч. II: 35-40]. Некоторые ученые, в частности Д.Б. Масленников, окказиональность на фонетическом уровне отрицают [Масленников 2000]. Под **фонетическими** окказионализмами, как думается, целесообразно понимать любое мотивированное нарушение в произношении слов, форм, словосочетаний, а также целесообразное отклонение от норм постановки ударения, следовательно, фонетические окказионализмы включают в себя орфоэпические и акцентологические. Например:

(1) *Дуб и вывески финифть,*

*Нестерпевшая и **плáшмя**.*

Кинувшаяся от ив

К прудовой курчавой яшме

(Б. Пастернак. Мухи мучкап-
ской чайной).

(2) *Но по ночам! Как просят*

пить,

как пламенны

*Глаза **капсюль** и пузырьков*

лечебных! (Б. Пастернак.
Январь 1919 года).

2. Грамматический уровень. Термин «грамматика» (из греч. *gramatikḗ téchnḗ* – буквально «письменное искусство») трактуем узко. Это раздел языковедения, изучающий совокупность правил построения: 1) лексических единиц, прежде всего слов (и их форм) из морфем, и 2) связных высказываний и их частей – из лексических единиц отбираемых в процессе речи каждый раз соответственно выражаемой мысли [Маслов 1998: 125]. Традиционно в грамматике выделяют: словообразование, морфологию и синтаксис и рассматривают соответственно словообразовательные, морфологические и синтаксические окказионализмы.

1) Словообразовательные окказионализмы. Круг явлений, включаемых разными учеными в эту группу, различен. Это: 1) потенциальные и окказиональные слова (Г.О. Винокур, Е.А. Земская, Э. Ханпира и др.)²⁴; 2) окказиональные модели, окказиональные морфемы, окказиональная словообразовательная синонимия и другие явления [Ханпира 1972: 267-285]. Как нам

²⁴ Подробнее о различных точках зрения на эту проблему см. п. 1.1. настоящей работы.

представляется, при такой трактовке в одну область включаются явления разного порядка: с одной стороны, это уже готовые, созданные окказиональные слова («*пограницы*» – пограничники, «*потеряха*» – тот, кто что-то потерял, «*серийщик*» – серийный убийца, «*СПИДоносец*» – носитель СПИДа), с другой стороны, это так называемые формулы и средства построения этих слов (окказиональные модели, окказиональные морфемы) и результаты этих построений (окказиональная словообразовательная синонимия) [см: Ханпира 1972]. Причина такого смешения, как отмечает И.С. Торопцев, кроется в том, что сам механизм словообразования многие исследователи понимают неверно. Он пишет: «Механизм словообразования в итоге словопроизводственного процесса дает лексические единицы, которые пополняют лексическую систему языка. Из этого следует, что сам механизм словообразования не входит ни в лексику, ни в грамматику и, таким образом, оказывается за пределами языка» [Торопцев 1985: 147].

Рассмотрим на примерах явления второй группы

А. Окказиональные словообразовательные модели.

(1) *Тянулось в жажде к хоботкам*

И бабочкам и пятнам,

Обоим память оботкав

Медовым, майным, мятным (Б. Пастернак. Лето).

Окказионализм «*майным*» образовано от существительного *май* при помощи суффикса *-н-*, хотя языковая модель образования прилагательных, относящихся к названиям месяцев другая: *сущ. + суф. -ск-* (*январский, февральский, майский...*). Следовательно, данный окказионализм образован по окказиональной модели. Кроме того, в данном контексте произошла субстантивация, и прилагательное перешло в разряд имен существительных (*оботкав (чем?) майным*).

По окказиональной модели построено и другое существительное Б. Пастернака.

(2) *Как в росистую хвойную скорбность*

Скипидарной, как утро, струи

Погружали постройки свой корпус... (Б. Пастернак. Вдохновение).

В языке есть слово *скорбь* со значением «крайняя печаль, горесть, страдание» [Ожегов, Шведова 1992: 749]. Поэт создает окказионализм *скорбность*, используя суффикс *-ость-* со значением отвлеченного признака, подчеркивая тем самым широту, всеобщность, масштабность обозначаемого явления. Данный окказионализм опять же построен с нарушением языковой словообразовательной модели, поскольку существительные с абстрактным суффиксом *-ость-* (*нежность, скромность, гордость*) образуются от прилагательных (*нежный, скромный, гордый*).

Б. Окказиональные морфемы. Окказиональные морфемы – явление малораспространенное, встречающееся в основном в языке того или иного поэта, писателя. Так, Н.Н. Перцова, подробно анализируя поэзию В. Хлебникова с целью выявления словообразовательных гнезд его лексики, приводит примеры окказионализмов поэта, построенных с использованием окказиональных морфем. Вот некоторые из них: *глупырь, голубош, голубьмо, ончина* (от мест *он*) [Перцова 2001]. Лексическое значение таких окказионализмов зачастую понять труднее, чем слов, построенных по известным языку словообразовательным моделям с использованием узувальных аффиксов. Поэтому «окказиональное словообразование, реализуемое преимущественно в поэтическом языке, представляет собой особую систему словообразования, выявляющую свои законы» [Земская 1992: 183].

В. Окказиональная синонимия. Окказиональная словообразовательная синонимия, о которой пишет Э. Ханпира [Ханпира 1972], включая ее в словообразовательную окказиональность, является, по нашему мнению, результатом существования или возможности существования окказионализмов, близких (тождественных) по семантике, но образованных при помощи разных аффиксов²⁵. Автор приводит слова *чепуховый* и *чепухинский*. Ср. еще примеры.

²⁵ Ср. изучение явления синонимии как одной из причин образования окказионализмов [Панюшкин 1989].

(1) – *А Лаврик потерял ее собаку. Он вообще **потеряха** ужасный* (В. Платова. Купель дьявола).

(2) *Черт дернул капитана Леонтьева брать санкцию у прокурора на обыск квартиры гражданки Кудияровой, которая явилась в районное отделение с заявлением о «**потеряшке**»...* (П. Дашкова. Золотой песок).

Данные окказионализмы образованы от глагола потерять: (1) – при помощи суффикса **-х-**, (2) – суффикса **-шк-**.

Изучение окказиональной словообразовательной синонимии, как нам думается, позволит выявить частотность (предпочтительность) того или иного аффикса в окказиональном словообразовании, усмотреть тончайшие семантико-стилистические нюансы, которые вносит тот или иной аффикс.

Словообразовательные окказионализмы традиционно понимаются как окказиональные слова [Земская 1973; Русская грамматика-80]. В иной терминологии – это лексические окказионализмы. Как нам представляется, целесообразно устранить двоякую номинацию одних и тех же понятий и уточнить их семантическое наполнение. **Структурно-словообразовательные** (в отличие от лексических), или **структурные окказионализмы** мы будем трактовать как слова, образованные по известным языку (узуальным) моделям, синонимичные по семантике имеющимся в языке узуальным словам, но отличающиеся от них отдельными аффиксами²⁶. Такие окказионализмы создаются в стилистических целях. Покажем это на примерах.

(1) *Правду говорят, что маленькие дети – как животные, отношение к себе чувствуют на «**подсознанке**»* (Взгляд 23.01.2003).

(2) *...[народ] отдает на откуп Киркорову или Эйрамжану с Астраханом. То есть попсе, примитивной эстраде, **фальшаку*** (МН Янв.-февр.2002).

Данные окказионализмы отличаются от существующих в языке слов (*подсознание, фальшь*) прежде всего структурно: они образованы от узуальных слов суффиксами **-к-** (*подсознание* + **-к-** → «*подсознанка*») и **-ак-**

²⁶ Данный тип рассматривается нами как один из типов лексических окказионализмов [см. главы II, III настоящей работы]. В терминологическом отношении мы предпочтем дефиницию «структурно-словообразовательные», которая акцентирует внимание на отличительных признаках окказионализмов этого типа.

(*фальшь* + **-ак-** → *фальшак*). Эти словообразовательные изменения влекут за собой иную, чем в языке, родовую принадлежность (изменение среднего рода на женский в (1) примере и женского рода на мужской во (2)). Кроме того, указанные преобразования сказываются и на стилистических особенностях этих слов: они становятся более сниженными по сфере употребления («*подсознанка*» – разговорное; «*фальшак*» – жаргонное). Еще пример.

(3) *Устает кустарник охать.*

В небе множатся пролеты

У босой лазури – походь

Голенастых по болоту (Б. Пастернак. Три варианта).

Окказиональное существительное *походь* образовано безаффиксным способом от глагола *походить*. Данный окказионализм отличается от узуального существительного *походка* только структурно (суффиксом **-к-**).

К структурно-словообразовательным окказионализмам мы относим слова, в которых наблюдается явление субституции – замены одной морфемы другой с тем же или иным словообразовательным значением.

(1) *Вспомнился уворованный в детстве кирпич черного хлеба из райцентровской булочной...* (ЛР Янв.-февр.2002). Ср.: *сворованный – уворованный*.²⁷

Окказионализмы типа: *СПИДоносец* – «носитель СПИДа»; «*колесарь*» – велосипед; *поттеромания* – от имени собственного Гарри Поттер; *дотатушный* – от названия погруппы «Тату» мы называем семанτικο-словообразовательными.²⁸ **Семанτικο-словообразовательные окказионализмы** – это слова, неизвестные языку, образованные по языковым или речевым словообразовательным моделям с определенными намерениями. Такие окказионализмы называют также лексическими [Ханпира 1972: 289]. Это окказиональные слова в традиционном узком понимании.

²⁷ Случаи замены одного префикса другим с иным значением, ведущие к окказиональному словообразованию (типа: «недоворот»←«переворот»), рассматриваются [Изотов 1998: 31; Нефляшева 1998: 14].

²⁸ Используя данный термин, мы подчеркиваем тем самым, что в лексемах этого типа новая семантика активируется в новой форме выражения.

2) *Морфологические окказионализмы*. Данный тип рассматривается в работах [Антонов 2003б; Лопатин 1989; Лыков 1977; Матханова 1998; Хан-пира 1972 и др.]

Морфологические (грамматические в иной терминологии – Антонов 2003б; Матханова 1998) **окказионализмы** – это речевые единицы, отражающие ненормативное формообразование.²⁹ «Такие словоформы, которые не зафиксированы в языке и обладают низким уровнем потенциальности» [Хан-пира 1972: 259]. Например:

(1) *Любовь не в том, чтобы кипеть **крутей*** (В. Маяковский).

(2) *Где, как лань, **обеспамятев**, гнал Атлантиду к поляне Антей...*
(Б. Пастернак. Разрыв).

(3) *Как устроить **сбычу мечт*** (Взгляд 13.02.2003).

(4) *Белесо **ночела столица*** (И. Северянин. В тот май).

Грамматические окказионализмы чаще всего встречаются в художественных, особенно поэтических текстах, реже – в публицистике и обиходной речи – словом, там, где говорящий стремится использовать нешаблонные выражения, чтобы привлечь внимание адресата и зарекомендовать себя как нестандартную языковую личность. Грамматические окказионализмы более ограничены в своих проявлениях (в отличие от семантико-словообразовательных), поскольку не используют абсолютно новых форм, а образуются при помощи традиционных канонических средств, в то время как семантико-словообразовательные могут создаваться окказиональными морфемами по окказиональным моделям. Как отмечает И.П. Матханова, «грамматические окказионализмы ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, а на способность индивида использовать возможности, заложенные в языковой системе и не реализованные в узусе» [Матханова 1998: 70].

²⁹ В настоящей работе мы не считаем целесообразным выносить данные явления в самостоятельный тип и рассматриваем такие окказионализмы в рамках семантико-словообразовательных.

Причины окказиональности грамматических форм, как отмечают ученые, кроются главным образом в семантических противоречиях или слабой сочетаемости элементов. Так, одним из основных способов создания грамматических окказионализмов является сочетание стандартного грамматического показателя и основы слова, несущей лексическое значение, которое обычно противодействует образованию той или иной формы.

Анализ языкового материала показывает, что неузуальные формы в поэтических текстах часто образуются при наличии явных противоречий между двумя семантиками: лексической и грамматической. Например:

(1) *Это вечер из пыли лепился и, пышучи,*

Целовал вас, задохшихся в охре, пыльцой (Б. Пастернак. Послесловие).

Глагол *пыхать* в литературном языке в соответствии с нормой может образовать деепричастие настоящего времени *пыхая* либо вообще не образует деепричастий, так как имеет основу настоящего времени на заднеязычный *-х-* [Современный русский... 2001: 566]. Вопреки этому языковому закону, поэт предлагает деепричастие настоящего времени с суффиксом *-учи-* от глагола несовершенного вида (ср.: *будучи, едучи, играючи*).

(2) *Ничтожность возрастов клеветает,*

О юные, – а нас, левейших, –

Румянясь и юнясь (Б. Пастернак. Клеветникам).

Создавая чересступенчато деепричастие *юнясь*, поэт сталкивает несовместимые грамматические значения разных уровней абстракции – признаковое и процессуальное. Образование подобной формы поэту, видимо, понадобилось для усиления однородного ряда: *румянясь* и *юнясь*, а также для передачи в действии (процессе), протекающем во времени, названного признака.

(3) *Раскидывая хлопко*

Снежок, бывало, чижик

Шумит: какую пробкой

Такую рожу выжесг? (Б. Пастернак. Как не в своем рассудке...).

Как известно, в языке качественные наречия образуются от качественных прилагательных при помощи суффикса *-о (е)*. Наречие *хлопко* образовано чересступенчато от существительного *хлопья*. Примечательно, что при восприятии данного наречия в указанном контексте, у читателя возникает ассоциация и со словом хлопок, которое в лексическом значении содержит имплицитные семы «белый», «пушистый», «похожий на снег».

Кроме способов создания грамматических окказионализмов интерес представляет вопрос о типах окказиональных грамматических образований, выделяемых исследователями, с одной стороны, – в языковом/речевом творчестве мастеров художественного слова, а с другой – в произведениях конкретного автора.

Так, И.П. Матханова условно выделяет такие разновидности грамматических окказионализмов:

1) грамматические окказионализмы, возникшие в результате собственно формообразования, т.е. образование каких-либо форм слова, отсутствующих в узусе: *брюка*, *разминовываться*, *хамее*;

2) грамматические окказионализмы, созданные при помощи словообразовательных средств, но обслуживающие грамматические категории (рода и числа имен существительных, вида и залога глаголов и др.) или лексико-грамматические разряды (одушевленности/неодушевленности, собирательности, возвратности, способов глагольного действия и некоторые др.): *доумри*, *пощемливать*, *снеговьё* и др. Иначе их можно звать лексико-грамматическими или словообразовательно-грамматическими окказионализмами;

3) грамматические окказионализмы, связанные с нестандартной сочетаемостью слов, но также направленные на создание новых грамматических смыслов: *А хочу быть Римскою паной* (А. Пушкин) к этому же типу можно отнести нестандартное примыкание к глаголу некоторых наречий образа действия, по смыслу тяготеющих к субъекту-подлежащему: *Родион кривобоко*

отошел к окну (К. Федин). Ср.: *отошел* (как? каким образом?) *кривобоко* и *Родион* (какой?) *кривобокий*;

4) грамматические окказионализмы, актуализирующие грамматическую семантику: *Деревянен братец твой, деревянен ... мозги у него прямые какие-то* (Л. Леонов). Прилагательное «деревянный» в данном контексте выражает качественный признак. Употребляя необычную для этого слова краткую форму, говорящий актуализирует семантику качества [Матханова 1998].

Грамматические инновации в современном русском литературном языке с позиции их частеречной принадлежности анализируются в работе Е.В. Сенько «Неологизация в современном русском языке конца XX века: межуровневый аспект» [Сенько 2000а], грамматические окказионализмы в творчестве И. Северянина и их частеречная классификация рассмотрены В.П. Антоновым [Антонов 2003б].

3) Синтаксические окказионализмы. Окказиональность на синтаксическом уровне – явление малоизученное и менее частотное, чем на других уровнях языка. Проявление окказиональности может касаться как уровня словосочетания (*вторая брюка*), так и уровня предложения (*Кого поступят в институт? Мне бы хоть ноги загореть*). Как отмечает Г.Н. Акимова, такие явления скорее не имеют «осознанно воздействующей функции, а служат для самовыражения, они не направлены на адресата, а как бы замкнуты в говорящем» [Акимова 1982: 83].

Классификация окказионализмов может быть расширена за счет изучения проявлений окказиональности в области графики (особенно частотно это явление в публицистических текстах),³⁰ орфографии и пунктуации.³¹

Таким образом, проявление окказиональности на любом уровне языковой системы позволяет говорить о наличии особой категории окказионально-

³⁰ Частотность данного явления, яркая изобразительность сов типа: приМЭРка, разБУШеваться, БАБский (от Борис Абрамович Березовский) позволили Б.В. Кривенко выделить графические окказионализмы в отдельный тип [Кривенко 1994]. Мы рассматриваем подобные явления как семантические окказионализмы, при этом графическая отмеченность нацеливает на понимание смысла лексемы.

³¹ Графические и орфографические окказионализмы различных типов как средство создания языковой игры рассматривает С.В. Ильясова [Ильясова 2002].

сти. Категория окказиональности – «это наиболее общее понятие, объединяющее все виды проявления окказиональности в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе, семантике» [Масленников 2000: 26]. Существует более узкое понимание категории окказиональности. Так, Е.А. Кульнина отмечает, что данная категория проявляется только на уровне окказиональных слов, окказиональных значений и окказиональных форм слов [Кульнина 1999б: 158]. Категория окказиональности выделяется на фоне категории узуальности и противопоставляется ей.

Обобщая имеющуюся информацию о прецедентах исследования неологизмов и окказионализмов, **подведем некоторые итоги:** 1) в силу того, что разные ученые обращают внимание на различные аспекты изучения неологизмов и окказионализмов, специальных исследований по соотношению этих понятий в лингвистической литературе нет; 2) вместе с тем изучение явления окказиональности в элокутивном плане ставит перед необходимостью соотнесения названных понятий.

В связи с этим вполне правомерна, на наш взгляд, точка зрения Е.В. Сенько, которая пишет: «Понятие «неологизм» выступает как видовая разновидность родового понятия «инновация» – недифференцированное обозначение всех новых элементов языка: узуальных, окказиональных; морфем, фразем, слов, словообразовательных моделей и т.д.» [Сенько, 2000а: 83]. Таким образом, инновации представлены двумя разновидностями: неологизмами в языке и окказионализмами в речи.

Итак, попытаемся определить, в чем все-таки различия между неологизмом и окказионализмом, каково их соотношение с нормой и узусом. Традиционно **окказиональность** понимается как нарушение грамматических, словообразовательных, лексико-семантических норм литературного языка, а окказиональное употребление противопоставляется узуальному (общепринятому). Ранее мы уже приводили признаки окказиональных слов, выделяемые различными учеными. Наиболее полный их перечень дает А.Г. Лыков: принадлежность к речи; творимость (невоспроизводимость); словообразователь-

ная производность; ненормативность; функциональная одноразовость; экспрессивность; номинативная факультативность; синхронно-диахронная диффузность; индивидуальная принадлежность [Лыков, 1976: 11].

На наш взгляд, главный критерий разграничения неологизмов и окказионализмов – характер их функционирования. Так, неологизмы, как уже отмечалось, служат для номинации новой реалии (см. прим. (1)), а окказионализмы могут: а) вводить в речь наименование новой реалии и одновременно давать ей эмоционально-экспрессивную оценку (см. прим. (2)) и б) не называть нового, а только выражать эмоционально-экспрессивную оценку уже существующего (известного) (см. прим. (3)). Проиллюстрируем сказанное.

(1) *Клюкварий* расположен недалеко от Петрозаводска (пример взят из: Гольцова 1993: 82). Речь идет о первых опытах выращивания клюквы в искусственных условиях. Данная речевая единица употреблена с целью номинации новой реалии, образована по известной в языке модели (ср.: *розарий*) и не несет дополнительного эмоционально-экспрессивного заряда.

(2) *Марьванне* шьют статью (МК 14.08.2003). Употребляя стилистически маркированный окказионализм (ср.: «*Марьванна*» – *Мария Ивановна*), автор лишь выражает эмоциональное отношение, дает негативную оценку факту, описанному в данном материале, а не называет новую реалию.

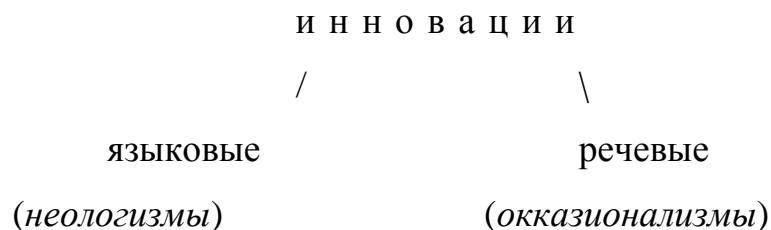
Очевидно, что в момент появления в речи индивида нового слова, нельзя определить, речевой или языковой статус оно имеет. В связи с этим, А.Г. Лыков пишет: «...чем шире и интенсивнее оно (новое слово – уточнение наше: Е.Г.) втягивается в процессы языковой коммуникации, тем новизна его быстрее адаптируется и гаснет и тем короче его «стаж» пребывания на положении неологизма» [Лыков 1976: 100] и добавим: чем большее распространение в общественной жизни получает данная реалия, тем больше шансов у новой единицы закрепиться в узусе и впоследствии стать фактом языковой системы. Вместе с тем очевидно наличие пограничных между неологизмами и окказионализмами явлений. «Граница между словами каноническими и окказиональными проходит не четкой и узкой линией, а широкой, «размытой»

полосой переходных случаев с взаимопроникновением части свойств обоих классов слов...» [Лыков 1976: 116]. Действительно, такие образования, как *Мойдодыр, прихватизация, сорока-белобока* и др. не фиксируются словарями, и, тем не менее, понятны всем носителям языка и воспринимаются как факты языковой системы, в отличие от собственно окказионализмов, характерных для языка того или иного автора, например: *царовать, антипят, белогорячий* (В. Высоцкий).

Учитывая сказанное, мы определяем **окказионализм (окказионализм-элокутив)** как преимущественно *речевую* (в отличие от неологизма), в большинстве своем экспрессивную единицу³² любого языкового уровня, обладающую свойствами невоспроизводимости (творимости), ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности (если это слово). В широком смысле – это любая «*мотивированная неправомерность* (курсив наш – Е.Г.), носящая целесообразно организованный характер»³³ [Лыков 1971: 78].

Таким образом, в настоящей работе соотносим понятия «окказионализма» и «неологизма» так: **неологизм (новое слово)** – воспроизводимая единица языка, образованная по законам языковой системы, возникающая с целью номинации новой реалии. **Окказионализм** – творимая чаще с эмоционально-экспрессивной целью речевая единица, а также любое отступление от нормы (окказионализм-какология и окказионализм-элокутив). Объединяющим (родовым) по отношению к обоим понятиям является термин «инновация» (новообразование).

Итак,

³² Признак экспрессивности носит немотивированный, неосознанный говорящим характер, когда речь идет об окказионализмах-ошибках (окказионализмах-какологиях в нашей терминологии). Адресант не ориентируется на установку воздействия. Окказионализмы такого рода экспрессивны лишь постольку, поскольку носят ненормативный, нестандартный характер.

³³ Сказанное относим только к окказионализмам-элокутивам.

Обратимся к решению существенного для нас вопроса о **классификации лексических окказионализмов**. Как было отмечено ранее, традиционно принято рассматривать в кругу лексической окказиональности два типа слов: собственно лексические окказионализмы (окказиональные слова) и семантические окказионализмы (лексемы, возникшие в результате вторичной номинации).

С целью систематизации окказиональных явлений, возникающих в лексике, предлагаем следующую их классификацию. Считаем логичным в построении типологии лексической окказиональности исходить из следующего посыла: что подверглось обновлению в данной языковой единице. Могут быть варианты. **А.** Произошли изменения со стороны *означающего*, то есть структуры лексической единицы (ее морфемного состава). **В.** Со стороны *означаемого*, то есть ее семантики. **С.** Со стороны того и другого, то есть новое лексическое значение закрепилось за новой формальной оболочкой. Это позволяет говорить о трех типах лексических окказионализмов:

- а) структурно-словообразовательном;
- б) семантическом;
- в) семантико-словообразовательном.

Очень кратко проиллюстрируем сказанное. 1. Как было замечено ранее, лексические окказионализмы структурно-словообразовательного типа представляют собой единицы, в которых узуальное значение сочетается с иной формой его выражения, чем в языке. *В кашне, ладонью заслоняясь, сквозь фортку крикну детворе...* (Б. Пастернак. Про эти стихи). Ср.: *фортка* – *форточка*. 2. Семантические окказионализмы отличаются от узуальных лексем своим денотатом при тождестве формальной оболочки. *Иглоукальвание* (Burda Mini 01.01.2003). *Иглоукальвание* = *вышивание*. 3. Семантико-словообразовательные окказионализмы – это окказиональные слова, в которых новое лексическое содержание передается известными языку или собственно окказиональными морфемами. *Дожди отслезились в начале ноября*

(Ю. Нагибин. Смерть на вокзале)³⁴. В целом лексическую окказиональность рассматриваем на уровне слова и словосочетания.³⁵

1.3. Выводы по главе

1. Явление неологизации наиболее активно исследуется в отечественном языкознании, начиная с 60-х годов прошлого века, о чем свидетельствуют монографии, диссертационные исследования, многочисленные статьи. Окказиональность рассматривается учеными в нескольких аспектах, наиболее важными из которых являются: таксономический, психолингвистический, функционально-прагматический. В рамках таксономического аспекта мы проанализировали: словообразовательный, ономаσιологический, лексикологический, лексикографический, которые являются наиболее разработанными по отношению к изучению окказиональности. В зависимости от целей и специфики анализа данного явления в рамках отмеченных направлений термин «окказионализм» приобретает разное смысловое наполнение. Исследуя окказиональные явления в словообразовательном и лексикологическом аспектах, лингвисты обращают внимание на способы и модели их образования, вычленяют различные признаки окказиональных лексем, отличающие их от канонических слов и неологизмов, изучают механизмы вхождения речевых единиц в узуальную практику и т.п. Для лексикографов релевантной становится возможность фиксации новых явлений языка/речи в специальных словарях. Ономаσιологии и психолингвисты исследуют причины и способы порождения новых слов; в рамках функционально-прагматического аспекта окказиональность изучается с точки зрения ее влияния на эмоционально-экспрессивную сторону текста.

Представляется целесообразным в рамках функционально-прагматического подхода рассматривать окказиональность с точки зрения ее

³⁴ Подробная классификация с пояснениями и дополнениями представлена во II-ой главе исследования.

³⁵ Подробно о реализации окказиональности на уровне словосочетания в нашем понимании см. в главе II при анализе окказиональных перифразов.

элокутивного потенциала, тем более что специальных исследований, посвященных систематизации структурно-семантико-функциональных особенностей названного явления не существует. Анализ лексической, а в перспективе и окказиональности других языковых уровней в элокутивном аспекте (то есть в качестве изобразительного средства) позволит всесторонне описать различные типы лексических окказионализмов не изолированно, а в кругу традиционных орнаментальных средств, что во многом систематизирует изобразительно-выразительные возможности окказионализмов.

2. Проанализировав имеющиеся точки зрения на соотношение общелингвистических понятий «норма», «узус», пришли к выводу, что нет единства во взглядах лингвистов в трактовке данных понятий (зачастую в словарях и справочниках они синонимизируются). В работе принимаем следующие дефиниции. «**Норма** языковая – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе коммуникации» [Лингвистический... 1990: 337]. **Узус** – реализация языковой нормы, «массовая и регулярная воспроизводимость данной языковой единицы» [Русский язык... 1997: 575]. Норма – категория языковая, узус – речевая.

3. С понятиями нормы и узуса связано явление их нарушения. Любое нарушение языковой нормы считаем окказионализмом. В зависимости от характера нарушений (отклонений, отступлений) норм окказионализмы подразделяются нами на два типа: 1) *окказионализм-какология* (речевая ошибка) и 2) *окказионализм-элокутив* (окказионализм-прием). Первый тип представляет собой незначимое, нецелесообразное нарушение норм, второй – целесообразное отступление от норм с целью эмоционально-экспрессивного воздействия. Наше внимание обращено ко второму типу.

4. Анализ лингвистической литературы позволил выявить многообразие классификаций новых явлений. Для нас наиболее важными являются следующие из них: 1) по принадлежности новых явлений к языку/речи; 2) в соответствии с языковым или речевым уровнем проявления окказионально-

сти. В соответствии с первым критерием мы дифференцируем *новообразования (инновации)* на *неологизмы* и *окказионализмы*. Наиболее существенным критерием разграничения названных явлений считаем функциональный (неологизмы называют, окказионализмы – дают оценку). В соответствии со вторым критерием считаем возможным рассмотрение явления окказиональности на всех уровнях от фонетического до синтаксического, а также учитываем проявление окказиональности в области графики, орфографии, пунктуации.

5. Предметом нашего рассмотрения является лексическая окказиональность, которая реализуется в следующих разновидностях.

А. Структурно-словообразовательные окказионализмы – это слова, образованные по известным языку (узуальным) моделям и отличающиеся от узуальных слов отдельными аффиксами (ср.: *подсознанка* – *подсознание*; *уворованный* – *сворованный*; *походь* – *походка*). Они создаются в стилистических целях, а по семантике синонимичны каноническим словам.

Б. Семантические окказионализмы – это слова, образованные способом вторичной номинации, то есть соотносимые с уже известными языку словами, но приобретающие в определенном контексте другое значение (*огорчать* – «смазывать горчицей»; *несносный* – «тот, кого трудно нести на руках»; *БА-Бушка* – Борис Абрамович Березовский).

В. Семантико-словообразовательные (собственно лексические) – это окказиональные слова, образованные по языковой (узуальной) или речевой (окказиональной) модели с целью эмоционально-экспрессивного воздействия (*поттеромания*; *мордоделы*; *татушка* (от названия группы «Тату»); *обнаженка*). Окказионализмы названных типов и станут предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

ГЛАВА II.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ЭЛОКУТИВНОМ АСПЕКТЕ

2.1. Элокутивный раздел риторики

Окказионализмы-элокутивы рассматриваем среди других элокутивных (стилистически значимых) речевых средств. **Элокуция** (от лат. *elocutio*) – выражение – традиционно третий этап Риторического канона. Риторический канон в свою очередь – «центральный раздел риторики, изучающий «путь от мысли к слову», то есть процесс создания и произнесения речевого произведения» [Культура... 2003: 597]. Наряду с элокуцией риторический канон включает в себя следующие составляющие: инвенцию (изобретение содержания речи), диспозицию (расположение речевого материала), меморию (запоминание) и произнесение речи. Элокуция подразумевает выбор стиля речи, речевого жанра и языковых средств в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего (пишущего), содержанием речи и речевой ситуацией. Отбором языковых средств в элокуции ведает подраздел «*ornamenta*» – «украшение речи». К орнаментальным средствам традиционно относят тропы и фигуры, а также некоторые другие риторические приемы. Термин «теория элокуции» как синоним термина «теория фигур» был введен И.В. Пекарской, которая уточнила, что теория элокуции занимается не только исследованием фигур в широком смысле (тропов, семантических и несемантических фигур), но и другого рода экспрессивов (лексических, фразеологических, орфографических, графических и др.) [Пекарская 2000, ч. I]. Теория элокуции на современном этапе развития, как отмечают исследователи, нуждается в системном описании прагматически значимых языковых/речевых средств с точки зрения особенностей их структуры, семантики и специфики функциони-

рования [Пекарская 2003в: 302]. Наша задача – определить место окказионализмов-элокутивов в кругу других речевых выразительных средств, описать их структурно-семантические и функциональные признаки, соотнести с традиционными орнаментальными средствами.

2.2. Дефиниции понятий «троп», «фигура», «риторический прием», «стилистический прием», «стилистическое средство», «языковая фигура», «речевая фигура» в современной теории элокуции. Их соотношение. Место окказионализмов-элокутивов среди других орнаментальных средств

В современной филологии не существует четких дефиниций понятий «троп» и «фигура», размыты их границы с другими стилистическими средствами, отсутствует единая классификация названных явлений [Богданова 2001; Зарецкая 1998; Кожина 1993; Корольков 1973/1974; Кохтев 1994; Культура... 2003; Львов 1995; Матвеева 2003; Михальская 1996; Никитина, Васильева 1996; Хазагеров, Ширина, 1999 и др.].

Так, в большинстве пособий тропы и фигуры относят к стилистическим приемам [Зарецкая 1998; Культура... 2003; Никитина, Васильева 1996;] или стилистическим (поэтическим) оборотам [Богданова 2001; Квятковский 1966; Кохтев 1994; Львов 1995], стилистическим средствам [Пекарская 2000], создающим образность речи и усиливающим ее выразительность. Вместе с тем в ряде источников риторический статус указанных средств не определен [Введенская, Павлова 1995; Голуб, Розенталь 1997; Михальская 1996; Розенталь 1968 и др.]. В таких исследованиях тропы и фигуры именуются просто «средства языка» или «специальные обороты», при этом они часто не дифференцируются [Бельчиков 1962: 104-105]. Встречаются определения и вовсе затрудняющие интерпретацию языкового статуса того или иного явления. Так, в пособии «Развитие речи» читаем: «Эпитет – троп, фигура, образное определение...» [Меркин, Зыбина 2002: 51]. Подобные разночтения в опре-

делении лингвистического статуса видовых понятий как раз и стали возможными в результате отсутствия четких дефиниций самих понятий «троп» и «фигура».

В качестве одной из причин невозможности дать «развернутые дефиниции тропа и фигуры» В.И. Корольков называет «стремление уловить специфику тропа и фигуры дедуктивными средствами, путем априорных предположений...» [Корольков 1973/1974: 64]. Так, чрезмерно обобщенные, не выявляющие сути анализируемых реалий определения находим, например, в «Риторике» Е.Н. Зарецкой: «Тропы – это приемы выразительности, которые реализуются на уровне слова или словосочетания. Фигуры – это приемы выразительности, которые реализуются в тексте, равном предложению или большем, чем предложение» [Зарецкая 1998: 378]. Еще более запутанные толкования встречаем у М.Р. Львова. «Риторической, или стилистической фигурой называются обороты речи, выработанные опытом конструкции, используемые для усиления выразительности высказывания» [Львов 1995: 74]. «Троп – поэтический оборот, употребление слов, их сочетаний и фраз в переносном, образном смысле» [там же: 80]. Из подобных определений становится не ясно: 1) что следует понимать под приемами выразительности, как отграничить тропы и фигуры от других стилистических приемов; 2) каково соотношение тропов и фигур с категориями образности, изобразительности, выразительности; 3) чем отличается троп от фигуры с точки зрения структурных признаков (см., например, приведенные определения М.Р. Львова) и т.п.

С другой стороны, дефиниции, предлагаемые в ряде источников, отражают зачастую лишь формальную сторону явлений, при этом лингвисты обращают внимание на сам механизм создания тропа или фигуры. Приведем одно из таких определений. «Троп – стилистический перенос названия, употребление слова в переносном (непрямом) его смысле в целях достижения более художественной выразительности» [Ахманова 1966: 481].

Из сказанного ясно, что имеющиеся толкования не исчерпывают сути названных явлений, а лишь акцентируют внимание либо на механизмах возникновения тропов и фигур, либо на функциональной направленности.

Вместе с тем еще А.Г. Горнфельд, пытаясь выявить черты сходства и различия рассматриваемых явлений, справедливо отмечал: «Троп есть форма поэтического мышления, фигура есть форма речи. Тропы имеют результатом обогащение мысли известным новым содержанием; фигура – определенные обороты речи, рассчитанные на известное действие, но не вносящие в содержание ничего нового, расширяющего познание» [Горнфельд 1911: 335]. Данную мысль развивает в своей работе В.И. Корольков. Он пишет: «В отличие от проблемы тропа, ядро которой, судя по всему, составляет ее *семасиологический аспект*, фигура есть явление, прежде всего, *синтаксическое*, – относящееся не к «смыслу», а к строю речи, к словесной организации высказывания» [Корольков 1973/1974: 78]. На названных отличительных признаках акцентирует внимание другой исследователь: «тропы предполагают, *прежде всего*, преобразование основного значения слова/ словосочетания (*и только как следствие – структур, в которые они входят*); фигуры – *прежде всего*, преобразования фундаментальных структур (*и только как следствие – преобразование значений входящих в них элементов*)» [Клюев 1999: 179].

Н.Н. Василькова, стремясь проследить принципы, лежащие в основе построения тропов и фигур, говорит об их различиях следующее: «Тропы отличаются от фигур тем, что первые строятся по принципу иносказательности, избегания прямого названия, а вторые – по принципу прямых непереносных словесных значений, создающих, однако особый речевой ход, отступающий от банального, обыкновенного, нейтрально-делового повествования – по внешним способам выражения языковых единиц» [Василькова 1990: 16]. Н.А. Боженкова критерием разграничения тропов и фигур считает их семантику, при этом она отмечает, что у тропов наличествует признак переименования предмета по какому-либо параметру (сходство, смежность, противоположность), а у фигур отсутствует. Таким образом, «...тропы – семасиологи-

чески двуплановые образования, тогда как любое фигуральное построение не предполагает двусемности» [Боженкова 1998: 7].

Размышления о языковой природе указанных явлений, механизмах их создания и функционирования приводят ученых к широкому и узкому пониманию фигур. Широкая интерпретация риторических фигур восходит еще к античной риторике. Так, у Квинтилиана находим: «Фигура определяется двояко: во-первых, как всякая форма, в которой выражена мысль, во-вторых, фигура в точном смысле слова определяется как сознательное отклонение от мысли или в выражении от обыденной и простой формы» [Античные теории... 1936: 259]. Таким образом, все изобразительно-выразительные средства в античных риториках делились на «фигуры мысли» (семантические) и «фигуры слова» (синтаксические). «*В широком смысле* фигурами назывались любые языковые средства, включая тропы (которые рассматривались в группе фигур мысли), придающие речи образность и выразительность. *В узком смысле* они определялись как синтагматически образуемые средства выразительности, то есть экспрессивные средства» [там же: 36]. Широкое толкование фигур, при котором в них включаются и тропы, а фигуры таким образом дифференцируются на «*тропеические*» и «*нетропеические*», представлено в работах [Лопаткина 2004; Напцок 1997; Пекарская 2000; Русский язык... 1979; Хазагеров, Ширина 1999;]. Узкому пониманию фигур отдается предпочтение в работах [Квятковский 1966; Культура... 2003; Никитина, Васильева 1996; Матвеева 2003; и др.].

Прежде чем представить дефиниции тропа и фигуры, принятые в настоящей работе, соотнесем понятие «*фигура*»³⁶ и «*прием*», поскольку они зачастую трактуются как синонимы либо вступают в родовидовые отношения. В справочной литературе нередко отсутствует толкование термина «*прием*», или «*стилистический прием*» [см., например: Ахманова 1966; Квятковский 1966, 2000; Русский язык... 1997]. В ряде источников это понятие фиксируется лишь косвенно, семантически отождествляясь с понятием фигуры или

³⁶ Здесь и далее фигуру определяем широко, включая в нее и собственно троп.

тропа [Гвоздев 1955; Зарецкая 1998]. Так, в словаре Е.С. Никитиной и Н.В. Васильевой читаем: «Фигура, -ы (figure). Обороты речи, отклоняющиеся от нейтрального словоупотребления и направленные на усиление выразительности высказывания. Употребляются как *стилистический прием* (курсив наш – Е.Г.)» [Никитина, Васильева 1996: 141]. Однако прежде чем трактовать троп и фигуру как стилистические приемы, необходимо раскрыть семантическую сущность понятия «прием», что логично приведет к тому, что не всякий троп есть стилистический прием.

По-своему решает вопрос о соотношении понятий «*троп*», «*фигура*», «*стилистический прием*» В.П. Москвин. Так, троп он определяет как «выразительное средство» и относит к тропам только метафору и метонимию; фигуру считает родовым немаркированным понятием по отношению к стилистическому приему. Таким образом, троп – уже, чем фигура, но и троп, и фигура могут использоваться, а могут и не использоваться в качестве стилистического приема в зависимости от намерений автора [Москвин 2002]. С целью отграничения тропа как просто переноса наименования от тропа как приема А.К. Михальская вводит понятие «*риторический троп*». Она пишет: «Риторические тропы – это вовсе не все случаи употребления слов и выражений в переносном значении, а только те, которые сохраняют образность, не утратив своей двуплановости (для образа нужно одновременное присутствие двух значений – прямого и переносного – в сознании говорящего и адресата), а, следовательно, не лишились выразительности (экспрессивности)» [Михальская 1996: 213].³⁷ Становится очевидным, что разнобой в анализируемой риторической терминологии в значительной степени стал возможен по причине размытой трактовки указанных понятий в авторитетных словарных изданиях.³⁸

³⁷ О том, что троп не всегда выступает в качестве стилистического приема пишет и Л.В. Чернец [Чернец 2001: 10].

³⁸ Ср., например выборочные дефиниции отдельных понятий, данные в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1992]. **Прием**, а, м. **3.** *Способ* в осуществлении чего-н. *Художественный прием* [стр. 608]. **Способ**, а, м. Действие или система действий, применяемые при исполнении какой-н. работы, при осуществлении чего-н. *Механический способ обработки* [стр. 783]. **Средство**, а, ср. **1.** *Прием*, спо-

Заслуживает внимания попытка упорядочить элокутивную терминологию, предпринятая в монографии И.В. Пекарской. Автор последовательно обосновывает целесообразность рассматривать в качестве родового по отношению к понятиям «троп», «фигура», «прием» термин «стилистическое средство». «Стилистическое средство – языковое/речевое «орудие» (инструмент, приспособление), при помощи которого производится воздействие на адресата речи» [Пекарская 2000, ч. I: 125]. Стилистические средства реализуют себя в приемах усиления изобразительности (к ним относятся тропеические и нетропеические фигуры) и приемах усиления выразительности (к ним относятся традиционные типы выдвижения: конвергенция, обманутое ожидание, ретроградия и т.д.) [там же: 127]. Таким образом, в данной интерпретации понятие «стилистическое средство» является гиперонимом по отношению к термину «стилистический прием». Подобная точка зрения представляется достаточно объективной, однако в нашем исследовании при соотношении данных понятий считаем целесообразным придерживаться взглядов А.П. Сковородникова [см., например, Сковородников 2001 и последующие работы]. Ученый, аргументируя свою точку зрения, руководствуется главным образом стремлением к упорядочению терминосистемы элокуции. Предлагаемая интерпретация рассматриваемых понятий и их соотношение подробно представлены в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» (автор словарных статей А.П. Сковородников) [Стилистический... 2003] и в Энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (авторы словарных статей А.П. Сковородников и Г.А. Копнина) [Культура... 2003]. Авторы указанных справочников в качестве гиперонима по отношению к понятиям «троп», «фигура», «стилистический прием» предлагают термин «риторический прием». **Риторический прием** можно определить как способ построения высказывания, основанный на мотивированном целеустановкой говорящего/пишущего и условиями общения (кон-

соб действия для достижения чего-н. *Простое средство* [стр. 786]. Как видно из приведенных определений, границы между толкуемыми ими понятиями размыты. См. выделенные нами сегменты.

текстом и/или ситуацией) отклонении от нормы в широком смысле» [Культура... 2003: 598]. Классификация риторических приемов строится при этом с учетом нарушения при их использовании тех или иных норм (языковых, речевых, логических, поведенческих и т.д.). Как следует из рассуждений авторов, риторические приемы первого типа (отступающие от языковых/речевых норм) реализуются в стилистических приемах. **Стилистический прием** рассматривается в качестве разновидности риторического приема и определяется как «способ организации высказывания (предложения, части текста или текста в целом) на основе прагматически мотивированного отклонения от языковой нормы, или ее нейтрального варианта, или речевой нормы с целью ее определенного воздействия на адресата» [там же: 694].³⁹ Как видится, расхождения двух представленных точек зрения касаются родовых отношений между анализируемыми понятиями: «*стилистическое средство*» выступает как гипероним по отношению к тропу, фигуре, приему [Пекарская 2000, ч.1: 125] и «*стилистическое средство*» синонимично понятию «*прием*» либо рассматривается как неотъемлемая часть приема, т.е. стилистические приемы опираются на средства [Культура... 2003; Стилистический... 2003]. Разделяем вторую точку зрения.

Итак, риторический прием – всегда осознанная, мотивированная интенция говорящего. Вместе с тем нельзя не согласиться с И.В. Пекарской, которая пишет: «Фигура может корнями своими, своим «рождением» быть обязана ошибке, но ошибке «удачной», яркой, выразительной» [Пекарская 2000: 116] и добавим: не всегда первично осознанной. В таком случае речь идет о речевой, а не языковой фигуре.

Что касается терминов «*речевая фигура*», «*языковая фигура*», в лингвистической литературе также достаточно разночтений по их толкованию. Кроме того, в ряде источников наряду с термином «*фигура речи*» без каких-либо пояснений употребляются понятия «*стилистическая фигура*», «*риторическая фигура*» [Ахманова 1966: 492; Львов 1995: 74; Никитина, Васильева

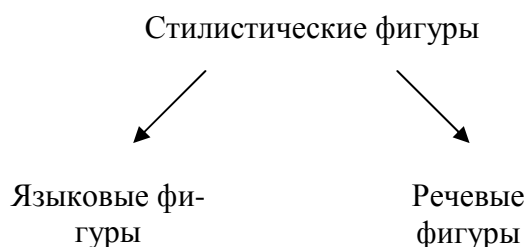
³⁹ Подобное понимание стилистического приема предлагается Т.В. Матвеевой [Матвеева 2003: 341].

1996: 634; Русский язык... 1997: 590], «синтаксическая фигура» [Богданова 2001: 35]. Приведем лишь одну иллюстрацию: «*Риторическими, или стилистическими, фигурами* называют обороты речи, выработанные опытом конструкции, используемые для усиления выразительности. Иногда их называют *фигурами речи*» [Львов 1995: 74]. А.П. Квятковский использует термины «фигура», принимая его широкое толкование и «*риторическая фигура*». К последним он относит риторическое восклицание, риторический вопрос и риторическое обращение [Квятковский 1966].

Поскольку наше внимание сосредоточено на анализе *речевых* элокутивных средств, считаем целесообразным не синонимизировать такие понятия, как «*фигура речи*» и «*стилистическая фигура*».

В связи с этим адекватной находим градацию указанных понятий, принятую в работе И.В. Пекарской. Так, в качестве родового исследователь использует термин «*стилистическая фигура*», объективируя тем самым ее связь со стилистической организацией языка/речи и принимая во внимание присутствие фигур на всех языковых уровнях: от фонетического до текстового.⁴⁰

Мы не ставим своей задачей анализ стилистических фигур известных языковых уровней, в интенции автора не входит также комплексное рассмотрение фигур различных типов и выявление принципов их построения. В связи с этим считаем достаточным ограничиться следующей схемой:

Принимая широкое понимание фигур, допускаем наличие тропеических и нетропеических фигур на языковом и речевом уровнях.

⁴⁰ Автор понимает фигуру широко, включая в нее тропеические и нетропеические средства.

Как было отмечено, тропы (тропеические фигуры) и фигуры нетропеические вслед за отдельными учеными считаем целесообразным рассматривать в кругу других стилистических приемов. Вслед за А.П. Сковородниковым и Г.А. Копниной, допуская некоторые уточнения, стилистическую фигуру определяем следующим образом. **Стилистическая фигура** – стилистический прием, основанный на прагматически мотивированном отклонении от языковой или речевой нормы, синтагматически и парадигматически (собственно фигуры) или парадигматически (тропы) образуемые средства создания изобразительно-выразительного высказывания.

Поскольку наше исследование связано с рассмотрением окказионализмов с точки зрения теории элокуции, а «*окказиональный*» – это, прежде всего, отступающий от языковой нормы, функционирующий лишь на уровне речи, необходимо в этой связи провести границу между фигурами языка (языковыми фигурами) и фигурами речи (речевыми фигурами).

Ранее было сказано, что в лингвистической литературе термин «*фигура речи*» существует зачастую как синоним терминам «*риторическая фигура*», «*стилистическая фигура*», а сама дифференциация фигур на языковые и речевые либо отсутствует, либо проводится неодинаково отдельными исследователями.

Признание стилистических фигур реалиями языковыми представлено в большинстве пособий [см., например: Введенская, Павлова 1995; Зарецкая 1998; Кожина 1993; Львов 1995; Розенталь 1998 и др.]. Данный тезис ученые обычно аргументируют тем, что в основе любой фигуры лежит так называемая модель, схема, и фигуры тем самым являются фиксированными языком конструкциями. Так, В.Д. Девкин в связи с этим пишет: «Достижение экспрессии было бы чрезвычайно осложнено, если бы не было заготовок, полуфабрикатов для ее воплощения. Поэтому уже в языковой системе имеются средства, предназначенные для обеспечения выразительности высказывания» [Девкин 1979: 225].

Фигура как явление не только языковое, но и речевое представлена у В.И. Королькова. Он приводит такие рассуждения: «...*фигуры как явление системы языка* – это «всего лишь» общие, абстрактные синтаксические модели, представляющие собой некие последовательности морфологических классов слов, рассматриваемые в отвлечении от конкретной лексико-фразеологической и семантической реализации. В этом аспекте фигуры – во всяком случае, значительная их часть – могут быть представлены в виде своего рода формул. *Фигуры как явление речи* – это уже не отвлеченные схемы, а построенные по «отложившимся» в системе языка моделям конкретные словесные образования, обладающие, помимо синтаксического и морфологического, также всеми другими лингвистическими аспектами, в частности, функционирующие – в масштабе целого текста – как явления стилистические, и в силу этого несущие определенный конкретный смысл» [Корольков 1973/1974: 74].

Нетрудно заметить, что свое решение данной проблемы автор проводит в рамках дихотомии «норма – узус», где норма – реально данная в системе языка модель, а узус – ее потенциальная реализация. Они, как известно, взаимообусловлены. Таким образом, в представленной трактовке языковая фигура-схема, переходя на уровень функционирования, наполняется конкретным смысловым содержанием, без этого она просто не могла бы существовать. Следовательно, как такового понимания термина «*речевая фигура*» в работе не представлено.

Оригинальное и, на наш взгляд, целесообразно объективное понимание речевых фигур находим в исследовании И.В. Пекарской. По мнению автора, языковая фигура – это схема (не обязательно грамматического плана), а речевая фигура – это нарушение схемы, отступление от нее, наконец, – ее отсутствие. Это фигура-окказионализм. Проиллюстрируем сказанное: «Речевая фигура определяется нами как намеренное или ненамеренное, но *целесообразное* (курсив наш – Е.Г.) отклонение от нормативного речевого высказывания по особому принципу (в ряде случаев не осознаваемому) без специаль-

ной схемы отклонения от речевой нормы с целью создания прагматического эффекта или без расчета на него...» [Пекарская 2000, ч. I: 142].

Учитывая вышеизложенное, представим схематично наше понимание структуры стилистических фигур.

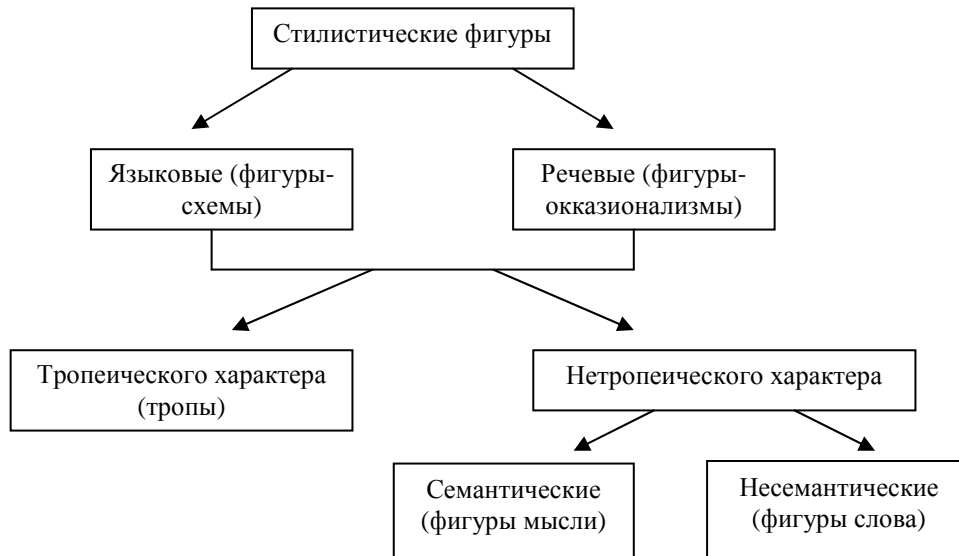

Рис. 2.1. Структура стилистических фигур

Примечание: Термин «несемантические фигуры» введен И.В. Пекарской [Пекарская 2000, ч. I: 147].

К **семантическим фигурам** традиционно относят построения, которые образуются соединением слов, словосочетаний, предложений или более крупных отрезков текста, ведущие к изменению смысла высказывания. **Несемантические фигуры** – сочетания слов, предложений или более крупных отрезков текста, служащие не изменению смысла высказывания, а используемые с целью привлечения внимания к нему.⁴¹ Рассмотрение вопросов, связанных с принципами классификации фигур, их типологией и сферой функционирования оставим за рамками данного исследования.

Как было отмечено ранее, стилистические фигуры (языковые и речевые) рассматриваются нами в качестве стилистических приемов, в рамках которых мы исследуем и окационализмы-элокутивы. В связи с этим представим схематично соотношение ключевых понятий, используемых в работе.

⁴¹ Подобное понимание в целом отражает рассмотрение фигур в античных риториках, которое с той или иной степенью преломления представлено и в современных лингвистических источниках.

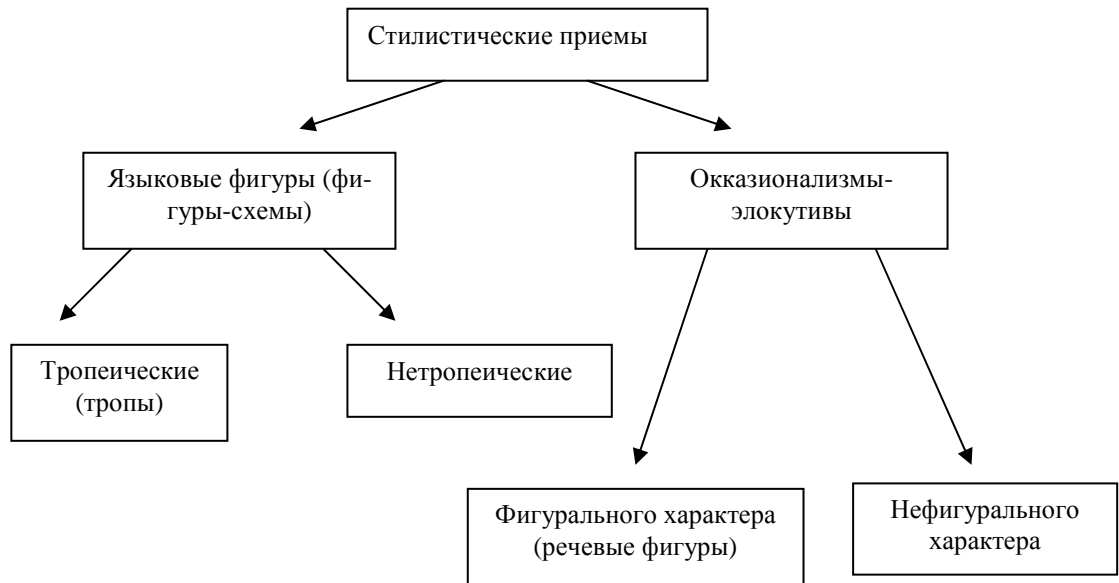

Рис. 2.2. Соотношение ключевых понятий стилистики, используемых в работе

Примечания: 1. Дефиницию термина «окказионализм-элокутив» см. в главе I настоящей работы.
2. Речевую фигуру трактуем вслед за И.В. Пекарской как намеренное или ненамеренное, но целесообразное отклонение от нормативного речевого высказывания по особому принципу без специальной схемы отклонения от речевой нормы с целью создания прагматического эффекта... [Пекарская 2000, ч. I: 142].

Очевидно, что структура стилистических приемов является открытой и может быть потенциально продолжена. Проиллюстрируем без каких-либо комментариев ту часть данной схемы, которая касается окказионализмов-элокутивов.⁴² 1. Окказионализмы-элокутивы нефигурального характера представлены окказионализмами структурно-словообразовательного (1, 2, 3) и семантико-словообразовательного типов (4, 5).⁴³

(1) *Акунин, в прошлом блестящий литературовед, ныне бойкий «быстропис» ...* (ЛР 03.03.2002). – *Быстропис* = *быстрописец*.

(2) *Такие книголюбцы кроме дешевенькой детективщинки ни с чем и не знакомы* (Взгляд 10.06.2000). – *Книголюбцы* = *книголюбы*.

⁴² Как отмечали ранее, считаем объективным фактом наличие окказионализмов на всех уровнях языковой системы (от фонетического до синтаксического, но в настоящей работе рассматриваем лишь лексическую окказиональность.

⁴³ О типах лексических окказионализмов, исследуемых в данной работе, см. главу I.

(3) *Ума мстит, и мстя ее страшна* (Комок 19.07.2005). – *Мстя = месть*. В данных лексемах налицо деформация узуальной структуры, ведущая к возникновению окказиональных слов. Такие окказионализмы всегда экспрессивны и чаще выражают пейоративную оценку. В примере (3) передается ирония.

(4) *Перестройщик* (Аргументы успеха 04.04.2001). – *Перестройщик* – тот, кто занимается перестройкой квартиры.

(5) *Специалисты «оцифровали» лик с плацаницы* (КП 06.01.2005). – *Оцифровать* – переснять с помощью цифровой лаборатории.

Приведенные окказионализмы (4, 5) представляют собой классический пример лексической объективации – воплощения в слове известного синтаксического (описательного) содержания. Образование таких единиц называется компрессивным [см.: Земская 2004: 200].⁴⁴

2. Окказионализмы фигурального характера представлены главным образом тропеическим типом, который составляют семантико-словообразовательные (1, 2) и семантические лексемы (3, 4). Фигуральные окказионализмы нетропеического характера, представляющие собой собственно фигуры, не так многочисленны в имеющемся языковом материале (5, 6).

(1) *Знакомая боль с тупым однообразием вклещивалась в грудную кость* (Ю. Нагибин. На кордоне).

(2) *На телевизионном языке это называется «девушка не потянула»; к тому же, руководство «четвертой кнопки» решило учесть интересы молодежной аудитории...* (Взгляд 20.01.2005). – *Четвертая кнопка* – номинация телеканала по закреплению его за определенным номером.

Данные собственно лексические окказионализмы являются окказиональными (речевыми) тропами: (1) – окказиональным метафорическим переносом, (2) – окказиональным метонимическим перифразом.

⁴⁴ О компрессии на уровне текста см. Мурзин 1979.

(3) *Я живу на улице Ленина, и меня **зарубает** тот факт, что полупьяные... придурки ночь напролет сигналият прямо у меня под окнами* (Взгляд 29.07.2004). Названная окказиональная метафора в значительной степени экспрессивна, поскольку представляет собой жаргонную лексему, которая как стилистически маркированная является более выразительной.

(4) *Не будят только «**колпаков**» – тех, кого считают буйными и даже кормят с ложечки...* (Взгляд 16.09.2004). – *Колпак = душевнобольной*. Окказиональная метонимия создает яркий образ социально инфантильных людей в колпаках и смирительных рубашках.

(5) *Наступление на русский язык давно идет извне, с помощью ТВ и прессы, которые навязывают думно и бездумно забугорную словесную шелуху...* (ЛР 05.03.2002). Депрефиксальный окказионализм **думно** вступает в антонимические отношения с узуальным префиксальным образованием **бездумно**, и высказывание приобретает характер антитезы. Общий пафос сказанного усиливается за счет нанизывания (конвергенции) метафорических эпитетов (*забугорную, словесную*).

(6) *Кто после нас был? Один Иосиф.*

*А остальные? **Бродскогололье** –*

Милые люди или шпана (Е. Евтушенко. На смерть Владимира соколова). Представленный окказионализм является антономасией.⁴⁵

Кратко подытожим сказанное. 1. Элокутивный раздел риторики традиционно изучает орнаментальные средства языка/ речи, к которым обычно относят тропы и фигуры. 2. Среди имеющихся в лингвистической литературе точек зрения на соотношение понятий «*троп*», «*фигура*», «*прием*», считаем целесообразным разделять следующую: тропы и фигуры – разновидности стилистического приема. **Стилистический прием** – способ организации высказывания, построенный на основе прагматически мотивированного отклонения от языковой/ речевой нормы с целью воздействия на адресата. **Стили-**

⁴⁵ Об антономасии, проявляющейся на уровне окказионализмов, см. пп. 2.3. и 2.3.3. главы II настоящего исследования.

стическая фигура – стилистический прием, основанный на прагматически мотивированном отклонении от языковой/ речевой нормы, синтагматически и парадигматически (собственно фигуры) или парадигматически (тропы) образующие средства создания изобразительно-выразительного высказывания. Среди стилистических фигур рассматриваем тропеические (тропы) и нетропеические. **Троп** трактуем традиционно как слово, словосочетание, употребленное в переносном значении. 3. Окказионализм-элокутив относим к стилистическим приемам и считаем возможным говорить об окказионализмах-элокутивах фигурального и нефигурального характера.

2.3. Структурно-семантические и функциональные особенности лексических окказионализмов-элокутивов

Как было отмечено в главе I, для описания окказиональных явлений, в частности лексических, ученые выдвигают различные критерии. Главными среди них являются структурно-семантический (окказиональные образования имеют производную структуру и во многих случаях отличное от узуального значение) [Земская 1973, 1992, 2000, 2004; Лопатин 1973; Лыков 1986; Намитокова 1986, 1989; Ханпира 1972] и функциональный (окказионализмы в большей степени экспрессивны, чем номинативны) [Брагина 1973; Лопатин 1973; Флоря 2000]; каждому из них в отдельности отводится главенствующее место в зависимости от целей анализа речевых явлений.

Попытаемся представить значимый для нас **перечень критериев описания окказиональных лексем**. Поскольку мы анализируем окказионализмы-элокутивы в рамках теории поля, для которого важным является, прежде всего, функциональный принцип его построения, который всецело определяется структурно-семантической спецификой окказионализмов, считаем логичным остановиться на следующих критериях описания окказионализмов-элокутивов лексического типа.

- **Структурный критерий**, определяющий компонентный состав окказионализма-элокутива (однокомпонентный, двукомпонентный, часть сложного построения⁴⁶).
- **Семантический критерий**, выявляющий степень расхождения семантики окказионализма и узуального слова (окказионализмы с полностью тождественным узуальному денотатом; речевые лексемы с новым значением).
- **Структурно-семантический критерий**, позволяющий описывать окказиональные лексемы с учетом степени участия семантических и структурных мотиваторов в создании окказионализма-элокутива.
- **Критерий соотнесенности с традиционными орнаментальными средствами** (тропами и фигурами), позволяющий говорить о лексических окказионализмах нефигурального и фигурального типов. В связи со сказанным позволим себе несколько замечаний теоретического характера, касающихся типологии тропеических фигур.

Как известно, существуют различные классификации стилистических фигур и, в частности тропов. Так, проблеме типологии тропеических средств посвящены, например, такие исследования [Клюев 1999; Лопаткина 2004; Москвин 2000; Пекарская 2003; Хазагеров, Ширина 1999;]. Разногласия в классификациях касаются как самих оснований распределения тех или иных явлений по определенным типам [Клюев 1999; Лопаткина 2004; Мезенин 1984; Москвин 2002;], так и перечня тропеических средств (типологии) [Голуб 1997; Горшков 1996; Зарецкая 1998; Михальская 1996; Романова 1997; Рубайло 1961 и др.], особенностей их терминологизации (обозначения, наименования) [см. названных авторов], специфики функционирования [Алексеев 1996; Лопаткина 2004; Пекарская 1997; Пекарская 2000; Черникова 2001]. Наиболее последовательно различные типы тропов в соответствии с перечнем критериев описания, предложенным автором, рассмотрены в рабо-

⁴⁶ Речь идет об окказионализмах, выступающих в качестве неотъемлемого структурного элемента стилистической фигуры.

те С.В. Лопаткиной [Лопаткина 2004]. Проблема системного описания образительно-выразительных средств, построенных по определенным принципам, в частности по принципу контаминации, успешно решается И.В. Пекарской [Пекарская 2000].

Наше исследование не предполагает системного описания тропеических фигур, построенных по различным принципам, мы лишь представляем к рассмотрению те окказиональные тропы и фигуры, которые отражает наш языковой материал.

Как показывает анализ, среди окказионализмов-элокутивов фигурального типа наиболее частотны метафорические и метонимические⁴⁷ переносы, перифразы, эпитеты, гиперболические сочетания, антономасии (как разновидности тропеических фигур) и некоторые типы нетропеических фигур (при этом окказионализмы представляют собой фигуры или функционируют как элементы фигур).

Позволим себе несколько замечаний по поводу целесообразности отнесения названных явлений к тропеическим фигурам.

Как показывает анализ специальной литературы, метафора и метонимия традиционно относятся к тропам [см. указанную выше литературу]. *Перифраз(-а)* в свою очередь не имеет определенного языкового статуса, не фиксирован и круг явлений, входящих в него. Так, в ряде источников данное явление относят к тропам [Голуб 1997: 226; Никитина, Васильева 1996: 109; Лопаткина 2004: 74; Пекарская 2000, ч. I: 186-188; Хазагеров, Ширина 1999: 257]; фигурам [Рубайло 1961: 68]; стилистическим приемам [Чернец 2001: 8; Языкознание... 2000: 371]; лексическим конструкциям [Бытева 2002: 40]. В некоторых работах статус перифраза не установлен вовсе [Дроняева, Клушина 2001: 62].

Считаем целесообразным при включении перифраза в тропы учитывать принцип, лежащий в основе его построения. В связи с этим объективно адекватными находим наблюдения И.В. Пекарской. Исследователь, стремясь вы-

⁴⁷ Метонимию понимаем широко, включая в нее и синекдоху.

явить единую системность в построении тропов и фигур, приходит к выводу о том, что существуют синтагматические (горизонтальные, линейные) и парадигматические (вертикальные, ассоциативные) принципы их построения. Так, общим принципом в кругу парадигматических (по ним строятся тропы) автор называет **сравнение**. Оно в свою очередь реализует себя в **аналогии**, способы проявления которой: **сходство** (метафора, гипербола, сравнение и др.), **связь** (метонимия, синекдоха и др.) и **тождество** (перифраз и др.) [Пекарская 2000, ч. I: 186-188]. Таким образом, в основе метафоры, метонимии и перифраза лежит единый принцип построения – сравнение, что позволяет нам рассматривать их как тропы.

Анализ имеющейся литературы показывает, что лингвистический статус *эпитета* также не определен. Так, он рассматривается как троп [см., например: Клюев 1999; Лопаткина 2004; Пекарская 2003]; образное определение [Голуб 1997; Жданович 1998; Мезенин 1984; Николенко 2001]; стилистический прием [Голубина 1998; Тарыгина 2000]; определение [Москвин 2001]; выразительное средство [Батчаев 2000] и др. Считаем целесообразным относить эпитет к тропам, поскольку он способен выполнять в контексте все функции, свойственные тропам (создание образа, выражение эмоционального отношения, усиление впечатления, выделение предмета из ряда подобных) [см., например: Пекарская 2003: 79-80].

Наш языковой материал свидетельствует, что окказионализмы не только сами являются тропами, но и входят как структурные элементы в тропы. Речь идет о *гиперболических сочетаниях*. Известно, что языковой статус данного средства определяется по-разному, его граница с некоторыми другими тропами проводится не всегда четко. В некоторых источниках гипербола рассматривается как троп [Голуб 1997; Горшков 1996; Лопаткина 2004; Хазагеров, Ширина 1999 и др.], в других – как стилистический прием [Античные... 1936]. Считаем целесообразным трактовать гиперболу как троп, принимая во внимание оппозицию, предложенную И.В. Пекарской и И.П. Амзраковой. Так, названные ученые справедливо замечают, что гипербола – пре-

увеличение большого, а антигипербола – преувеличение малого. В антигиперболу входят, таким образом, литота и мейозис⁴⁸ [Пекарская, Амзаракова 2003: 7].

Как известно, по степени освоенности того или иного тропа языковой системой принято выделять языковые (общеупотребительные) и речевые (индивидуально-авторские) тропы. Как думается термин «*индивидуально-авторский*» достаточно широк, поскольку включает не только окказиональные, но и собственно речевые тропы. Ср.: *солнцесвет*, *лунопыль* (И. Северянин) как окказиональные метафоры, с одной стороны, и *колодец взгляда* (Б. Пастернак) как речевая метафора, с другой. Таким образом, **окказиональный троп** для нас – это, прежде всего, окказиональное слово, так или иначе содержащее перенос наименования, соотносимого с мотивирующим признаком переноса значением. Окказиональная метафора, метонимия, эпитет – это слова-окказионализмы с тропеическим значением. Окказиональный перифраз – это не всегда окказионализм, это речевое, индивидуально-авторское наименование (описательный оборот) языковой реалии. Собственно окказиональных перифразов как таковых быть не может (это обусловлено спецификой данного тропа), иначе подобные перифразы будут просто не поняты адресатом. Сказанное, как известно, правомерно и по отношению к окказиональным фразеологизмам: «окказиональным можно считать лишь такой фразеологизм, который создан по модели уже имеющегося и у которого ощущается внутренняя связь с этим исходным фразеологизмом (смысловая и структурная)» [Гольцова 1993: 84]. Таким образом, для номинации окказиональных тропов будем использовать термин «*окказиональный троп*» и для удобства синонимичный ему термин «*речевой троп*».

Представим толкование данных понятий, принятое в настоящей работе.

Окказиональная метафора – речевой троп, основанный на переносе наименований по сходству признаков, явлений, действий, ассоциаций с одного предмета на другой.

⁴⁸ Эти тропы наш языковой материал не фиксирует.

Окказиональная метонимия – речевой троп, «перенос по связи: один предмет называется именем другого вследствие того, что эти предметы не похожи, но связаны друг с другом» [Пекарская 2003а: 83]. Метонимические переносы могут быть основаны на связи ассоциаций, сопредельности в пространстве, времени, причинно-следственных отношениях. В рамках окказиональной метонимии рассматриваем собственно метонимию и синекдоху. Представляется целесообразным определять **синекдоху** традиционно. Синекдоха – разновидность метонимии – троп, основанный на перенесении наименования с одного предмета или явления на другой предмет или явление по признаку количественного отношения между ними: *один/много, часть/целое, род/вид*.⁴⁹

Окказиональный перифраз – речевой троп, представляющий собой окказиональное словосочетание, замещающее какое-либо узуальное слово или словосочетание. Среди окказиональных перифразов выделяем **перифразы-эвфемизмы** и **перифразы-дисфемизмы**⁵⁰. Под первым традиционно понимают замену слова или выражения, которое кажется говорящему нежелательным в социальном или культурном плане с точки зрения языкового употребления другим, более «мягким», нейтральным. В противовес ему дисфемизм – замена естественного в данном контексте или соответствующего обычным нормам речевого этикета обозначения какого-либо предмета фамильярным, вульгарным, грубым оборотом.

Окказиональный эпитет – речевой троп, дающий определение предмету, указывающее на его качества, свойства с целью создания определенного образа, повышения прагматики высказывания.

Гиперболу определяем как троп, состоящий в намеренном преувеличении свойств предмета или явления [Дроняева, Клушина 2001: 150]. В составе **окказиональной гиперболы** присутствует окказионализм.

⁴⁹ Иначе определяет синекдоху А.К. Бирих, включая в нее только переносы таких смежных реалий, которые функционально связаны с целым (*рука* как часть реалии «человек», но не *шляпа, жилет*) [Бирих 1984: 43-47].

⁵⁰ В иной терминологии – «псевдоэвфемизмы» [Базанская 1988: 8].

Наш языковой материал отражает также явление **автономасии (автономасии)**, в структуру которой входят окказионализмы. Ученые по-разному определяют лингвистический статус данного построения. Автономасия рассматривается как разновидность метонимии [Голуб 1997: 137], перифраза [Хазагеров, Ширина 1999: 208-209]. Вслед за И.В. Пекарской **автономасию** будем понимать как «троп, находящийся при полевом рассмотрении в зоне пересечения метафоры и метонимии, на дальней периферии одного и другого базисных тропов» [Пекарская, Амзаракова 2003: 84]. Такие изобразительные средства автор называет энантиоконтаминированными тропами.⁵¹ Так, в лексеме *плюшкин* метонимическое значение – выделение и укрупнение части целого (скупость), метафорическое значение – перенос наименования по сходству (люди, похожие на Плюшкина своей скупостью) [там же]. Суть **автономасии** состоит в употреблении собственного имени вместо нарицательного, называющего другое лицо, место, отрезок времени, которые наделены сходными чертами (широкое понимание). Мы анализируем автономасию, реализующуюся на уровне авторского контекста.

Все вышеназванные окказиональные тропы (за исключением эпитета, гиперболы и автономасии) делим на два типа: реализующиеся на уровне семантических окказионализмов (1) и реализующиеся на уровне семантико-словообразовательных окказионализмов (2). Для номинации указанных тропов предлагаем ввести следующие термины: **тропы-транспозитивы**⁵² и **тропы-лингвокреативы**⁵³ соответственно.

(1) *Жатва – обмен рукопожатиями* (Университетская газета 24.12.2002). Представлена окказиональная метафора-транспозитив.

(2) *«Стрелялки» и «бродилки» накрылись медным тазом* (Взгляд 15.04.2004). [Речь идет о компьютерных играх, в которых участник стреляет

⁵¹ Термин «энантиоконтаминация» введен И.В. Пекарской. Под данным явлением она понимает совмещение в одной фигуре, тропе нескольких эквивалентов. Автономасия – энантиоконтаминированный троп, лежащий в зоне периферийного наложения метафоры и метонимии.

⁵² Семантическая транспозиция традиционно понимается как способ актуализации прагматического потенциала языковой единицы, связанный с переносом ее значения (в узуальной форме реализуется окказиональное значение) [см. об этом, например, Киселева 1973; Терентьева 1983].

⁵³ **Креатура** [лат. creatura – создание, творение] [Словарь иностранных... 1997: 250].

в противников и бродит по лабиринтам]. В данном примере перед нами окказиональная метонимия-лингвокреатив.

Случаи вхождения окказиональных лексем в нетропеические фигуральные образования представлены в наших примерах следующими фигурами: аллюзией, оксюмором, антитезой, амфиболией. Названные понятия (кроме некоторых уточнений в отношении амфиболии) трактуем традиционно. **Аллюзия** – стилистическая фигура, состоящая в употреблении в речи ходового выражения в качестве намека на хорошо известный факт, исторический или бытовой. **Оксюморон** – стилистическая фигура, сочетающая в себе контрастные по значению слова. **Антитеза** – стилистическая фигура контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т.п. [Квятковский 1966: 40]. Антитеза реализуется в виде высказывания, содержащего два слова или две группы слов, связанных между собой отношениями лексической или конструктивной антонимии [Хазагеров, Ширина 1999: 206]. Все вышесказанное касается по большей части семантико-словообразовательных окказионализмов. **Амфиболия** – стилистическая фигура, состоящая в раздвоении морфосинтаксической связи в предложении, возникающем вследствие формального совпадения семантически не связанных элементов [Хазагеров, Ширина 1999: 198]. Это двусмысленность предложения, возникающая вследствие синтаксической омонимии или лексической многозначности/омонимии: *Книга упоминается в ссылке* (пример М.Л. Гаспарова), *Мусоросборники, засорившиеся жильцами* (пример О.А. Лаптевой) [Никитина, Васильева 1996: 41]. Наш языковой материал фиксирует только случаи амфиболии, основанные на лексической омонимии. Данная фигура в нашем языковом материале характерна только для окказионализмов-элокутивов семантического типа, поэтому будем называть ее **семантическая амфиболия**.

- **Функциональный критерий.** Полагаем, что любой окказионализм прагматически заряжен, то есть выполняет воздействующую функцию уже потому, что необычен, непривычен, а значит, меняет стереотипы воспри-

ятия. Как думается, прагматическая функция может конкретно реализовываться через номинативную и экспрессивную функции как ее разновидности. Внесем некоторые пояснения в данный пункт.

Как было отмечено ранее, все лингвисты сходятся во мнении, что окказионализмы всегда имеют определенную степень экспрессивности. В различных источниках предлагается рассматривать от двух до восьми функций окказиональных слов в контексте [см., например: Александрова 1989; Намитокова 1989; Тэйц 2000; Эр. Ханпира 1972; и др.]. Неоспорим тот факт, что окказиональные образования полифункциональны, и в зависимости от разных условий приоритет отводится той или иной функции [Миронова 2002: 47; Намитокова 1989; Румянский 1982: 117;]. Не однозначно решается вопрос о способности окказионализмов к номинации. Так, существует точка зрения, согласно которой окказионализмы при определенных условиях выполняют номинативную функцию [Гольцова 1993: 82; Земская 2004: 203]. Некоторые ученые говорят о том, что окказионализмы не называют, а лишь выражают отношение говорящего к предмету речи, по особому воспроизводят действительность [Лыков 1977]. Думается, и языковой материал подкрепляет это, что оба приведенных мнения справедливы. Позволим себе не вполне согласиться с выводами Р.Ю. Намитоковой, которая, размышляя об особенностях употребления окказионализмов, пишет: «...следует, видимо, отказаться от использования данных терминов (*номинативная* и *экспрессивная* – Е.Г.) при выявлении конкретных функций авторских новообразований в художественном произведении» [Намитокова 1989: 30]. Однако Е.А. Земская, анализируя функции словообразования в языке, приводит примеры пяти типов функций: 1) собственно номинативной; 2) конструктивной; 3) компрессивной; 4) экспрессивной; 5) стилистической [Земская 2000: 199-204]. Обладая каждая своей спецификой, все названные функции служат целям номинации: «...производные всех разновидностей, а не только номинативной, выполняют номинативную функцию, ибо являются словами, а любое слово именуется (подчеркнуто нами – Е.Г.)...» [там же: 203]. Выстраивая свою

систему функций авторских новообразований, Р.Ю. Намитокова вместе с тем не уходит от специфики типов этих функций, предложенной Е.А. Земской [Намитокова 1989: 30-32].

Принимая за основу некоторые наблюдения за функционированием окказионализмов в контексте, содержащиеся в работе Р.Ю. Намитоковой, предложим свою классификацию функций окказионализмов-элокутивов.⁵⁴

В основу выделения функций окказионализмов, может быть положена степень прагматического заряда⁵⁵ окказиональных слов [ср., у Р.Ю. Намитоковой речь идет о степени экспрессивности окказионализмов]. Как думается, степень прагматического потенциала зависит от соотношения в окказиональной лексеме номинативного и экспрессивного, он может усиливаться при условии вхождения анализируемого окказионализма в контаминированную или конвергированную структуру.^{56 57} С учетом сказанного считаем целесообразным все функциональное многообразие окказионализмов свести к двум: *номинативной* и *экспрессивной* функциям с их разновидностями.⁵⁸ Позволим себе принципиально важное для нас пояснение. Равно как экспрессивные окказионализмы именуют, то есть называют что-либо, так и номинативные окказионализмы содержат экспрессию. Однако само соотношение экспрессивного и номинативного в них различно.

Представленные типы функций выделяются нами с учетом отношения лексического окказионализма-элокутива к плану содержания высказывания.

I. Номинативные: номинация доминирует над экспрессией либо они соотносятся равноправно. В таких окказионализмах обязательно присутству-

⁵⁴ Рассматриваемые функции считаем общими для окказионализмов-элокутивов лексического типа. Вместе с тем мы полагаем, что окказионализмы фигурального типа сохраняют индивидуальную, присущую им как тропеическим и фигуральным образованиям специфику.

⁵⁵ **Прагматический заряд** понимаем как воздействующий потенциал окказионального слова, формируемый за счет большей или меньшей степени экспрессивности речевой единицы. Прагматическую (воздействующую) функцию считаем основной функцией окказионализмов-элокутивов.

⁵⁶ Выявление степени интенсивности усиления прагматики окказионализмов-элокутивов, которая лежит в основе их распределения по ядерной и периферийной зонам элокутивного поля, рассмотрено нами в главе III.

⁵⁷ В данном случае контаминация определяется как наложение тропов, фигур друг на друга; конвергенция – как сцепление тропов, фигур друг с другом [см., например, Лопаткина 2004; Пекарская 2000;].

⁵⁸ Данные термины принимаются нами с определенной долей условности.

ет определенная степень экспрессивности, но она очень незначительна. Рассмотрим подфункции.

1. *Собственно номинативная.* Это наименее частотный тип употребления окказиональных лексем, поскольку «окказиональные слова не столько номинативны, сколько экспрессивны, ...по сравнению с каноническими словами номинативная функция ослаблена, зато подчеркнута функция экспрессии» [Лыков 1977: 68]. Чаще всего это такие лексемы, статус которых не собственно окказиональный, они, скорее, ближе к неологизмам.

(1) *«ПСИ-служба» защищала Кремль от порчи* (КП 06.01.2005). – *ПСИ-служба* – группа экстрасенсов, создающих приборы, влияющие на психику человека.

(2) *Если ребенок стремительно «окомпьютеривается»...* (Шанс 05.07.2004). Утверждать, что в данном примере окказионализм выполняет собственно номинативную функцию позволяет тот факт, что глагол образован от слова «компьютер», еще недавно входящего в пассивный запас. С появлением новой лексемы логично и возникновение деривационных производных.

2. *Номинативно-конструктивная.* «Производное создается в целях изменения структуры речи: происходит свертка пропозиции, упрощающая синтаксическое построение речи» [Земская 2000: 199]. Семантика таких слов может быть передана описательно через синтаксическое построение.

(1) *Поэтому, чем больше вокруг вас «билайновцев», тем меньше у вас расходов* (МК 17.07.2003). – *Билайновцы* = абоненты компании «Би Лайн».

(2) – *Да смотрите же... – настырно повторила «обменница»* (И. Арбенина. Люблю трагический финал). – *Обменница* = сотрудница обменного пункта.

Как показывает языковой материал, характер номинации в поэтической речи несколько иной, чем в прозе и публицистике. В связи с этим считаем целесообразным говорить о *номинативно-художественной* разновидности номинативно-конструктивной функции.

(1) *С утра носились,*

Сенокосили, отсенокосили, пора! (Н. Рубцов. На сенокосе).

(2) *Мы верим, сгибаясь **увечно**, что **вечномерзлотность** – невечна...*

(Е. Евтушенко. Карликовые березы). Номинативно-художественная функция всегда переключается с версификационной, выделяемой по отношению к структуре поэтического контекста [отличительная черта поэзии]. От экспрессивной функции она отличается тем, что окказионализмы при этом не образуют тропов и фигур, то есть не создают образ, не передают эмоциональное состояние говорящего. Ср.: *Прозрачно капли отбивают дробь, В них **серебристо-радостная** скорбь...* (И. Северянин. Григ). Данный окказионализм выполняет экспрессивную функцию: создает образ, характеризует состояние названного явления. Это метафорический эпитет.

3. *Номинативно-компрессивная.* Как известно, данный тип словообразования призван сокращать имеющиеся в языке единицы для номинации каких-либо реалий. Этот тип характерен как для образования узуальных слов, так и создания окказионализмов. Функциональным отличием данного типа является его реализация преимущественно в публицистике, в периодической печати, реже – в художественных текстах.

(1) *Меня для этой цели и в сауну с собой брали, и на шашлыки, и на «горнолыжку», и даже на охоту* (Взгляд 29.04.2004). – *Горнолыжка* = горнолыжный курорт.

(2) *Опера разработали схему поимки, на которую неизвестный пока еще «серийщик» просто не мог не клюнуть* (Шанс 24-30.07.2003). – *Серийщик* = серийный убийца.

4. *Номинативно-стилистическая.* Окказионализмы-элокутивы в этом случае не отличаются от узуальных слов своей семантикой; тот или иной аффикс, присоединяясь к определенной основе, влияет на стилистическую окраску слова: в этом случае она иная, чем в языке.

(1) *Ситуевина* (МК 07.08.2003). – *Ситуевина* = ситуация.

(2) *С широкого шоссе идем во тьму лесную.*

По щиколку в росе плуаем врассыпную (Б. Пастернак. По грибы). – *Щиколка* = *щиколотка*. Такие окказиональные единицы, как правило, принадлежность разговорной сферы употребления.

В целом причины окказиональной номинации таковы: 1) тенденция к заполнению пустующих клеток словообразовательного ряда; 2) тенденция к заполнению каждой клетки несколькими словообразовательными вариантами, имеющими тождественное или синонимичное значение» [Стехин 1989: 8].

II. Экспрессивная. Общелингвистическая категория экспрессивности, как известно не имеет на сегодняшний день четкого прочтения [см., например: Горленко 1986; Загоровская 1984; Лукьянова 1985; Лустрэ 1982; Месхишвили 1990; Пекарская 2000; Подгорная 2001; Романов 1986; Ромашова 2001; Таривердиева 1993; Чайковский 1971; Шейгал 1984 и др.]. В целом можно говорить о широком и узком понимании экспрессивности. В широком смысле данная категория связана, прежде всего, с коммуникативным планом высказывания и находит свое воплощение главным образом в речи [Шаховский 1975; Винокур 1980; Шейгал 1984; Ромашова 2001]. В узком понимании экспрессивность – способность высказывания воздействовать через использование специальных выразительных и изобразительных средств [Лукьянова 1986; Лустрэ 1982; Таривердиева 1993; Шарова 2002]. Как нам думается, адекватное объективно существующим фактам и вместе с тем непротиворечивое определение данной категории приведено И.В. Пекарской. «**Экспрессивность** – объективно существующее свойство изобразительных языковых/речевых единиц (образных и необразных) всех уровней структуры языка от фонетического до текстового с разной степенью интенсивности увеличивать (усиливать) прагматический потенциал речи [ее воздействие на восприятие читателя/слушателя через определенную интеллектуальную и/или эмоциональную реакцию кодирующего сообщение (адресанта) и интеллектуальный отклик декодирующего сообщение (адресата)], тем самым усиливая ее выразительность» [Пекарская 2000, ч. I: 103]. Из семантического толкования

экспрессивности как языковой категории логично вывести понимание экспрессивной функции языковых/речевых единиц. В.Н. Цоллер пишет об этом следующее: «**экспрессивность**, являясь совокупностью особых семантико-стилистических признаков лексических единиц, в сложном взаимодействии с категориями оценочности и эмоциональности как компонентами коннотации, обеспечивает способность слова выступать в коммуникативном акте средством субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи, т.е. способствует реализации прагматических задач, заключающихся в увеличении элокутивной силы, нацеленном на эмоциональное воздействие» [Цоллер 1996: 70]. В большинстве трактовок данной категории прямо или косвенно отражены ее составляющие: образность, эмоциональность, оценочность [Богданова 2001; Вострякова 1998; Загоровская 1984; Лукьянова 1985; Лукьянова, Трипольская 1984; Шарова 2002 и др.]. В связи с этим мы разделяем следующее мнение: «...экспрессивность в языке (и в речи – Е.Г.) всегда связана с эмоциональностью и/или оценкой: для выражения своих оценок и особенно эмоций говорящий нередко использует экспрессивные элементы языка» [Таривердиева 1993: 3].⁵⁹ **Экспрессивную функцию** применительно к окказиональным словам определяем как такую, которая с помощью образных или необразных, а также эмоционально-оценочных речевых единиц максимально усиливает прагматический потенциал речи, то есть ее воздействие на адресата. Считаем целесообразным в рамках экспрессивной функции рассматривать два ее типа: 1) эмоционально-оценочный и 2) образно-характеристический [Лукьянова, Трипольская 1984: 117].

1. *Эмоционально-оценочная.* Как известно, «эмоциональный компонент значения слова отражает факт эмоционального переживания субъектом определенного явления действительности; оценочный компонент, как правило, связан с эмоциональностью, заключающейся в выражении одобрительной или неодобрительной оценки предмета речи» [Загоровская 1984: 74]. Это по-

⁵⁹ Эмотивность и оценочность в категорию экспрессивности включают и другие ученые, см., например: Шарова 2002, 2003.

зволяет нам рассматривать эмоционально-оценочную функцию как целостный компонент экспрессивной функции. **Эмоциональная оценка** – мнение субъекта о ценности некоторого объекта, которое проявляется не как логическое суждение, а как ощущение, чувство, эмоция говорящего [Лукьянова 1986]. Приведем лишь одну иллюстрацию.

*Она – бесовски ангельская рожца со мной всегда ходила **недотрожисто...*** (Е. Евтушенко. Медленная любовь). *Недотрожисто* – как недотрога. Говорящий передает эмоциональное недовольство описываемой ситуацией и субъективную пейоративную ее оценку, общая модальность высказывания усиливается оксюмороном «*бесовски ангельская*».

2. *Образно-характеристическая.* Описываемая функция свойственна в значительной мере окказионализмам-элокутивам семантического и семантико-словообразовательного типов. Как известно, создание большинства названных окказионализмов так или иначе связано с переносом наименования с одного предмета на другой и таким образом возникновением тропеического значения. В данной работе будем придерживаться классического понимания образности, предложенного В.В. Виноградовым. **Образность** – способность речи вызывать живой, конкретный образ о предметах, явлениях, действиях окружающего нас мира [Виноградов 1963: 96-98]. Если образность узуального знака создается, как правило, сочетанием особой семантики с особой структурой, то окказиональная образность зачастую природна, обусловлена самим происхождением речевой единицы. «В отличие от языковой образности речевая образность каждый раз появляется в определенном контексте, посредством возникновения новых, еще не закрепленных в языке ассоциативных связей» [Кондакова 2000: 53]. «...следует признать образность существенным компонентом семантической структуры окказионального слова. Окказионализмы, обозначая понятия, отсылают нас к представлению, образу, который лег в основу наименования» [Панюшкин 1986: 103].

Железо – сотовый телефон, приобретенный без подключения (Взгляд 22.04.2004). Семантический окказионализм в предложенном толковании, бу-

дучи вещественным существительным, создает образ чего-то основательно бесполезного и характеризует предмет с точки зрения практической непригодности.

Мы выделяем указанную разновидность экспрессивной функции в отдельный тип, так как согласны с учеными, которые считают, что функции создания образа и характеристики предмета являются основными функциональными признаками любого тропа [Арутюнова 1999; Лопаткина 2004; Пеккарская 1997;⁶⁰].

Наше глубокое убеждение состоит в том, что дифференциация функций, которые выполняют окказионализмы-элокутивы в речи, на номинативную и экспрессивную, а также строгое выделение их разновидностей в значительной степени условны, поскольку в контексте они тесно взаимосвязаны. Об этом пишет, например В.В. Панюшкин: «Не всегда возможно выделить в семантике речевого образования только образный, экспрессивный, эмоциональный или оценочный компонент, они нередко сочетаются в лексическом значении новообразования, иногда *в семантике одного окказионального синонима могут совмещаться все указанные оттенки* (курсив наш – Е.Г.)» [Панюшкин 1986: 105]. Г.Г. Самосудова также замечает, что экспрессивные слова [а к ним относится большинство окказионализмов – Е.Г.] совмещают в себе две функции: *выражают предметно-логическое значение* и одновременно служат средством выражения чувственного восприятия и рационального познания действительности, путем ее осмысления и попутной *субъективно-критической оценки* (курсив наш – Е.Г.) [Самосудова 2000: 114]. Ср.: *Блестко выхрусталено озерко, И на нем заката полоса* (И. Северянин. Изольда изо льда). – *Весь в прыщах лейтенант-необстрелок...* (Е. Евтушенко. Итальянские слезы). В первом примере представлена окказиональная метафора-лингвокреатив в образно-характеристической функции, во втором – окказиональная метонимия совмещает в себе функцию образно-

⁶⁰ У данного исследователя она называется «выделение предмета из ряда подобных». Думается, что здесь представлена синонимия терминов.

характеристическую и эмоционально-оценочную (присутствует пейоративная коннотация). Как показывает языковой материал, в большинстве случаев окказионализмы-элокутивы в контексте совмещают образно-характеристическую и эмоционально-оценочную функции. При этом одна из них является основной, а другая сопутствующей. Ср.: (1) *Экскаваторщики, верхолазы баловали его, шельмецы, и смущенно и **доброглазо** поднимали, как будто отцы* (Е. Евтушенко. Нюшка). (2) *За тебя обожаю купаться в грязице. Говорят – шоумен, **академ-хулиган**...* (А. Вознесенский. Увертюра). – (3) *«Гламурный подонок» Воля решил, что гулять по курорту на своих двоих – совсем не гламурно* (Шанс 11-17.08.2005). В примерах (1, 2) основной является образно-характеристическая функция (1 – окказиональная метафора-лингвокреатив; 2 – окказиональный оксюморон-лингвокреатив), сопутствующей – эмоционально-оценочная (1 – мелиоративная оценка; 2 – пейоративная). В иллюстрации (3) основной является эмоционально-оценочная (окказиональные лексемы и сам контекст, например, фразеологизм разговорной сферы употребления передают негативное отношение говорящего к называемому субъекту и ситуации в целом), сопутствующей – образно-характеристическая («*гламурный подонок*» – окказиональный перифраз-лингвокреатив).

Кроме отмеченных разновидностей экспрессивной функции, как было указано, окказионализмы-элокутивы фигурального типа всецело сохраняют специфические функции, свойственные фигуре или тропу.

Как верно замечает Р.Ю. Намитокова, в поэтическом контексте целесообразно говорить о функционировании окказионализмов не только по отношению к содержанию контекста, но и по отношению к его структуре. В связи с этим исследователь называет версификационную (1) и сюжетно-композиционную функции окказионализмов (2) [Намитокова 1989: 31-32]. Мы согласны с мнением исследователя: названные функции действительно перекликаются с уже рассмотренными [наш языковой материал отражает это], но, поскольку мы подвергаем анализу не только поэтический контекст,

но и другие сферы употребления окказионализмов, кроме того, для нас важнее содержательная, а не формальная сторона анализа, считаем целесообразным не останавливаться подробно на отмеченных разновидностях.

(1) *Была бы, – вся, как есть,*

Не гомон вечевой,

А благостная весть

Тиши вечеровой (Г. Ворошилов. Свои колокола).

(2) *Детство – это село **Краснощеково,***

Несмышленово, Всеизлазово,

Скок-Поскоково, чуть **Жестоково,**

*Но **Беззлобино, но **Чистоглазово***** (Е. Евтушенко. Метаморфозы).

Думается, что по предложенным критериям можно проанализировать с различной степенью полноты лексические окказионализмы трех названных типов.

2.3.1. Окказионализмы-элокутивы структурно-словообразовательного типа

По количеству компонентов это чаще всего однокомпонентные образования (слова) (1, 2, 3); в рамках данного типа могут быть в перспективе рассмотрены и структурные окказионализмы из двух и более компонентов (4, 5). Речь идет об окказиональных преобразованиях фразеологизмов, денотативное значение которых остается узуальным, а структура подвергается различным изменениям, что приводит к дополнительным коннотациям.

(1) ***Натуресса** ходила по подиуму очень неуклюже* (Студенческий меридиан 01.03.2000). – *Натуресса = натурщица.*

(2) *Младшенькая «хохотунька» давно уже взрослая женщина* (Шанс 05.03.2002). – *Хохотунька = хохотушка, хохоту[н'ја].*

(3) *Мне бы надо как-то на **рублевку***

Прикупить какой-нибудь крупы (В. Куклин. Синица). – *Рублевка* = *рубль*∅.

(4) – *Эх вы! Столичные жительницы – а взять судьбу за рога не умеете* (Моя семья 05.03.2003). Ср.: *взять быка за рога*. Трансформированный фразеологизм в целом сохраняет семантику узуального, однако с введением опорного компонента иного значения происходит актуализация сем, входящих в лексическое значение нового слова (*судьба*). Таким образом, происходит сужение значения фразеологизма в целом.

(5) *Я выходил в такое время,*

Когда на улице ни зги,

И рассыпал лесною темью

Свои скрипучие шаги (Б. Пастернак. На ранних поездах).

Эллипсис сказуемого приводит к усилению динамичности высказывания в целом. Подробно об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов смотрите [Бахмутова 1967: 125-127; Истомина 1997; Тэйц 2000; Халикова 1996 и др.].⁶¹

С точки зрения семантики все окказионализмы структурного типа представляют собой структуры с полностью тождественным узуальному денотатом, в которых всегда присутствует коннотативная сема.

(1) *Полный **апиллец*** (МК 31.07.2003). – *Апиллец* = *апелляция*. Усеченная форма существительного носит разговорный, даже жаргонный характер, данная коннотация усиливается за счет сочетаемости с прилагательным, обозначающим качество в полной мере, объеме. Окказионализм передает уничижительную оценку.

(2) – *И ведь главное, **киллерюга** сначала не собирался никого мочить! – воскликнул вдруг он страстно* (Д. Щербаков. Нимфоманка: рабыня крутых). – *Киллерюга* = *киллер*. Суффикс *-юг-* в сочетании с определенными производящими основами всегда экспрессивен (см. далее по тексту).

⁶¹ Мы намеренно оставляем представленные явления за пределами данного исследования.

По структурно-семантическому признаку данный тип представляет собой интерес с точки зрения механизма создания лексической экспрессивности. Описывая мотивированность производных экспрессивных слов по смыслу и форме, Т.В. Матвеева предлагает вычленять в слове экспрессивный и нейтральный мотиваторы, деля каждый из них на лексический и структурный типы [Матвеева 1986: 49].

Как свидетельствует наш языковой материал, по предложенным названным исследователем моделям могут успешно создаваться не только узуальные экспрессымы, но и окказионализмы. Рассмотрим примеры построения окказиональных лексем по трем основным моделям.⁶²

1. *Нейтральный лексический мотиватор + экспрессивный структурный мотиватор.*

(1) В программе *«Сегоднячко»* вечером того же дня Аня, настроенная на чердачную тему... обратила внимание на сюжет о молодом человеке... (И. Арбенина. Люблю трагический финал). Ср.: *сегодня* = *сегоднячко*. Окказиональная морфема, присоединенная к нейтральной производящей базе, создает окказиональную экспрессыму. Суффикс является экспрессивным уже потому, что по природе своей не узуален.

(2) *«Папа, купи мне зверика!»* (Взгляд 02.05.2002).

(3) *«Папа, давай возьмем этого маленького тигрика домой!..»* (Там же). Суффикс со значением субъективной оценки *-ик-*, присоединяясь к нейтральной узуальной основе, образует окказиональное существительное со значением «маленькое животное, названное производящей основой». Как отмечает в своем исследовании В.В. Шарова, наиболее частотным процессом при создании экспрессивных слов является присоединение к мотивирующей основе суффиксов субъективной оценки существительных [Шарова 2002: 11].

⁶² Производность экспрессивных окказионализмов указанного типа на базе модели: *экспрессивный лексический мотиватор + нейтральный структурный мотиватор* нами не зафиксирована.

2. Производность на базе двух экспрессивных мотиваторов: *экспрессивный лексический мотиватор + экспрессивный структурный мотиватор.*

(1) *Над могилой застыв, как над бездной,*

с похмелюги в ногах нетверда,

та Россия, которая «Бесов»

не прочтет никогда (Е. Евтушенко. Непрочтенные «Бесы»).

Данный окказионализм образован от узуального глагола *похмелить* (*похмелиться*) – то же, что опохмелиться. *Опохмелиться* – «выпить хмельного на другой день после выпивки» [Ожегов, Шведова 1992: 468, 591]. В языке данная лексема имеет ограниченную сферу употребления (в словаре содержится помета «*прост.*»). Таким образом, экспрессивная производящая основа присоединяет экспрессивный структурно мотиватор *-юг-*, создавая яркое речевое образование.

(2) *Жаль, что это не реализовалось, была бы «кичуха XX века»* (МН 08.01.2002). – «*Китч, кич* (Kitsch) – 1) дешевка, безвкусная массовая продукция, рассчитанная на внешний эффект; 2) в 1960 – 1980-е годы – разновидность массовой культуры, стилистически имитирующей массовую продукцию» [Словарь иностранных... 2000: 282]. Анализ справочной литературы показал, что более ранние издания словарей иностранных слов данную лексему не фиксируют. Толкование лексического значения этого слова дает словарь «Новые слова и значения» [Новые слова... 1984: 280-281]. Все сказанное выше дает основания полагать, что существительное «китч (кич)» сохраняет определенную новизну в восприятии и таким образом является лексически экспрессивным. Суффикс *-ух-* придает слову явную стилистическую маркированность: из лексемы книжного употребления оно становится жаргонным. То, что данный аффикс экспрессивен доказывают лексемы узуального употребления: *золотуха, крикуха, молодуха, старуха, толстуха, стряпуха* и др. [Кузнецов, Ефремова 1986: 795].

3. Представляет интерес тот факт, что при анализе лексической экспрессивности Т.В. Матвеева отводит периферийное место следующей моде-

ли образования экспрессивных слов: *нейтральный лексический мотиватор + нейтральный структурный мотиватор* [там же: 50]. Вместе с тем языковой материал свидетельствует, что в создании окказионализмов структурного типа данная модель достаточно продуктивна.

(1) *Когда на дачах пьют вечерний чай,*

*Туман вздувает паруса **комарьи**...* (Б. Пастернак. Любка).

Кома[r'ju] = *комаринные*. Узуальная лексема *комар* + узуальный аффикс *-j-* (ср.: притяжательное прилагательное *вороньи*).

(2) *И лицом не урод, да и рост могучий, –*

*что же он рубаху рвет на груди **мохнучей**?* (Е. Евтушенко. Бляхмуха). Ср.: *мохнучий* = *мохнатый*. Данный окказионализм образован от существительного *мохна* – клочок волос, пучок шерсти [Шанский... 1971: 273] с помощью узуальной морфемы *-ух-*, которая образует качественные прилагательные (*плавучий, шипучий, летучий*). Оба мотиватора (семантический и структурный) являются нейтральными.

Ранее мы указывали, что окказионализмы-элокутивы рассматриваемого типа являются *нефигуральными*, то есть не формируют тропы и фигуры.

Анализ функциональных особенностей окказионализмов данного типа позволяет говорить о реализации двух из приведенных разновидностей функций лексических окказионализмов.

Номинативно-стилистическая. При создании окказионального синонима говорящему важно не просто дать номинацию, но выразить в ней различные коннотационные оттенки. Эта особенность функционирования является отличительной чертой структурно-словообразовательных окказионализмов (1, 2).

(1) *Мы находим, потупляем взоры –*

*Все во власти тления и **ржави*** (Г. Ворошилов. На полянах...) – *Ржавь* = *ржавчина*.

(2) *Почему – спросишь ты – я ношу **нараспаш** ворот русской рубашки покроя дюш-баш...* (А. Вознесенский. Белые фигуры). – *Нараспаш* = *нараспашку*.

В примерах (3, 4, 5) реализуется экспрессивная функция в своей эмоционально-оценочной разновидности.⁶³

(3) *Проклятая **чинуша** посмотрела на меня скептически* (В. Платова. Купель дьявола). Использование аффиксальной морфемы **-уш-**, вносящей в слово уничижительно-пренебрежительную коннотацию, переводит лексему в речевую сферу функционирования.

(4) *Я люблю гениального **игрочишку**, но ломаю ему игру* (А. Вознесенский. Рулетка. Лета. Лорелея). Аффикс **-ишк-** также вносит в слово уничижительно-пренебрежительный оттенок значения. Общая коннотация усиливается за счет лексической сочетаемости с прилагательным *гениальный*.

(5) *Отнеситесь вы по-божески к тому, что здесь присел с **кепорком** в руках по-бомжески, блудный гимн СССР* (Е. Евтушенко. Блудный гимн). – *Кепорок* = *кепка*. Уничижительная окраска окказионализма усиливается за счет сниженного окказионального же сравнения (*по-бомжески*).

2.3.2. Окказионализмы-элокутивы семантического типа

Как было сказано, данный тип представляют лексемы с отличным от узуального означаемым при формально тождественном означаемом.

По структуре рассматриваемый тип представлен однокомпонентными образованиями и словосочетаниями различной структуры.

(1) ***Рукоприкладство по правилам*** (Взгляд 15.04.2004). [Речь идет об армрестлинге – борьбе на руках].

⁶³ Об их разграничении, применительно к употреблению окказионализмов структурно-словообразовательного типа см. главу III.

(2) *Приходили из ЖЭКа – завтра будет конец света* (Абакан 16.04.2003). – *Конец света = отключение электроэнергии*. Двухкомпонентный окказиональный семантический перифраз.

Семантические особенности окказионализмов данного типа разнородны. В то же время в них не прослеживаются некоторые, реализующиеся в узуальных словах и неологизмах семантические сдвиги. Так, традиционно при анализе семантических новообразований принято обращать внимание на так называемые *родовидовые трансформации значения* в рамках одного понятия, при которых окказиональное (новое) значение так или иначе может быть включено в семантическую структуру узуального. А.Ф. Журавлев выделяет два основных типа трансформации значений: синтагматически и парадигматически обусловленные. Ко второму типу он относит расширение и сужение значения, семантический сдвиг и метафоризацию [Журавлев 1982]. Н.В. Черникова в рамках данного типа также рассматривает случаи расширения и сужения значения, семантический сдвиг [Черникова 1998: 25-42]. Названные процессы как причины семантических преобразований в лексике современного русского языка описывает Н.С. Валгина [Валгина 2003: 82-92]. В.П. Изотов считает возможным говорить об одиннадцати способах семантизации [Изотов 1998]. Вместе с тем, как показывает анализ имеющейся литературы, данные процессы (расширение и сужение значения, семантический сдвиг) достаточно четко можно отследить на неологическом языковом материале, то есть на неологизмах – словах, которые входят в речевую практику. Названные явления характерны также для разговорного употребления, когда не всегда точно передается семантика слова, и тем самым изменяется его семантическая структура (становится возможным расширение или сужение значения). Думается, что в собственно окказиональных лексемах данное явление проследить сложно (в нашем языковом материале такие случаи не фиксируются), и это, видимо может служить показателем того, что сужение/расширение значения окказиональным лексемам в целом не свойственно.

Лексическим окказионализмам в целом свойственны *трансформации значения через сопоставление с другим понятием*. Здесь можно говорить о двух разновидностях таких трансформаций. Языковой материал показывает, что семантические окказионализмы могут создаваться, по крайней мере, двумя путями. Рассмотрим их на примерах.

А. Адресант, создавая окказиональное слово первично не всегда стремится соотнести его значение с узуальным омонимом. Рассматривая природу окказионального значения, Эр. Ханпира пишет, что вторичное окказиональное значение не всегда мотивируется первичным, узуальным. «Они (значения – Е.Г.) могут возникать и существовать и на базе зрительных, слуховых, осязательных, вкусовых, обонятельных образов и представлений» [Ханпира 1972: 291].

Речевая экспрессивность вновь созданного образования усиливается за счет омонимии языкового и речевого слов как вторичного по отношению к производству окказионализма процесса.⁶⁴

(1) *БАБские дела* (МК 13.05.2003). [В материале, озаглавленном данным предложением, речь идет о деле Бориса Абрамовича Березовского]. Графическое оформление окказионального прилагательного позволяет читателю понять его смысл. Понятно, что семантической связи между узуальным словом разговорного употребления *бабский* и данным окказионализмом нет.

(2) *Осеменяйся!* (Аргументы успеха 08.01.2003). В указанном смысле данный императив связан со значением необходимости запастись вовремя семенами огородных растений. Ср. исходное узуальное значение *осеменить* – «произвести осеменение» [Ожегов, Шведова 1992: 474].

(3) *Оральный закон* (АиФ № 30.2005). Мотивировано глаголом *орать*. [Речь идет о том, в какое время можно шуметь на улице, не принося ущерба окружающим].

⁶⁴ О явлениях случайного омонимичного столкновения речевого и узуального образований пишет О.А. Габинская [Габинская 1981: 110].

Б. Семантический окказионализм всегда создается путем соотношения с узуальным словом, представляя собой один из названных типов переноса наименования. Говорящий вычленяет из узуального значения определенный компонент и актуализирует его в окказиональном слове.

(1) *Жена зарабатывает гроши, как ей одной прокормить «памперсов»?* (Д. Щербаков. Нимфоманка: рабыня крутых). – Памперсы = дети. Метонимический перенос по формуле *часть ↔ целое*.

(2) *Далее идут маститые, титулованные, дорогие и не новые «японцы».* (Собеседник 20-26.08.2003). – Японец = автомобиль из Японии.

(3) *Качественные запчасти для «американцев»* (Аргументы успеха 05.12.2003). – Американец = автомобиль из Америки. Семантика окказиональных метонимий представляет собой *наименование автомобиля по названию страны ее производителя*.

Зачастую тип **А** является более экспрессивным, так как построен на эффекте обманутого ожидания.

Структурно-семантический критерий при описании семантических окказионализмов не проявляет себя столь ярко, как в структурно-словообразовательном и семантико-словообразовательном типе. Это обусловлено самой природой семантических окказионализмов: здесь не важна форма, важны семантические трансформации, которые происходят в значении слова.

Мы склонны полагать, что *по соотношению с тропами и фигурами* семантические окказионализмы всецело носят фигуральный характер. Можно говорить об окказионализмах-тропах и окказионализмах-фигурах.

Первый тип семантических окказионализмов – это окказиональные тропы. Как было отмечено, мы называем их тропы-транспозитивы. Рассмотрим особенности окказиональных тропов, нашедшие отражение в нашем языковом материале.

1. *Окказиональная метафора-транспозитив*. Представляет собой окказиональный троп, основанный на сходстве самых разных сторон сопостав-

ляемых реалий. При этом, как отмечают исследователи, при создании индивидуально-авторских метафор, часто актуализируются семы, находящиеся на периферии лексического значения узуального слова [Ротанова 1997: 45].

(1) *Поэтому, недолго думая, он решил оставить машину в «кармане» магазина, стоящего на этой самой улице, как раз напротив родного офиса* (Взгляд 14.03.2005). – *Карман* – небольшое свободное пространство около какого-либо здания. В данном примере также происходит метафоризация *по сходству внешней формы*.

(2) *Я еще удивляюсь, как тебя до сих пор не зачистили!* (Д. Щербаков. Нимфоманка: рабыня крутых). – *Зачистить* = *убить, уничтожить*. Ср.: *зачистить* – «загладить, заровнять (конец, поверхность чего-н.)» [Ожегов, Шведова 1992: 229]. Наблюдается метафорический перенос *по сходству действий и результатов действий*: от узуального глагола окказионализм приобретает сему законченного действия по изменению формы, состояния предмета.

(3) *Чайных пакетиков он не признавал, говорил, что нельзя пить бумажный отвар. Тщательно ополаскивал кипятком фарфоровый заварной чайник, потом накрывал его льняным полотенцем, настояв минут десять, отливал немного заварки в стакан, потом назад, в чайник, и так три раза. Это называлось «женить»* (П. Дашкова. Эфирное время). Метафорический перенос *по сходству ассоциаций*.

В речевых метафорах данного типа интересен процесс деидиоматизации значения – восстановления внутренней формы [термин см. Виноградова 1984: 159]. Он разнообразен в своих проявлениях. Рассмотрим примеры.

(1) *«Собутыльники» часто собирались в Маруськиной конуре: не только поиграть в нее родимую (так они учились целоваться), но и не в меру хлебнуть дешевого портвишка* (Взгляд 08.05.2000). В приведенной иллюстрации обыгрывается внутренняя форма слова *собутыльники*. Причем на первом плане выступает деидиоматизированное значение: *собутыльник* – подросток, играющий в *бутылочку* (название игры с использованием в качестве

основного предмета пустой бутылки). Языковое значение уходит на второй план: *собутыльник* – «человек, который пьянствует вместе с кем-н.» [Ожегов, Шведова 1992: 766].

Интересны случаи деидиоматизации узуальных лексем ограниченной сферы употребления. Известно, что многие лингвисты, характеризуя процессы словопроизводства в современном языке, не оставляют без внимания жаргон, которому в связи с этим отводится особое место. «Жаргон проникает во все сферы русского литературного языка – язык газет, радио, телевидения, литературная разговорная речь, язык художественной литературы» [Земская 2000: 96]. В связи со сказанным тем более нельзя игнорировать роль жаргона в словопроизводстве окказионализмов. Рассмотрим примеры, иллюстрирующие такое участие.

(2) *Пиджаки и плащи на этой окраине – вечные «висяки»* (Шанс 03.10.2004). Как известно, *висяк* на языке профессионального жаргона правоохранительных органов – уголовное дело, которое не может быть раскрыто, повисшее в воздухе (переносное употребление). В данном контексте *висяки* – пиджаки и плащи, которые висят и не раскупаются (прямое значение). Каламбурное восприятие создается за счет обыгрывания внутренней формы.

Подобного рода явление представлено в следующем примере.

(3) *Твой папаша в этом костюме зажмурился?* (Разговорная речь). – *Зажмуриться* = умереть. Известная лексема разговорного употребления «*жмурик*» (покойник, умерший) становится мотивирующей базой для деривации глагола с указанным значением. Возникшая лексема не просто вступает в омонимичные отношения с узуальным глаголом в номинативном значении «крепко закрыть глаза», но и прослеживается буквальная мотивированность окказионализма как существительным «*жмурик*», так и узуальным глаголом в номинативном значении. *Зажмуриться* = умереть, то есть крепко надолго, навсегда закрыть глаза.

Думается, что случаи деидиоматизации отражают наиболее яркие особенности метафоризации семантических окказионализмов.

2. *Окказиональная метонимия-транспозитив.*

Данный речевой троп менее разнообразен в своих проявлениях по сравнению с окказиональной метонимией-лингвокреативом, представленной семантико-словообразовательными лексемами. Наш языковой материал отражает следующие традиционные метонимические переносы.

Действие ↔ результат действия.

(1) *Гавань **офонареет** из городского бюджета* (Взгляд 10.12.2004). – *Офонареть = обзавестись фонарями.* В данном примере окказиональная метонимия соседствует с общеязыковой семантико-синтаксической метонимией (*городской бюджет = средства городского бюджета*).

(2) *И снова «Мавр» обильно **наколбасил*** (Аргументы успеха 15.06.2003). – *Наколбасить – изготовить колбасу.* Ср.: *наколбасить (прост.) – «наделать чепухи, глупостей».* [Ожегов, Шведова 1992: 393]. В обоих примерах каламбурность создается за счет обыгрывания внутренней формы.

(3) *«Убойное» дело передавалось в округ, задержанного Анисимова должны были через полчаса забрать из их отделения...* (П. Дашкова. Эфирное время). Ср.: *убойный – «смертоносный, поражающий (об артиллерийском, ружейном огне)»* [Ожегов, Шведова 1992: 851].

Вместилище ↔ вместимое.

(1) – ***Печенье!** К телефону* (Разговорная речь). – *Печенье* – название отдела в магазине. Перенос по принципу: *отдел ↔ продавец отдела*. В подобных образованиях образно-характеристическая функция тесно связана с номинативно-компрессивной (пропозиция «Продавец кондитерских изделий» с целью экономии речевых усилий сворачивается до одного слова). Данное явление характерно для разговорной речи.

(2) *Если бомжа дядю Костю не встречали с распростертыми, он голосил: «Эй, **канава**, отзовись!»* (Взгляд 05.02.2001). – *Канава = канализационный люк.*

Часть ↔ целое (1), *единственное число в значении множественного* (2) – в примерах представлена синекдоха.

(1) *Софья подняла ее двумя пальцами, после чего находку продемонстрировали соседке с головой в виде шарика. – Боже мой! – «Шарик» схватился двумя руками за горло* (Г. Куликова. Пакости в кредит).

(2) *Заморыши – вернувшийся из кругосветного путешествия* (Университетская газета 24.12.2002) – *за морем* в значении *за многими морями*.

3. *Окказиональный перифраз-транспозитив*. Специфика рассматриваемых образований в том, что словосочетания, известные языку, со свободной или фразеологически связанной семантикой, приобретают в контексте окказиональное значение, переосмысливаются. Семантические особенности таких перифразов многообразны. Языковой материал показывает, что данные перифразы в основном метафоричны. Рассмотрим примеры.

(1) *Он был поражен тем, что сразу, издали не узнал «уссурийского тигра»* (Д. Щербаков. Нимфоманка: рабыня крутых). – *«Уссурийский тигр» = человек большой физической силы*. Речь идет об одном из героев. Свободное словосочетание в контексте приобретает метафорическое наполнение: физические качества названного животного приписываются человеку.

(2) *Продвинутые «Миксеры» никогда не унывают* (Университетская газета 16.06.2003) – студенты творческого клуба МИКС. На то, что это именно перифраз, а не амфиболия, указывает прописная буква в названии и «закавыченность».

(3) *Парашют освоил он.*

Шут летит над Азией

к Богу обращен лицом,

а к народу – пышной сдобой?! (А. Вознесенский. ПАРА-ШУТ)

Это *метафорические перифразы*. В примере (3) представлен перифраз-эвфемизм.

Метафоризация значения в таких перифразах также может создаваться путем деидиоматизации.

(1) *Налицо процесс возрождения «народного промысла»* (МН 12-18.02.2002). – *Народный промысел = процесс изготовление самогона*.

(2) *Дети подземелья* (Хакасия 17.12.2004). – *Дети подземелья* – корнеплоды, употребляемые в пищу.

Будучи когда-то номинативным, данное словосочетание образно переосмысливается.

Второй тип представлен лексемами с омонимичной узуальной формой, но никак не связанным с узуальным словом значением. По нашему мнению, такие образования следует считать амфиболичными. Это фигуральный (собственно фигуры) тип семантических лексем. Традиционно амфиболия учитывает, прежде всего, синтаксическую природу контекстуальной двусмысленности типа *Мать любит дочь*. Наш языковой материал отражает лишь случаи **семантической амфиболии**, то есть двусмысленности, возникшей в результате намеренного или ненамеренного, но удачного сталкивания в одном контексте узуального и окказионального значений какой-либо лексемы. О подобной разновидности амфиболии (не вводя при этом термин «семантическая») пишет, например, Н.М. Вахтель: *Девуцу облили грязью* (название реки). *Необычный заплыв* (человек заплыл жиром) [Вахтель 2004: 42]. Названное явление, как показывает наш языковой материал, проявляется на уровне семантических окказионализмов. Рассмотрим примеры.

(1) *Его папа работает в совхозе овчаром, а мама – овчаркой* (Взгляд 14.02.2002). – *Овчарка* – женщина, пасущая овец.

(2) *Рыбкин начал с дедушки Ленина, а кончил БАБушкой. Путь Ивана в либералы* (МК 08.07.2003). – *БАБушка* = *Борис Абрамович Березовский*. Как было отмечено, особая экспрессивность окказионализмов данной разновидности возникает за счет омонимии с узуальным словом, которая создает эффект обманутого ожидания, когда форма созданного окказионализма может быть соотнесена адресатом с узуальной лексемой иного смыслового наполнения. Это очень яркие каламбурные образования. Кроме того, семантический окказионализм (2) структурно входит в стилистическую фигуру (аллюзию), основная функция которой, как известно, актуализация подтекста, ведущая к ироничному осмыслению действительности. [В статье речь идет о

смене И.П. Рыбкиным политической ориентации: от левых коммунистов (*дедушка Ленин*) к правым оппозиционерам (*БАБушка*)]. Как справедливо отмечает Н.М. Вахтель, подобные каламбуры очень частотны в газетных заголовках [там же]. Действительно, в этом случае автор использует амфиболию с целью привлечения внимания к содержанию материала.

(3) *Дачи на «сносях»* (АиФ № 30.2005). [Речь идет о дачах, которые пойдут под снос].

Окказионализмы подобного типа могут образовываться способом аббревиации. *Негры, не угодные Латвии* (заголовок). *Негры* – так называют себя (для краткости) «неграждане» Латвии (АиФ. 20.08.2002). Смысловое наполнение данных лексем становится понятным только из контекста. Функционирование окказиональных амфиболий ограничено в основном публицистическим и разговорным стилем.

(1) – *Ты кем работаешь?*

– *Я – фармацевт...*

– *Че, лекарства изготавливаешь?*

– *Не-а, диск С форматирую...* (Разговорная речь).

(2) – *Я солист. – А где Вы пели? – Я не пел, я 5 лет на зоне солил капусту* (Разговорная речь). Основная фигуральная функция названной фигуры – создание эффекта обманутого ожидания, ведущего к каламбуру.

Семантическая амфиболия может накладываться на другие тропы, создавая контаминационные образования с еще более выраженной экспрессивностью.

(1) *Так, что единственный «домовой» в этой семье – третий муж Ольги Владимировны художник Владимир Ховралев* (Комок 19.07.2005). – *Домовой* – человек, который все время дома. *Амфиболия + метафора*

(2) *Дачников МАКнули* (АиФ № 32.2005) [Речь идет об операции по уничтожению дачных маковых посевов]. *Амфиболия + метафора*.

С точки зрения функционирования данный тип окказионализмов характеризуется следующими особенностями. Номинативная функция как таковая

уходит здесь на второй план (очень немногочисленны образования с номинативно-компрессивной функцией): семантические окказионализмы чаще создаются в прагматических целях. Кроме того, отличительной чертой окказионализмов данного типа является специфика проявления у них экспрессивной функции. Поскольку семантический тип в нашем языковом материале представлен только фигуральными образованиями, эмоционально-оценочный и образный компоненты экспрессивности чаще всего тесно переплетены в одной лексеме. Экспрессивная функция контекстуально реализуется целостно. Таким образом, представляется целесообразным говорить об экспрессивной и номинативно-компрессивной функциях.

Экспрессивная.

Формально реализуется в двух разновидностях:

а) *образно-характеристическая функция.*

Здесь на первый план выходит функция создания образа, которая может осложняться эмоционально-оценочной функцией.

(1) *А личная жизнь Ивана Петровича все больше **морщи**лась* (Аргументы успеха 25.04.2003).

(2) *У меня для гостей всегда «**доблестный**» самовар готов* (Моя семья № 35.2004). – *Доблестный = натертый до блеска.*

(3) ***Теневики?*** (АиФ № 30.2005) – садово-огородные растения, нуждающиеся в затенении.

Окказиональные метафоры создают яркие образы и передают эмоциональное отношение говорящего.

б) *эмоционально-оценочная.* Передача эмоционального состояния говорящего, оценка ситуации, предмета речи является доминирующей.

(1) *Цены на хлеб насущный все растут, а изготовителей-любителей **нахлебников-кустарей** меньше не становится* (Шанс 20.12.2001). Сложное существительное имеет пейоративную оценку, которая создается за счет окказионального употребления слова *нахлебник* – тот, кто на хлебе, изготавливает хлеб (в данном контексте) и отыменного существительного с пейора-

тивной же оценкой (*кустарь*). Образность окказионализма создается через деидиоматизацию значения (метафорический перенос).

(2) *Пристрастившихся к этому «антидепрессанту» качественная водка уже «не забирает», выбор совершается окончательно и бесповоротно* (МН 12-18.02.2002). – *Антидепрессант = некачественный алкоголь*. Окказиональные метафоры также пейоративно окрашены. Через использование стилистически маркированных окказионализмов автор передает эмоциональное отношение к предмету высказывания. Образность также передается через деидиоматизацию значения (метафора).

Таким образом, образно-характеристическая функция так или иначе свойственна всем семантическим окказионализмам, однако она может быть основной или сопутствовать эмоционально-оценочной, когда эмоционально-оценочная выходит на первый план.

Номинативно-компрессивная. Характерна для разговорной речи.

(1) *«Клава» требует стирки* (Комок 12.07.2005). – *«Клава» = клавиатура компьютера*. (2) *Это чужак, он такой же, как мы, ночник* (Разговорная речь). – *Ночник = ночной сторож*.

В живой речи, в контексте названные функции, как правило, тесно переплетены.

– *Наши провинциальные «стопари», даже считающие себя «профи», пока мало чем от простых смертных отличаются* (Взгляд 20.01.2005). – *Стопарь = путешествующий автостопом*. Данная лексема сочетает в себе и функцию окказиональной номинации, и эмоционально-оценочную, и образно-характеристическую функции, в совокупности реализующиеся на уровне контекста.

2.3.3. Окказионализмы-элокутивы семантико-словообразовательного типа

Данный тип может быть описан по всем выделенным нами критериям.

С точки зрения структуры рассматриваемые окказионализмы – это слова и семантически несвободные словосочетания.

Семантические особенности этого типа слов весьма многообразны, данные окказионализмы могут быть легко распределены по различным тематическим группам. Общей спецификой таких лексем является то, что в них, как было отмечено, новое лексическое содержание (не объективированное ранее лексически) закрепляется за новой формальной оболочкой.

Навстречу мне на переезде

Вставали ветлы пустыря.

Надмирно *высились созвездья*

В холодной яме января (Б. Пастернак. На ранних поездах).

Данное наречие может быть мотивировано предположно-падежной формой *над миром*, оно, по видимости, образовано чересступенчато от окказионального прилагательного *надмирный*. Окказиональное наречие актуализирует качественный признак, не выраженный в предложной форме существительного. Это позволяет говорить о том, что новое лексическое значение закреплено за окказиональной же, но потенциально предсказуемой формой.

Приведем пример собственно лексического окказионального словосочетания.

«Четвероногая грелка» положительно влияет на сердечно-сосудистую систему (Взгляд 13.05.2004). – *Четвероногая грелка = собака*.
Здесь представлен окказиональный перифраз-лингвокреатив.

Структурно-семантические признаки семантико-словообразовательных окказионализмов также можно проанализировать в соотношении с производными экспрессивами по классификации Т.В. Матвеевой. Языковой материал свидетельствует, что семантико-словообразовательные окказионализмы создаются преимущественно по двум моделям.

1. Окказионализмы, созданные на базе следующей модели: *экспрессивный семантический мотиватор + нейтральный структурный мотиватор*. Рассмотрим примеры.

(1) *Судьбы под землю не заямить.*

Как быть? Неясная сперва,

При жизни переходит в память

Его признавшая молва (Б. Пастернак. Художник). – Окказиональный глагол образован чересступенчато от существительного *яма* (промежуточная ступень – *ямить*) при помощи узуальной нейтральной морфемы *за-* со значением «начать действие».

(2) *Российская глубинка!*

Ах! – С удалой гульбинкой!

С «калинкою-малинкой» под бойкий перепляс,

Под перестон гармошек... (Г. Ворошилов. Российская глубинка). Лексический мотиватор экспрессивен (*стон*), поскольку представлен метафорой-олицетворением, структурный – нейтрален.

По приведенной модели могут быть образованы и сложные окказиональные лексемы.

(3) *И когда с ним случилось несчастье,*

которое может случиться с каждым, кто за рулем (Упаси нас, Господь!),

*то московская чернь – **многомордая** алчущая волчица*

истерзала клыками пробитую пулями Гитлера плоть (Е. Евтушенко.

Автор стихотворения «Коммунисты, вперед!»). Существительное *морда* (*прост.*), служащее производящей основой окказионального прилагательного, экспрессивно заряжено в языке, а наречная часть (*много*) структурно нейтральна. Окказиональная лексема *многомордая*, безусловно, тропеического характера – это гиперболический метафорический эпитет.

2. Семантико-словообразовательные окказионализмы, построенные по модели: *семантически нейтральный мотиватор + структурно нейтральный мотиватор*.

(1) – ...*Перед сном надо спеть! Вдвоем!..*

Я прямо подпрыгнул:

– *Молодец, Сокол! Давай любимую **космонавтскую!** Подпевай!*

(В. Драгунский. Зеленчатые леопарды). Окказиональное прилагательное мотивировано узуальной лексемой *космонавт* и образовано при помощи структурно нейтрального мотиватора *-ск-*.

(2) *Я говорю Мишке:*

– *Мне мама не велит высовываться...*

Мишка немного подумал, а потом обрадовался:

– *Не велит высовываться, и правильно. Это будет у тебя испытание на **не-вы-со-вы-ва-е-мость!*** (В. Драгунский. Зеленчатые леопарды). Считаем целесообразным относить подобные случаи образования окказионализмов к данной модели. Семантически анализируемое существительное мотивировано приведенным в примере узуальным глаголом *высовываться* (*не высовываться*), ближайшая деривационная ступень, мотивирующая существительное – причастие *невысовываемый*. Оно не является узуальным, однако полностью предсказуемо словообразовательной системой: образовано от переходного глагола при помощи суффикса причастия страдательного залога настоящего времени *-ем-*. Существительное с абстрактной семантикой образовалось при помощи традиционного суффикса *-ость-*. Это позволяет говорить о том, что и семантический, и структурный мотиваторы, образующие данный окказионализм, нейтральны.

Языковой материал позволяет констатировать, что экспрессивность окказионализмов данного типа зависит не только от соотношения в слове семантического и структурного мотиваторов, но и в значительной степени от того, что сама модель образования окказионализма во многих случаях экспрессивна, поскольку нарушает узуальный словообразовательный тип.

В качестве примера можно привести отыменные окказиональные глаголы: *кружеветь, снежить, хрусталить, бриллиантиться, утреть* и т.д. (И. Северянин).

Таким образом, мы рассмотрели структурно-семантические особенности семантико-словообразовательных окказионализмов с учетом участия в их образовании семантического и структурного мотиваторов.⁶⁵

Анализ языкового материала позволяет нам говорить еще об одной модели построения семантико-словообразовательных окказионализмов. Считаем целесообразным обозначить ее следующим образом: *семантический мотиватор + семантический мотиватор*. При этом сами мотиваторы могут быть как нейтральными, так и экспрессивными. Речь идет о создании окказиональных лексем способом контаминации.⁶⁶ В лингвистической литературе нет ясного понимания термина «контаминация». Так, она определяется широко как процесс объединения слов, словосочетаний и фраз в единое целое (наложение их друг на друга) [Де Болт 1998], как способ образования окказиональных слов [Земская 2000; Изотов 1998;], при этом круг явлений, включаемых в данный способ, также различен. Наконец, контаминация трактуется как принцип построения стилистических фигур [Пекарская 2000]. Применительно к окказионализмам-элокутивам контаминацию определяем широко. **Контаминация** – способ построения окказионализмов, при котором происходит агглютинация сегментов двух слов (*бестер* = *бе-луга* + *стер-лядь*), междусловное наложение (*стрекозел* = *стрекоза* + *козел*) [Журавлев 1982: 86] либо вклинивание одного слова в другое (*перешатки* = *перешитки* + *жать*) [Земская 1992: 191-192]. Анализируя фигуральные окказионализмы, контаминацию определяем и как принцип построения фигур и тропов (их наложение друг на друга), например: *Мне это имя, кажется, знакомо... Нога балетная. Улыбка бабьелетная* (А. Вознесенский. Объявление о знакомст-

⁶⁵ Структурно-семантические особенности окказиональных словосочетаний, то есть окказионализмов многокомпонентной структуры рассмотрены нами при анализе окказионализмов данного типа, которые являются фигуральными.

⁶⁶ Контаминацию как способ образования слов необходимо отличать от контаминации как принципа построения тропов и фигур, их наложения (аппликации) друг на друга [Пекарская 2000].

ве). В данной иллюстрации контаминированное окказиональное образование представляет собой троп: *эпитет + метафора*. Контаминация традиционно рассматривается как способ создания языковой игры, особых экспрессивно значимых контекстов [Санников 1999: 164-167]. С.В. Ильясова справедливо считает контаминацию ядерным, центральным способом образования окказионализмов [Ильясова 2002: 175].

Рассмотрим примеры.

(1) *ЖестикуЛяпы* (Взгляд 01.04.2004). – *ЖестикуЛяпы* = *жестикуляция* + *ляп(ы)*.

(2) *Деграданс* (ЛР 20.02.2002). – *Деграданс* = *деградация* + *декаданс*.

В приведенных иллюстрациях представлена контаминация первого типа (агглютинация сегментов двух слов). При накладывании двух слов друг на друга часто не только возникает третье с новым значением, но ощущается явная ассоциативная мотивированность нового значения семантикой обоих слов (2). Ср.: *деградация* – «*упадок*, постепенное понижение какого-л. качества, процесс изменения чего-л. в сторону ухудшения, утрата ранее накопленных свойств» [Словарь иностранных... 1955: 203]. *Декаданс* – «*упадок*, разложение культуры» [там же: 204].

(3) *ГоловоМиккий ТелоЛенин* (МК 06.03.2003). – *ГоловоМиккий* = *голова* + *Микки Маус*; *телоЛенин* = *тело* + *Ленин*. Второй из приведенных окказионализмов образован при помощи междусловного наложения.

(4) «*Новая волна*» – «*Смэшная*» и *скандальная* (АиФ 25.04.2002). *Смэшная* = *СМЭШ* (название популярной молодежной музгруппы) + *смешная* (смех). В семантике нового слова легко угадывается мотивирующая база.

(5) *В яйцах ворочались, вылупляясь, страхусы* (А. Вознесенский. Урки валетом летели над Россией). – *Страхус* = *страх* + *страус*. В примерах (4, 5) окказионализмы образованы третьим способом контаминации (вклинивание одного слова в другое).

По соотношению с тропами и фигурами данный тип окказионализмов представлен нефигуральными и фигуральными образованиями. Структурно-

семантические особенности первого типа мы, так или иначе, рассмотрели ранее, о специфике их функционирования будет сказано позже. Обратимся к анализу семантико-словообразовательных (собственно лексических окказионализмов) фигурального характера. В рамках данной группы, как было отмечено ранее, рассматриваем окказионализмы-тропы (I) и окказионализмы-фигуры (II). Обратимся к анализу явлений первого типа.

I. Окказионализмы-тропы представлены в наших примерах следующими разновидностями.

1. Окказиональная метафора-лингвокреатив.

Данная окказиональная метафора по своей специфике – это троп, возникший с целью эмоционально-экспрессивного обновления лексики [Черникова 1998: 10]. Такие метафоры образны и эмоционально-экспрессивны, функция номинации здесь уходит на второй план.

Анализ языкового материала позволяет констатировать, что окказиональные метафоры представлены тремя основными разновидностями⁶⁷: собственно окказиональная метафора, олицетворение и антиолицетворение.⁶⁸ Рассмотрим примеры.

(1) *Потом дождь участился, помельчал и наклонно забисерил в окна, скрыв простор* (Ю. Нагибин. Меринга).

(2) *Мутная, затянутая пленкой вода не отражала неба и потому чужда была переливам сини и золота, разве что слегка радужилась у гранитных берегов* (Ю. Нагибин. Пик удачи). В приведенных иллюстрациях перед нами собственно окказиональные метафоры, основанные на сходстве способа представления действий. Собственно окказиональные метафоры могут носить фразеологизированный характер (3).

(3) – *Поднимайся, братан! – предложил ему Север дружелюбно. – Хватит болта гонять* (Д. Щербаков. Нимфоманка: рабыня крутых) – *Болта гонять* = *бездельничать*.

⁶⁷ О разновидностях метафоры см. [Пекарская 1997]

⁶⁸ Термин «антиолицетворение» введен И.В. Пекарской для обозначения разновидности метафоры, при которой свойства неживого переносятся на живое [Пекарская 1997: 61-63].

(4) – *Что еще за Фанеровка? – нахмурилась Аня. – Ты ничего не путаешь?.. – Это у меня, как в «Лошадиной фамилии» – Овсов ... вспомнил что-то, что хорошо горит, – вот и получилась Фанеровка....А на самом деле... – Может, Гореловка?* (Д. Щербаков. Нимфоманка: рабыня крутых). *Метафорический перенос по сходству ассоциаций.*

(5) *Режиссура Коршуноваса «огнеликая», строгая, без признаков этического пафоса...* (МН Янв.-фев. 2002).

(6) *Не орудовский красный кирпич, – свастика, символ мирового зла, научилась перед ним* (Ю. Нагибин. Гибель пилота). В примерах (5, 6) представлены *оказиональные олицетворения.*

(7) *Огромный полуметровый угорь выметнулся из воды и рухнул на мосток возле самых ног Валькова. Он спетлил тело и рванулся вперед к другому краю плотины* (Ю. Нагибин. На тихом озере).

(8) *Петра Владимировича просто ненавидеть стала, если, не дай бог, с ним в магазине сталкивалась, меня аж **крючило*** (Д. Донцова. Любимые забавы папы Карло) Представлены *метафоры-антиолицетворения.*

Оказиональные метафоры, как и любые другие, в контексте сохраняют свои функции тропа: создание образа (1, 2, 6, 7); создание образа + выражение эмоционального отношения (3, 8); создание образа + выражение эмоционального отношения + характеристика (4, 5).

Оказиональные метафоры, как и другие тропы, могут вступать в отношения контаминации, в этом случае на основной троп (метафору) накладываются другие тропы. Как показывает языковой материал, контаминация при этом носит преимущественно *гомогенный* характер (термин введен И.В. Пекарской; см., например: Пекарская 2000, ч. I), при которой в аппликативные отношения вступают тропы или фигуры, построенные по одному принципу: в нашем материале – это принцип сравнения.

(1) *Все ряды уже с утра позахвачены –
уйма всякого добра, всякой всячины:
там точильные круги –*

точат лясы,

там лихие сапоги –

самоплясы (В.Высоцкий. Скоморохи на ярмарке). Контаминированный троп представлен наложением *метафоры-лицетворения* («сапоги пляшут так, как пляшут ноги человека») + *метонимии* (*синекдохи*) («сапоги пляшут сами, вместе с человеком») + *гиперболы* («самоплясы»).

(2) *И разве грех, когда сквозь смуту, **грызнию**, ругню так хочется сказать кому-то: «Я вас люблю...»* (Е. Евтушенко. Упала капля). – Контаминированный троп: *метафора* («люди грызутся, как звери») + *метонимия* («грызня» – часть жизни ↔ вся жизнь).

2. *Окказиональная метонимия-лингвокреатив*. В основе метонимического переноса, как известно, лежат когнитивные механизмы, связанные с законом языковой экономии. Как мы отмечали ранее, в рамках окказиональной метонимии рассматриваем две ее разновидности: а) собственно окказиональную метонимию и б) окказиональную синекдоху. Рассмотрим примеры.

(1) *С Димкой я живу шесть лет в гражданском браке. Сначала снимали дешевую «**молодоженку**»* (Моя семья 10.09.2004). – *Молодоженка* = квартира для молодоженов.

(2) *Вот и открываются по Москве «**стриптизовки**»*. Ой, извините, – «*эротические шоу*» (МК 21.07.2003). Номинация осуществлена по связи *заведение* ↔ *его специфика*. Модель подобных метонимических переносов Н.В. Черникова определяет так: *объект – другой объект, содержащий первый объект* [Черникова 1998: 19].

(3) *Вырванный из **привычья**, он обрел свободу...* (Ю. Нагибин. Пик удачи). Перенос по формуле *часть* ↔ *целое*: привычная сторона жизни (*единичное*) – привычная жизнь (*целое*) – синекдоха. Синекдоха наблюдается и в иллюстрации (4).

(4) *Невыносимая **левость** бытия* (АиФ № 32.2005). – Левая политическая ориентация (*часть жизни*) – левость бытия («левая» *целая* (вся) жизнь).

(5) *Стала пить, дуреха. К маме бы ей,*

А она дымилась «мальбориной» (Е. Евтушенко. Случай в Барнаульской гостинице). *Мальборина* – сигарета марки «Мальборо».

(6) *«Властаризация»* давно и прочно вошла в городскую практику (Взгляд 10.03.2004). – *Властаризация* – распространение на территории города магазинов «Власта». В примерах (5, 6) перенос по принципу: *род ↔ вид*.

(7) *Но попался мне сосед до того скулежный, на себя, на белый свет, – просто невозможный* (Е. Евтушенко. Бляха – муха). – *Скулежный* – тот, который скулит: человек, обладающий данным свойством. *Скулежный характер ↔ скулежный человек. Имеющий определенное свойство (о человеке) ↔ свойственный подобному человеку, выражающий такие свойства* [Современный русский... 2001: 212].

Окказиональные метонимии также сохраняют свои тропеические функции: создание образа (5, 6); создание образа + выражение эмоционального отношения (3); создание образа + выражение эмоционального отношения + характеристика (1, 2, 4, 7).

3. *Окказиональный перифраз-лингвокреатив*. Двух и более компонентные окказиональные словосочетания, представляющие собой речевой описательный оборот, заменяющий узуальное слово. При этом перифраз не просто тождественен узуальному слову, а «...всегда содержит в себе указание на некоторый новый по сравнению с лексическим наименованием признак. Этот признак в перифразе играет роль основания перефразирования» [Базанская 1988: 11].

(1) *Первые выезды на природу для ребенка из «каменного мешка» – стресс* (Взгляд 05.08.2004). – *Каменный мешок* = *панельный дом*. В речевом перифразе за счет окказиональной сочетаемости лексема *мешок* приобретает дополнительные семы: «из твердого материала», «замкнутое вместилище», которые не входят в сигнификативное значение слова. Ср.: *Мешок* – «сделанное из мягкого материала вместилище для сыпучих тел, для различных мелких предметов» [Ожегов, Шведова 1992: 363]. Расширение лексической

сочетаемости ведет, по сути, к утрате (нивелировке) отдельных узуальных сем, актуальных в значении данного существительного.

Как показывает языковой материал, за счет включения узуального слова в окказиональное словосочетание происходит не только расширение значения первого, но и наделение его дополнительными коннотациями.

(2) *В Россию прибыли **рогатые французженки** (...950 отборных французских телок)* (Взгляд 03.03.2003). Образность данного перифраза усиливается за счет эффекта обманутого ожидания.

Как было отмечено, среди окказиональных перифразов встречаются перифразы-эвфемизмы (3, 4) и перифразы-дисфемизмы (5, 6).

(3) *И там, разомлев после изрядной доли сорокаградусной **«сыворотки правды»**, Сергей во всем признался* (Окна 12.02.2003). – *Сыворотка правды = водка*. Перифраз, имеющий фразеологизированный характер, заменяя собой узуальное наименование, позволяет актуализировать в лексическом значении словосочетания имплицитные семы, лишь потенциально заложенные в узуальный синоним.

(4) *Кому мы платим за **«черную Фатиму»**?* (АиФ № 31.2005) – *«черная Фатима» = женщина-камикадзе, террористка-смертница*.

(5) *«**Буйным торчкам**» разрешили колоться, но в меру* (Взгляд 01.07.2004) [Речь идет о наркоманах].

(6) *Мы беглецы из крымской Колымы, той, где **красногалстучных калек** у своих костров ковал Артек* (Е. Евтушенко. Похороны Окуджавы). [Речь о поколении социализма].

Перенос наименования в перифрастических оборотах может быть метафорическим (1, 2, 3, 5, 7, 8, 9) или метонимическим (4, 6, 10, 11).

(7) *Он под мраморную лестницей денег ждал из чьих-то рук,*

Правнук жалкий кепки ленинской, сталинской фуражки друг (Е. Евтушенко. Бродячий гимн) [Речь идет о гимне]. Созданный образ гимна укрупняется за счет нанизывания перифразов (конвергенции).

(8) *Мы «старые русские», но знайте – без нас не получится новой России* (Е. Евтушенко. Мы – «старые русские»).

(9) *Как белоснежно, как бездонно*

благословила нас в порту

двутрубно-белая мадонна

с младенцем-шлюпкой на борту (А. Вознесенский. Как белоснежно...)

– [речь идет о корабле]. В основе перифраза – метафора-олицетворение.

(10) *Когда предстоит градусная ночь, в которую надо остаться на ногах, врачи советуют за час-два до застолья проглотить 50 г. водки или коньяку* (Взгляд 09.02.2003). – *Градусная ночь* = *праздничная ночь*. *Метонимический перенос* по принципу *часть ↔ целое*: «ночь, в которую употребляют спиртное большими дозами».

(11) *Этого деятеля прозвали «красным олигархом»...* (Взгляд 08.04.2004) [о представителе КПРФ]. В данной иллюстрации также представлен метонимический перенос по принципу *часть ↔ целое*: *красный* → цвет флага коммунистов → цвет партии → «цвет» ее представителя.

Окказиональному перифразу также свойственны функции тропа: создание образа (11); создание образа + характеристика предмета (2, 3, 9); создание образа + выражение эмоционального отношения + характеристика (1 – 7); характеристика + выражение эмоционального отношения (8); характеристика (10).

4. Окказиональный эпитет-лингвокреатив.

Как показывает языковой материал, данный троп всецело представлен контаминированными образованиями. Так называемые «чистые» эпитеты (термин И.В. Пекарской, см., например: Пекарская 2003: 79-80) типа *велико-лепное исполнение*, *милый взгляд* не свойственны окказиональным образованиям.⁶⁹ К.В. Голубина, исследуя когнитивные механизмы эпитета, говорит о том, что в основе эпитета чаще всего лежит метафора, реже – метонимия.

⁶⁹ И.В. Пекарская разграничивает простое логическое определение, «чистый» эпитет и контаминированный эпитет (гипертроп – наложение на эпитет других тропов: метафоры, метонимии, гиперболы и др.).

Она приводит примеры и метафтонимических эпитетов, совмещающих метафорические и метонимические признаки [Голубина 1998]. Рассмотрим иллюстрации.

I. Контаминированный троп: эпитет + метафора.

(1) *Невоплощаемую воплотив*

В серебряно-лунящихся сонатах... (И. Северянин. Бетховен). Тропингвокреатив создает образ + характеризует названный предмет.

(2) *Развевался и флаг партизанский,*

И французский, и англитский был,

И зебрасный американский... (Е. Евтушенко. Итальянские слезы).

Троп создает образ + выражает эмоциональное отношение + характеризует предмет.

(3) *И алошарая вершина*

Светла венком стеклянной проседи (В. Хлебников. Город будущего).

Тропеическое средство выполняет функцию создания образа.

II. Контаминированный троп: эпитет + метонимия.

(1) *...протянула какой-то их фрукт... как из бабьих жалетельных рук* (Е. Евтушенко. Итальянские слезы). Метонимический эпитет создает образ + выражает эмоциональное отношение + характеризует предмет. Образность усиливается за счет конвергенции (эпитет *бабьи* + метонимический эпитет *жалетельные*).

(2) «...**SMSнутые** подростки...» (АиФ № 49.2004). – *SMSнутый* – часто отправляющий SMS сообщения. На первый план выступает функция выражения эмоционального отношения + характеристики.

(3) *Из приморской глуши куропатчатой...* (И. Северянин. С озер незамерзших). Функция создания образа + характеристики предмета.

5. *Окказионализмы в составе гиперболы.*

(1) *Чтоб тебе стать всеглобально известным,*

Мальчик мой, вынь свое сердце из ножен! (В. Высоцкий. Смерть Клавдия).

(2) *Я домой возвращаюсь, преисполнен восторга, преисполнен сознания,
Что она звездоносна, неиссячна эта питьевая вода! (И. Северянин.
Купанье звезд).*

(3) *Там были церкви златоглавы
И души хрупотней стекла (И. Северянин. В пути).*

(4) *В тот миг принимали иначе мы
И всю внепредельность
И то, что дано нам в удел (Г. Ворошилов. А звезды...).*

(5) *...в двадцать первый протиснусь, протырюсь,
где беспаспортность и беспартийность,
бесправительственность на земле (Е. Евтушенко. Двадцать первый
век).*

В приведенных примерах гипербола преувеличивает: (1) – масштабы известности; (2) – свойства воды; (3) – качество душ; (4) – размеры земли; (5) – степень анархичности земной жизни. В примере (3) на гиперболу накладывается сравнение, а в (4) примере гипербола вступает в отношения контаминации с олицетворением, что придает тропу бóльшую образность. Гипербола выполняет следующие функции в данных иллюстрациях: создание образа (1, 4); создание образа + выражение эмоционального отношения + характеристика (2); создание образа + характеристика (3); создание образа + характеристика + выражение эмоционального отношения (5).

б. Оказиональная антономасия.

Считаем целесообразным относить к явлениям антономасии не только замену нарицательного имени собственным при обозначении человека, но и замену какого-либо явления действительности именем собственным, представляющим географическое известное наименование [Хазагеров, Ширина 1999: 209], или замену именем собственным какого-либо типичного связанного с ним явления.⁷⁰ Рассмотрим примеры.

⁷⁰ См. определение антономасии, принятое в настоящей работе, в главе II п. 2.3.

(1) *От разнообразных «анишлагов», «кривых зеркал», «юморин» и прочих петросянов тошнить стало даже патологических любителей подобной веселухи* (Взгляд 13.01.2005). Функция создания ироничности высказывания усиливается за счет конвергенции (в данном случае следовании названных тропов друг за другом). Кроме того, обыгрывается расширение значения слова *петросяны*, при котором данная лексема уже не индивидуализирует предмет, а называет класс предметов.

(2) *Весь чечнями, как шершнями, поискусан, оробел* (Е. Евтушенко. Две снежинки). Данная антономасия позволяет создать живой образ, актуализировать качественное наполнение данной лексемы.

(3) *Я в детстве шикарно рыдал, ниагарно, всю притворялся – отнюдь не бездарно...* (Е. Евтушенко. Поздние слезы). – *Ниагарно* – так, как река Ниагара. Окказиональная антономасия представляет собой имплицитное сравнение (*рыдал, как Ниагара*), что усиливает ее выразительность и позволяет актуализировать параметрическую сему в значении слова (*большая, сильная река*).

II. *Окказионализмы-фигуры* представлены в наших примерах следующими разновидностями.

1. *Окказиональный оксюморон.*

Как отмечают некоторые ученые, функционирование окказионализмов в качестве оксюморона – достаточно частотное явление. Так, анализируя особенности оксюморона в языке писателей русского зарубежья, М.Р. Напцок говорит о том, что чаще всего они реализуются в окказиональных композитах: *мучительно-сладостные песни, безобразно-миловидная девка* (И. Бунин) [Напцок 1997: 14]. Наш языковой материал преимущественно фиксирует две традиционные разновидности оксюморона: а) сочетание в сложном производном противоположных по семантике компонентов; б) словосочетания, в которых существительное атрибутируется прилагательным, не соотносимым с первым по значению.⁷¹ Рассмотрим примеры.

⁷¹ Подробно различные типы оксюморона рассмотрены И.В. Пекарской [Пекарская 2000, ч. II: 147-150].

(1) *Дело дошло до того, что открылась целая сеть **развлекательно-раздевательных** заведений с одним названием – наподобие сети супермаркетов* (МК 21.07.2003).

(2) *Это такой **дарвино-думский** способ эволюционного отбора – выживают сильнейшие, слабаки умрут сами, не дожив до пенсии* (Взгляд 13.01.2005).

(3) *И тень ресниц моих картинно,
когда я их небрежно нес,
чуть затеняла буратинный,
сопливо-любопытный нос* (Е. Евтушенко. Ресницы).

В приведенных иллюстрациях отражен первый тип оксюморона. В примере (2) в наибольшей степени, по сравнению с (1, 3) реализуется основная функция данной фигуры – выявление противоречивой сущности обозначаемого, что позволяет в окказиональной лексеме актуализировать гипосемы взятых изолированно прилагательных (*дарвиновский, думский*). В (1) иллюстрации названная функция не проявляет себя столь ярко, ассоциативные связи у названных прилагательных настолько близки, что их значения контекстуально синонимизируются. Кроме того, в данном примере оксюморон вступает в отношения контаминации с метонимией (*развлекательно-раздевательные заведения*), где происходит перенос наименования по принципу *вместилище ↔ вместимое*. В примере (3) оксюморон конвергирует с окказиональным метафорическим эпитетом-лингвокреативом (*буратинный*), что усиливает экспрессивность отрывка.

(4) *Понимая, что дочурке надо перебеситься, папаша-хитрован устраивает ей «**контролируемое безумие**»* (Комок 25.08.2004).

(5) *Председатель-красавец с тоненькими **подлыми усиками*** (Черногорский курьер 09.04.2003).

(6) *Так-то, безудачная **мужняя безмуженка**...* (И. Северянин. Жемчужинка).

(7) *Вы мне по секрету ответить могли бы:*

Я – рыбная мышь или мышиная рыба? (В. Высоцкий. Песня мыши).

В данных примерах представлен второй тип оксюморона: существительное + определяющее его прилагательное; в целом словосочетание нарушает семантическую валентность названных компонентов. В словосочетании (5) на оксюморон накладывается метафорический перенос (олицетворение) (*подлые усики*), в примерах (6, 7) лексемы, входящие в данную фигуру, полностью антонимичны по семантике. Здесь оксюморон конвергирует с окказиональным метонимическим эпитетом-лингвокреативом «безудачная», что усиливает выразительность конструкции в целом.

2. *Окказиональная аллюзия и реминисценция.*

(1) *Ни слова – про «путинюгенд»* (МН 19-25.02.2002). Ср.: *путинюгенд – гитлерюгенд.*

(2) *Как ни уверяют наши теле-Киплинги,*

Но пути Империи трансинтеллигидельны (А. Вознесенский. Транс). – [Поэт намекает на известное произведение Р. Киплинга «Маугли», герой которого, несмотря на жизнь среди животных, был нормальным человеком]. Основная функция аллюзии (1, 2) – стимулирующая (восприятие содержания фразы/ текста через восстановление исторических параллелей, соотношение с известным литературным фактом (2)). В примере (2) аллюзия образует гетерогенную контаминацию (термин введен И.В. Пекарской, см., например: Пекарская 2000, ч. I)⁷², на нее накладывается метафора («теле-Киплинги»).

(3) *Любовь на дне общества. И у бомжих случаются романы. Красоток соблазняют бомж-жуаны* (ЛГ 09.07.2002). Ср.: *бомж-жуан – дон-Жуан.* Окказионализм-аллюзия используется в целях создания ироничности высказывания.

(4) *«Россияне» сегодня звучит, как «россеяние». Мы – осколки разломанной нами страны* (Е. Евтушенко. Автор стихотворения «Коммунисты,

⁷² В отношении гетерогенной контаминации вступают фигуральные образования, построенные по разным принципам (ср. *гомогенная* контаминация).

вперед!»). – *Россеяние – от «рассеять»* [речь идет о распаде СССР]. Главная функция данной аллюзии – актуализация подтекста.

К аллюзии часто относят явления реминисценции [Сковородников 1989: 114]. И.В. Пекарская говорит о целесообразности разграничивать данные явления. Так, **реминисценцию** она определяет как стилистическую фигуру, состоящую в «намеренном или невольном воспроизведении автором речи знакомой фразовой или образной конструкции из фольклора, художественного произведения, известной публичной речи» [Пекарская 2000, ч. II: 290]. *Время другое. Кончилась ельцинская разлюли-малина* (МН Янв-фев. 2002). В приведенном примере реминисценция выполняет эмоционально-оценочную функцию.

3. *Семантико-словообразовательные окказионализмы в составе антитезы.*

Основная функция антитезы, как известно, актуализация контрастности названных в контексте понятий. О.А. Габинская, анализируя различные причины словотворчества, справедливо замечает, что установка на выражение отношений противоположности, которые реализуются, прежде всего, через антонимию, занимает не последнее место среди причин образования новых слов [Габинская 1985: 143].

Антитезные образования представлены в наших примерах главным образом депрефиксальными окказионализмами.

(1) *Тогда по глупости еще делить я мог всех женщин на дотрог и недотрог* (Е. Евтушенко. Медленная любовь).

(2) *На каждые сто услуг приходится одна «неуслуга»* (Взгляд 26.08.2004).

(3) *Все дело в том, что у нас в Абакане гопники («формалы», потому что их большинство, значит это общепринято, значит это формально) не дают свободно жить неформалам* (Взгляд. 23.01.2003).

(4) *Конечно, бабушки наши вышивали небрежно, а они, можно подумать, брежно* (Разговорная речь).

Функциональный критерий описания позволяет говорить о преобладании следующих функций у окказионализмов данного типа.

Собственно номинативная.

(1) *Софья взяла в руки предложенный флакон. На коробке было написано: «Успокойка»* (Г. Куликова. Пакости в кредит).

(2) *«Домоцентр» – залог успеха вашего ремонта* (Аргументы успеха 08.06.2005). – *Домоцентр* – название торговой фирмы.

Номинативно-конструктивная. В окказиональной лексеме объективировано семантическое содержание, которое может быть выражено в языке только описательно.

(1) *Выступления «мумиков»* (КП 09.04.2003). *Мумики* – участники группы «Мумий Троль».

(2) *...ЭМКОВЦЫ частенько гостили в славном граде, особенно в дни празднования его именин* (МК 14.03.2003). – *Эмковцы* – корреспонденты газеты «Московский комсомолец» (МК). В данных примерах доминирующей является функция номинации, поскольку связана с возможностью назвать в слове то, что может быть выражено описательно. Определенная доля экспрессии также присутствует, но объясняется в большей степени тем, что слова окказиональны и поэтому необычны, как всякое неизвестное.

Номинативно-компрессивная.

(1) *Мы – воскресшие снежинки не смогли найти Дзержинки, да и мало ли чего* (Е. Евтушенко. Две снежинки). – *Дзержинка* = улица имени Ф.Э. Дзержинского.

(2) *Призрак «сибирки» три дня бродил по Аскизу* (Шанс 22-28.09.2005) – «сибирка» = сибирская язва.

Эмоционально-оценочная.

(1) *Он у меня любончик любовистый или по частям тела: ногастик, пупончик, пузатик, смеханенок* (Взгляд 09.09.2004).

(2) *А вот совсем недавно, буквально на днях, мы с мужем придумали себе новые ласкушки (ласковые слова)! Он меня называет «плюськой»* (об-

разовалось от «плюшка»), а я его – «минуська»! Вот такое у нас притяжение! (Там же). Лексические окказионализмы передают эмоционально позитивное отношение говорящего к ситуации и предмету речи, выражают мелиоративную оценку качеств любимого человека. Эмоционально-оценочная функция является здесь ведущей, вместе с тем, данные лексемы достаточно образны (*ногастик, пупончик, смеханенок* – метонимии), поэтому образно-характеристическая функция также свойственна приведенным окказионализмам.

(3) *Тебе, Родина-мавродина, не страшен враг любой.*

Ты собою оборвана, в яму брошена собой... (Е. Евтушенко. Две снежинки). Значительная экспрессивность приведенного окказионализма обусловлена тем, что это контаминированная структура (*Родина + Мавроди*). Кроме того, окказионализм представляет собой аллюзию. Пейоративная оценка деятельности Мавроди в России переносится автором на все окказиональное образование, общий пафос высказывания негативно эмоционален.

(4) *И отчество-то у нее подходящее – Трахировна. И внешность у нее самая что ни на есть «трахиристическая»* (Комок 07.12.2004). Конкретная семантика окказионализма не ясна без контекста, но пейоративная оценка и презрительное отношение говорящего переданы четко.

Сложная, не вытекающая прямо из семантики словосочетания, эмоционально-оценочная экспрессивная функция свойственна многим окказиональным перифразам.

(5) *Граненый друг двухсотграммовый, припомнив «мессеров» огонь,*

Какой вопьешься гранью новой в навек соленую ладонь? (Е. Евтушенко. В День Победы с Поженяном). Автор называет стакан другом (ключевое слово в перифразе), но вместе с тем, общий пафос контекста выражает тревогу, неопределенность по поводу будущего. Эмоционально-оценочная функция здесь также переплетается с образно-характеристической, так как представлен метафорический перифраз.

Образно-характеристическая. Как было сказано, данная функция характерна для окказионализмов тропеического характера.

(1) *Звали в путь его ветра,*

Семга-розовуха:

«Ладно, парень. Мне пора. Так-то, бляха-муха!» (Е. Евтушенко. Бляха-муха). Окказиональное сложное существительное олицетворяет у поэта собирательный образ морского свободного путешествия.

(2) *Мне Чичибабин – это Родина, – последний нонешний святой,*

И смотрят глыбко и колодезно его глаза с живой водой (Е. Евтушенко. Когда стихотворение заперто). Окказиональная метафора создает образ бездонного взгляда и тем самым дает ему характеристику.

(3) ***Бритоголовые «санитары»*** использовали, мягко говоря, радикальные методы... (И. Арбенина. Люблю трагический финал). – *Бритоголовые санитары = скинхеды.* Окказиональный перифраз создает яркий внешний образ бритых наголо молодых людей (отличительный признак скинхедов) и актуализирует, таким образом, важную деталь в их внешнем облике, тем самым, давая им характеристику. На образно-характеристическую функцию накладывается эмоционально-оценочная (негативная оценка).

Как явствует из представленного языкового материала, отмеченные разновидности экспрессивной функции, как правило, взаимосвязаны в одном контексте, поскольку сама экспрессивность включает в себя образный и эмоционально-оценочный компоненты.

Итак, мы проанализировали структурно-словообразовательные, семантико-словообразовательные и семантические окказионализмы с точки зрения их структурно-семантических и функциональных особенностей, а также возможностей формирования тропов и фигур.

Представим полученные сведения в форме таблицы, отражающей наличие или отсутствие рассмотренных признаков у окказионализмов-элокутивов всех трех типов.

Структурно-семантико-функциональные особенности лексических окказионализмов, соотношение данных речевых единиц с тропами и фигурами

Тип окказион.	Новизна структур.	Новизна Семант.	Тип функций						Соотнош. с троп. и фигурами
			С/Н	Н/К I	Н/К II	Н/С	Э/О	О/Х	
Струк.-словообр.	+	-	-	-	-	+	+	-	-
Семантич.	-	+	-	-	-	-	+	+	+
Сем.-слов.	+	+	+	+	+	-	+	+	+

Примечание: С/Н – собственно номинативная; Н/КI – номинативно- конструктивная; Н/КII – номинативно-компрессивная; Н/С – номинативно-стилистическая; Э/О – эмоционально-оценочная; О/Х – образно-характеристическая.

Таким образом, учитывая проанализированные структурно-семантические и функциональные особенности окказионализмов трех типов, мы пришли к выводу, что максимальным прагматическим потенциалом обладают семантико-словообразовательные окказионализмы, поскольку они имеют новизну формы и содержания, а также максимальную степень проявления экспрессивности.

2.4. Выводы по главе

1. Окказионализмы-элокутивы рассматриваются нами среди других элокутивных (стилистически значимых средств) риторики. Элокуция – центральный раздел риторики, изучающий процесс создания и произнесения речи. Традиционно в теории элокуции исследуются тропы и фигуры как орнаментальные средства языка/речи (средства ее украшения). Кроме того, необходимо всестороннее изучение в рамках теории элокуции и других стилистически значимых средств языка/речи. К таким средствам мы относим и окказионализмы. В рамках системного описания элокутивных средств риторики

необходимо, таким образом, определить статус и место окказионализмов-элокутивов и соотнести их с другими прагматически значимыми средствами (тропами и фигурами).

2. Анализ лингвистической литературы показал, что в современной филологии не существует четких дефиниций понятий «*риторический прием*», «*стилистический прием*», «*стилистическое средство*», «*троп*», «*фигура*», «*языковая фигура*», «*речевая фигура*» хотя они и являются основными в элокутивном разделе риторики. В нашей работе считаем целесообразным принять следующую точку зрения на соотношение названных понятий. **«Риторический прием** можно определить как способ построения высказывания, основанный на мотивированном целеустановкой говорящего/пишущего и условиями общения (контекстом и/или ситуацией) отклонении от нормы в широком смысле» [Культура... 2003: 598]. **Стилистический прием** – способ организации высказывания, построенный на основе прагматически мотивированного отклонения от языковой/ речевой нормы с целью воздействия на адресата. Это разновидность риторического приема. В нашем понимании термины «*стилистический прием*» и «*стилистическое средство*» синонимичны. **Стилистическая фигура** – стилистический прием, основанный на прагматически мотивированном отклонении от языковой/речевой нормы, синтагматически (собственно фигуры) или парадигматически (тропы) образуемые средства создания изобразительно-выразительного высказывания. Среди стилистических фигур рассматриваем тропеические (тропы) и нетропеические. **Троп** трактуем традиционно как слово, словосочетание, употребленное в переносном значении.

3. Как было отмечено, в рамках лексической окказиональности наиболее целесообразным, отражающим системный характер входящих в нее явлений считаем выделение трех типов лексических окказионализмов-элокутивов, все они с различной степенью частотности функционируют в художественном, публицистическом и разговорном стилях. Это *структурно-словообразовательный, семантический и семантико-словообразовательный*

(*собственно лексический*) типы. Поскольку элокутивное поле лексической окказиональности, в рамках которого и будет рассмотрено данное явление, носит функциональный характер, который всецело определяется структурно-семантической спецификой окказионализмов, мы проанализировали их структурные, семантические и функциональные особенности. Полагаем, что окказионализмы-элокутивы всегда прагматически маркированы, их основная, природная функция – воздействующая. Считаем возможным говорить о двух основных разновидностях прагматической функции окказионализмов: *номинативной* и *экспрессивной*, признавая в то же время их тесную связь в конкретном контексте. Эти разновидности всецело определяют ту или иную степень прагматики окказиональной лексемы в контексте. Кроме того, важным для нас является критерий соотнесения окказиональной лексики с традиционными орнаментальными средствами, что позволяет нам говорить об окказионализмах нефигурального (*натуресса, горнолыжка, окомпьютериваться*) и фигурального характера (*научиться, разузорить, «красный олигарх», думно и бездумно*). Для наименования окказионализмов тропеического характера, реализующихся на уровне семантических окказионализмов, введен термин *троп-транспозитив*; для тропов, реализующихся семантико-словообразовательными окказионализациями, – *троп-лингвокреатив*.

4. Анализ структурно-семантических особенностей окказионализмов *структурно-словообразовательного типа* позволяет говорить о том, что это слова с тождественным узуальному денотатом, но обязательно имеющие в структуре ЛЗС коннотативную сему (*похмелюга, игрочишка, тигрик*). Мы выяснили, что окказионализмы этого типа могут строиться по различным моделям с учетом участия в их образовании семантического и структурного мотиваторов. Функциональные особенности структурно-словообразовательных окказионализмов таковы, что они служат целям *стилистической номинации*, а также выполняют экспрессивную функцию, то есть всегда несут информацию о коннотативном заряде лексемы. Данные окказионализмы не являются фигуральными.

5. Рассмотрение структуры и семантики окказионализмов второго типа по нашей классификации (*семантического*) позволяет говорить о том, что они всегда омонимичны узуальным лексемам, однако характер омонимии различен: она может быть случайной и преднамеренной. Функциональные особенности окказионализмов данного типа сводятся, прежде всего, к *экспрессивной функции*, поскольку они никогда не создаются в целях собственно номинации. Вместе с тем, входя в регулярную речевую практику, некоторые из них начинают выполнять номинативно-компрессивную функцию. По отношению с тропами и фигурами мы выделяем семантические окказионализмы фигурального типа. Среди последних рассматриваем *метафору-транспозитив* (*зажмурится* = умереть, *висяки* = предметы одежды), *метонимию-транспозитив* (*памперсы* = дети, *шарик* = человек, *офонареть* = обзавестись фонарями), *перифраз-транспозитив* (*уссурийский тигр* = человек большой физической силы, *дети подземелья* = корнеплоды, употребляемые в пищу). Нами предлагается также выделять окказиональные лексемы, образующие *семантическую амфиболию* (*солист* – тот, кто солит капусту, «*на сносях*» – то, что пойдет под снос).

6. Окказионализмы *семантико-словообразовательного типа* отличаются разнообразием своих структурно-семантических и функциональных признаков. Это единственный тип из рассмотренных, способный реализовывать в контексте *номинативную* и *экспрессивную функции* в их различных проявлениях. Кроме того, собственно лексические окказионализмы, как правило, носят фигуральный характер. Нами зафиксированы следующие разновидности окказиональных тропов: *окказиональная метафора-лингвокреатив* (*Фанеровка, наколбасить* = изготовить колбасу), *метонимия-лингвокреатив* (*властаризация* [от названия магазина «Власта»], *скулежный* = тот, кто скулит), *перифраз* («*каменный мешок*» = панельный дом), *эпитет-лингвокреатив* (*алошарый, куропатчатый*), *антономасия-лингвокреатив* (*петросяны, Бродскоголосье*). Фиксированы окказионализмы в составе *гиперболы* (*стоусто небо застонало; всеглобально известный*). Кроме того,

семантико-словообразовательные окказионализмы могут образовывать фигуры: аллюзию (*путинюгенд, родина-мавродина*), оксюморон (*раздевательный-развлекательный, контролируемое безумие*), антитезу (*дотрога и недотрога, формалы и неформалы*).

7. Проведенный анализ позволяет нам констатировать, что лексическая окказиональность в различных своих проявлениях справедливо занимает свое место среди других стилистических приемов элокуции. На основе предложенного описания может быть построено элокутивное поле лексической окказиональности, а в перспективе – подобным образом могут быть проанализированы окказионализмы других языковых уровней.

ГЛАВА III.

ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ-ЭЛОКУТИВОВ В КОНТЕКСТЕ МАКРОСИСТЕМЫ ЭЛОКУТИВНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА/РЕЧИ

3.1. Понятие поля в лингвистике

Известно, что в лингвистике язык рассматривается как сложная система определенным образом упорядоченных, структурированных социально обусловленных знаков. *Языковая система* (от греч. *systema* – целое, составленное из частей, соединение) – множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность [Языкознание... 2000: 452]. Одним из первых принципов систематизации языковых явлений стала их поуровневая дифференциация, которая позволила распределить единицы по определенным классам (фонемы, морфемы, слова, словоформы и т.п.), объединив их общностью функций, [проблемы, связанные с систематизацией языка, рассматриваются, например в следующих работах: Березин, Головин 1987; Болотнова 1988; Денисов 1993; Динамика структуры... 1982; Серебренников 1968; Система и уровни... 1969; Солнцев 1977; Соссюр 2000 и др.]. Осуществление системного подхода к фактам языка в современном языкознании несомненно. Вместе с тем изучение языка на основе иерархических объединений языковых единиц не всегда позволяет достоверно оценить степень участия лексики, морфологии, синтаксиса в выражении отдельных сходных значений. В связи с этим, в последнее время в науке о языке все большее распространение получает полевая модель как одна из возможных форм проявления системности языка. В отличие от традиционного изучения языка, полевая модель, как утверждают авторы сборника «Полевые структуры...», провозглашает представление о языке как системе подсистем, между

которыми происходит взаимодействие и взаимопроникновение. По этой модели язык предстает как функционирующая система, в которой происходят постоянные перестройки элементов и отношений между ними. В процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью [Полевые... 1989: 7]. Таким образом, становится очевидным, что полевой принцип может быть применен в качестве общего приема анализа языковых явлений и категорий [см., например: Теория поля... 2001: 12]. Кроме того, ученые отмечают, что полевой подход хорошо совмещается с современными представлениями об устройстве и функционировании коры головного мозга человека [Полевые... 1989: 3].

Существуют различные определения поля, в которых в зависимости от целей исследования акцент ставится на отдельные признаки рассматриваемых единиц. Наиболее подробно в лингвистике изучены так называемые семантические поля. Под *семантическим полем* обычно понимают «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [Лингвистический... 1999: 380].

Полевая модель системы языка имеет разнообразные интерпретации и применения. Предмет исследования в теории поля в современной лингвистике составляют группировки языковых единиц, объединяемых на основе общности выражаемого ими значения (семантический принцип) или по общности выполняемых ими функций (функциональный принцип), или на основе комбинации двух признаков (функционально-семантический принцип) [Полевые... 1989; Шафиков 1999; Щур 1974 и др.].

В настоящее время полевой подход в лингвистике успешно применяется к изучению различных языковых явлений. Так, на основе общности взаимодействия разноуровневых средств языка (морфологических, лексических, синтаксических и т.д.) А.В. Бондарко строит функционально-семантические

поля (ФСР) [см., например: Бондарко 1981; Бондарко 1984; Бондарко 1985; Гулыга, Шендельс 1969; Проблемы функциональной... 2000]. *ФСР* определяется при этом как «группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории» (например, *ФСР* аспектуальности, модальности, темпоральности и т.д.) [Проблемы функциональной... 2000: 18]. Структурные и функциональные особенности семантических полей в лексике на примере анализа различных семантических групп исследуются И.В. Тарасовой [Тарасова 1994], Е.А. Гутиной [Гутина 1997], Н.В. Артемовой [Артемова 2000]; частные лексико-семантические поля на базе английского языка рассматривает А.В. Набирухина [Набирухина 1990]. Лексико-семантические поля и подполя экспрессивной лексики английского языка в сравнении с русским представлены в работе В.В. Шаровой [Шарова 2002]. Семантические поля во фразеологии анализирует Т.П. Теплякова [Теплякова 1976]. Особенности синтактики семантического поля изучаются В.П. Абрамовым [Абрамов 1992]. Различные семантические поля образных словоупотреблений анализируются в работах З.Ю. Петровой и О.В. Кондрашовой [Петрова 1998; Кондрашова 1998]. Орнаментальное поле как особый вид текстового семантического поля рассматривается Л.А. Новиковым [Новиков 1990]. В морфологии и словообразовании концепция полевой структуры на материале английского языка разработана И.П. Ивановой [Иванова 1981]. Г.И. Панова справедливо замечает, что принцип ядра и периферии в морфологии характерен не только для системы частей речи в целом, но и для каждой части речи в отдельности [Панова 1991: 56]. Синтаксические поля также оказываются в центре внимания исследователей. Так, З.Г. Стародубцева рассматривает синтаксическое поле антиследствия [Стародубцева 1997]; Л.П. Иванова исследует структуру простого предложения в рамках синтаксического поля [Иванова 1992]; О.В. Лаптева изучает поле русского устно-разговорного синтаксиса [Лаптева 1973].

Принимая во внимание многообразие имеющихся трактовок языкового поля в лингвистике, ученые фиксируют следующие его основные признаки. [Полевые... 1989: 5-6]. Перечислим главные из них.

1. Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой структурными отношениями.
2. Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию.
3. Поле может объединять однородные и разнородные элементы.
4. В структуру поля выделяются микрополя.
5. В составе поля выделяются ядерные и периферийные конститuentы.
6. Ядерные конститuentы наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конститuentами и обязательны для поля.
7. Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых ими функций; часть функций приходится на ядро, часть – на периферию.
8. Граница между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии является размытой.
9. Конститuentы поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля и наоборот.
10. Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов.

Таким образом, «полевой подход к языковым системам представлен как путь, ведущий к разработке «естественных» (содержательных) классификаций в языкознании, единственно соответствующих природе языковых явлений» [Павлов 1996: 2].

3.2. Понятие поля в теории элокуции и в неологии

Как было отмечено ранее [см. главы I, II настоящей работы], лексическая окказиональность рассматривается нами, с одной стороны, как предмет неологии, поскольку окказионализм для нас – это, прежде всего, *новая* единица речи, с другой – как предмет теории элокуции, как стилистически значимое средство выражения прагматики высказывания. В связи с этим обратимся к прецедентам полевого подхода к анализу различных языковых и речевых единиц в элокуции и в неологии.

Элементы системного описания экспрессивных синтаксических конструкций на основе принципа градационного ряда в аспекте теории поля были предприняты А.П. Сковородниковым в работе «Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка» [Сковородников 1981: 218-226]. Впервые в теории элокуции опыт выявления и описания микросистемы фигур (фонетических, лексических, грамматических, текстовых), построенных по частному принципу контаминации в кругу общего принципа асимметрии на разных уровнях языковой структуры, в рамках функционально-семантического поля экспрессивности представлен в монографии И.В. Пекарской [Пекарская 2000]. Как отмечает названный исследователь, попытка описания системы орнаментальных синтаксических средств в рамках полевого подхода через организующий принцип, прежде всего, «поможет вскрыть особенности их функционирования и степень их прагматической значимости», и, кроме того, «будет иметь практические результаты: станет возможным обучение воздействующей речи, способствующей эффективности коммуникации» [Пекарская 2000, ч. I: 190, 194].

Вслед за И.В. Пекарской, в рамках полевого подхода проводит свое исследование экспрессивных синтаксических конструкций, построенных по принципу синтаксического параллелизма, А.А. Кузнецова [Кузнецова 2003]. Инверсию подлежащего как разновидность синтаксических фигур в полевого аспекте рассматривает А.З. Тавасиева [Тавасиева 2002]. О.Н. Егорченко ана-

лизирует структурно-семантические типы фигуры антитезы, распределяя их по полевому принципу [см., например: Егорченко 2003, 2004].

Полевый подход в элокуции успешно применяется не только к анализу собственно фигур, но и к исследованию тропов. Так, на материале поля характеристики человека, используя функционально-номинативный подход, Е.А. Макарова описывает типологию русского эпитета [Макарова 1997]. Н.С. Федосеева исследует функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком языке [Федосеева 1997]. Лингвистический анализ метафоры-олицетворения в русских и белорусских поэтических текстах в рамках теории поля представлен в работе Е.А. Тихомировой [Тихомирова 1991]. Систему тропеических фигур, построенных по общему принципу сравнения, в рамках семантико-структурно-функционального поля экспрессивности всесторонне анализирует С.В. Лопаткина [Лопаткина 2004].

Таким образом, полевый подход успешно реализуется в теории элокуции, применительно к анализу тропов и фигур.

Что же касается неологии, то полевый подход к рассмотрению новых явлений языка (неологизмов) фиксируется нами лишь в одном исследовании. Так, автор статьи «Неологическое поле современного русского языка» Е.В. Сенько справедливо замечает, что «система лексических инноваций представляет собой полевою структуру, построенную на базе функционально-семантического признака» [Сенько 2003: 528]. Ученый подробно анализирует различные типы слов-неологизмов, отводя им определенное место в рамках единого неологического поля, построенного с учетом функционирования этих единиц (в ядре поля функция номинации).

Вместе с тем мы не встретили научных исследований, посвященных комплексному изучению лексической окказиональности в рамках теории поля. А тем более нами не зафиксированы попытки рассмотрения окказионализмов-элокутивов с точки зрения степени их участия в формировании прагматически значимого высказывания. Подобная попытка описания лексиче-

ской окказиональности в рамках теории элокутивного поля с фиксацией микрополей и общего медиополя и будет предпринята в настоящей работе.

Нами будет впервые рассмотрена система окказионализмов-элокутивов структурно-словообразовательного, семантического и семантико-словообразовательного типов в общем кругу лексической окказиональности в рамках функционального поля элокутивных речевых экспрессивных средств. Для фиксации данного поля релевантным является признак окказиональности, а при построении поля мы учитываем степень проявления интенсивности прагматического заряда окказионализма.

Данный системный подход к изучению окказионализмов-элокутивов позволяет, на наш взгляд, представить их разновидности как особым образом организованное целое, установить связи между его элементами, выявить семантические и функциональные особенности окказионализмов, проследить их взаимосвязи.

Под **элокутивным полем** мы будем понимать совокупность речевых (в данном случае лексических) единиц, объединенных общностью функционального сходства.

Остановимся на характеристике полевой организации лексических окказионализмов-элокутивов.

3.3. Полевая организация лексических окказионализмов-элокутивов

Система лексических инноваций (неологизмов и окказионализмов), как и любая другая система, характеризуется следующими признаками:

- 1) целостной структурой (наличие трех типов лексических окказионализмов в нашем языковом материале);
- 2) иерархичностью своей природы;
- 3) семантической общностью составляющих ее элементов;

4) единым контекстным (окказионализмы) и языковым (неологизмы) функционированием.

В связи со сказанным можно утверждать, что структура системы лексических инноваций носит полевой характер [Сенько 2003: 528]. В настоящем исследовании мы представим в виде поля только систему лексических окказионализмов, хотя в рамках единого поля могут быть организованы и окказионализмы других уровней языка.

Прежде чем представить полевое описание отдельных типов лексических окказионализмов-элокутивов, остановимся на характеристике определенной терминологии.

При построении элокутивного поля релевантными для нас станут термины «*макрополе*», «*медиополе*», «*микрополе*». ⁷³ Под **макрополем** будем понимать поле окказионализмов-элокутивов различных языковых уровней (от фонетического до синтаксического). **Медиополе** – поле *лексических* окказионализмов-элокутивов. **Микрополе** – поле отдельных типов лексических окказионализмов-элокутивов (структурно-словообразовательного, семантического и семантико-словообразовательного). ⁷⁴

Наше исследование представляет собой описание медиополя лексической окказиональности, в структуре которого мы выделяем микрополя каждого из подтипов (микрополе структурно-словообразовательных окказионализмов-элокутивов; микрополе семантических окказионализмов-элокутивов; микрополе семантико-словообразовательных окказионализмов-элокутивов). В медиополе окказионализмы объединяются на основе общности их функции – прагматической (воздействующей). Максимальная степень интенсивности проявления прагматики в окказиональной лексеме позволяет относить такие

⁷³ См.: **Макро...** [< гр. *takros* большой, длинный] – часть сложных слов, означающая: «большой», «относящийся к большим размерам, величинам», ср. *микро...* *микро...*) [Словарь иностранных... 2000: 359].

Медио... [лат. *medio* среднее значение] [там же: 373].

Микро... [< гр. *micros* малый] – первая составная часть сложных слов, указывающая на малую величину чего-л., ср. *макро...* [там же: 383].

⁷⁴ Указанная терминология принимается нами вслед за И.В. Пекарской, которая говорит о существовании макро-, медио- и микрополей стилистических фигур. Исследователь определяет данные термины следующим образом: *макрополе* – поле стилистических фигур различных языковых уровней; *медиополе* – полестилистических фигур, построенных по какому-либо принципу; *микрополе* – поле фигур отдельных языковых уровней [Пекарская 2000].

единицы к ядру медиополя.⁷⁵ Если представить поле в виде сферы, то его единицы будут располагаться слоями на разном удалении от ядра в зависимости от степени проявления в них экспрессивности, уже – образности (образно-характеристическая функция является основной функцией окказионализмов-элокутивов), которая наиболее ярко представлена в ядре (центре) поля и постепенно угасает при удалении к его периферии (функция номинации). Таким образом, вся структура медиополя пронизана категорией интенсивности, которая фигурирует в большей или меньшей степени на каждом уровне поля. Созданная система может быть логично вписана в общее макрополе окказиональности, скорее всего, в ядерную зону этого поля. Как отмечают исследователи, медиополя тропов и фигур носят семантико-структурно-функциональный характер (см., например, Лопаткина 2004; Пеккарская 2000). В отличие от медиополя тропов и фигур, медиополе лексических окказионализмов-элокутивов носит не семантико-структурно-функциональный, а только функциональный характер, поскольку мы не можем говорить об объединении всех трех типов в единое поле на основе общности семантики и структуры окказиональных лексем.⁷⁶ Как отмечает Е.В. Сенько, коннотативная сема значения, будучи обязательным признаком нового слова, влияет, прежде всего, на специфику его функционирования. В связи с этим неологическое поле ученый строит с учетом, прежде всего, функционального признака. Для неологизмов этим признаком является их способность к номинации [Сенько 2003]. В противоположность сказанному в ядерную зону окказионального поля мы включаем окказионализмы, выполняющие экспрессивную функцию (ср.: неологизмы называют, окказионализмы выражают отношение). Прагматический потенциал окказионализма-элокутива тем выше, чем ярче, интенсивнее проявляется его экспрессивность. Представим сначала микрополя отдельно взятых типов окказионализ-

⁷⁵ О соотношении структурно-семантических и функциональных особенностей в окказионализмах-элокутивах рассматриваемых типов см. обобщающую таблицу в главе II.

⁷⁶ Нельзя полагать, что все три типа окказионализмов характеризуются новизной формы и значения (это отличает только семантико-словообразовательный тип).

мов-элокутивов, на их основе сформируем медиополе лексической окказиональности.

3.3.1. Полевая организация структурно-словообразовательных окказионализмов-элокутивов

Ранее мы отмечали, что окказионализмы данного типа выполняют в речи номинативно-стилистическую и экспрессивную функции, то есть служат целям не собственно номинации, а через различные коннотации выражают отношение адресанта к предмету речи [см. глава II настоящей работы].

Как свидетельствует языковой материал, специфика проявления *номинативно-стилистической функции* в том, что окказионализмы структурно-словообразовательного типа всегда оказываются стилистически маркированными по сравнению со своим узуальным синонимом. В большинстве случаев их стилистическая принадлежность оказывается разговорной.

(1) *Сгнули... Ни писем, ни повестки –*

Без вести почившие до срока.

*Сгнули, и к дому малой **вестки***

На хвосте не принесла сорока (Г. Ворошилов. На полянах...). – *Вестка = весть.*

(2) *Чехия, Прага. Слет самых **североатлантических** и альянсных...*

(Комок. №47.2002). – *Североатлантический = североатлантический.*

(3) *Ищу, куда бы укрыться мне в этой **грустыне*** (И. Северянин. Озеро Лийв). – *Грустыня = грусть.*

Окказионализмы, выполняющие *эмоционально-оценочную экспрессивную функцию*, не только несут информацию о стилистической маркированности данной единицы, но и содержат дополнительные эмоционально-оценочные коннотации. Этот факт и отличает их друг от друга.

(1) *Слезы лились потоком – **стыдища!**..* (Е. Евтушенко. Нюшка). –

Стыдища = стыд.

(2) *И тогда, не смущаясь нимало,*

Финкарями спорили мы льва... (Е. Евтушенко. Итальянские слезы). –

Финкарь = финка.

(3) *И когда шовинюги еще доплеснули бензина на чучело...*

(Е. Евтушенко. Монолог чучела). – *Шовинюга* = шовинист.

(4) *Вы сами сказали: «Водку не люблю», – а раз так, остается только коньяк. Хотя, может, вискарь предпочитаете?* (Д. Донцова. Фокус-покус от Василисы ужасной). – *Вискарь* = виски. В приведенных иллюстрациях окказионализмы содержат коннотации стилистической маркированности (*разгов.*) и пейоративной оценки, которые вносит тот или иной структурный мотиватор. Экспрессивность лексем последней группы часто усиливается за счет перевода окказионализма в иную грамматическую плоскость по сравнению с узуальным синонимом: (1) – форма женского рода; (2) – форма мужского рода; (4) – несклоняемое существительное становится изменяемым.

Таким образом, становится очевидным, что в ядре функционального поля окказионализмов-элокутивов данного типа располагаются лексемы, выполняющие экспрессивную функцию, на периферии – номинативно-стилистическую. Интенсивность экспрессивности окказиональных единиц ослабевает от ядра к периферии. Представим сказанное в виде схемы.

Рис. 3.1. Полевая организация структурно-словообразовательных окказионализмов-элокутивов

3.3.2. Полевая организация семантических окказионализмов-элокутивов

Ранее мы указывали, что окказиональные единицы данного типа выполняют в контексте экспрессивную функцию, которая реализуется в эмоционально-оценочном и образно-характеристическом подтипах, [см. главу II]. Кроме того, в разговорной речи экспрессивная функция часто совмещается с номинативно-компрессивной.⁷⁷ Поскольку мы рассматриваем окказионализмы в элокутивном аспекте, максимальную релевантность приобретают те из них, которые представлены фигуральными образованиями, в данном случае тропеическими и нетропеическими (амфиболия) фигурами. Как известно, тропы служат, прежде всего, целям создания образа, кроме того, дают называемому характеристику, усиливают впечатление от сказанного, выражают эмоциональное отношение. Считаем достаточным ограничиться двумя первыми признаками из названных, объединив их в образно-характеристическую функцию.

Таким образом, в ядре функционального поля окказионализмов данного типа находятся единицы, выполняющие в речи образно-характеристическую функцию. Рассмотрим примеры.

(1) *Как ни горько это слышать любительницам туфельек на низком каблучке и плоской подошве: победа опять осталась за «высокомерной» обувью* (КП 15.06.2005). – «Высокомерный» (по отношению к обуви: на высоком каблучке).

(2) *Присмотритесь, и вы увидите «остолбеневших» – появились люди всех возрастов у автоматов-столбиков* (КП 16.06.2005). – «Остолбеневший» – неподвижно и долго стоящий у игрового автомата в виде столбика.

⁷⁷ Номинативно-компрессивная функция реализуется, прежде всего, при создании семантико-словообразовательных окказионализмов типа *горнолыжка*, *Дзержинка*, однако, нам думается, что с определенной долей самобытности она характерна и для окказионализмов семантического типа.

(3). *Мне там вошьют особую «торпеду», чтоб я не пил* (Е. Евтушенко. Северная надбавка). – «Торпеда» – предмет, вшиваемый под кожу страдающим алкоголизмом (сходство внешней формы).

(4) – *Недавно сюда тетку привезли, хотела к отпуску «уши» на бедрах убрать* (Д. Донцова. Любимые забавы папы Карло). – «Уши» – жировые отложения, напоминающие уши по форме. В примере (4) образно-характеристическая функция осложняется эмоционально-оценочной (ирония).

В представленных иллюстрациях в образно-характеристической функции выступают окказиональные метафоры, основанные на сходстве формы обозначаемых предметов. Как известно, метафора – наиболее частотный тип переноса наименования. «Сама когнитивная система метафорична по своей сути, следовательно, метафора... пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, восприятии, памяти и деятельности, поведении» [Шитикова 2002: 10].

(5) *В России снова пытаются запретить «праворукие» автомобили* (Взгляд 19.05.2005). «Праворукий» – автомобиль с правосторонним управлением.

(6) *«Кожа» села верхом на «джинсы» и принялась бить мужчину лбом об пол* (Д. Донцова. Фокус-покус от Василисы ужасной). Метонимические переносы по принципу *часть ↔ целое*.

Представляется целесообразным экспрессивную функцию окказиональных семантических амфиболий также именовать образно-характеристической. Хотя амфиболия и не является тропом, специфика ее проявления в окказиональном контексте как раз в том, что она создает образность за счет каламбурного обыгрывания омонимии языкового и речевого значений.

(1) *Сплошное надувательство* (МК 10.06.2005). [Речь в статье под таким заголовком идет о своеобразном развлечении гостей Сочинского кинофестиваля: надувании ртом медицинских грелок].

(2) *Латвия «озеленит» Россию* (КП 04.06.2005). – «Озеленить» – снабдить долларами. В данном случае амфиболия возникает на основе метонимии (признак цвета [часть] переносится на целое [процесс]). Образность подобных окказионализмов является как бы вторичной, возникающей после соотнесения языкового знания с окказиональным содержанием.

На ближайшей (второй от центра ядра) приядерной зоне мы фиксируем семантические окказионализмы с доминирующей эмоционально-оценочной функцией, которая, прежде всего, передает эмоциональное отношение говорящего к предмету речи через позитивно-оценочной или негативно-оценочный настрой. Образно-характеристическая функция отходит на второй план.

(1) *Пойдешь к неопытному **пломбиру** – считай кариес будет прогрессировать* (Аргументы успеха 05.02.2003). – *Пломбир* = стоматолог.

(2) *А он по жизни **противень**, каких свет не видал* (ЭГ № 23.2003). – *Противень* = противный человек.

В приведенных иллюстрациях окказионализмы в контексте передают эмоциональную тональность ироничности и выражают пейоративную оценку предмета речи. Образность здесь вторична и возникает через соотношение окказионализма с узуальной лексемой.

Как показывает языковой материал, минимальная степень проявления экспрессивности у тех окказиональных лексем, которые в разговорной речи создаются с целью компрессивной номинации. Речевая практика их употребления свидетельствует о том, что присущая им природная экспрессия постепенно стирается.

(1) *Там они наконец нашли подходящий «**винт**»...* (Комок 19.07.2005). – «*Винт*» = *винчестер от компьютера*. (2) *Без «**пенки**» спать на земле нельзя* (Версия 15 – 21.08.2005). – «*Пенка*» = *пенополиуретановый коврик*.

Как явствует из сказанного, спецификой функционального поля окказионализмов-элокутивов семантического типа является наличие четко определяемого ядра с одной приядерной зоной и периферии.

Представим сказанное в виде схемы.

Рис. 3.2. Полевая организация семантических окказионализмов-элокутивов

3.3.3. Полевая организация семантико-словообразовательных окказионализмов-элокутивов

Как было отмечено, окказионализмы данного типа обладают максимальной интенсивностью проявления релевантных для построения поля семантико-структурно-функциональных признаков. Во-первых, это единицы с новой структурой и семантикой, во-вторых, они обладают практически всеми из выделенных нами функций: образно-характеристической, эмоционально-оценочной; номинативно-компрессивной, номинативно-конструктивной, собственно номинативной (перечислены по мере угасания экспрессивности).

Как показывает языковой материал, в ядре поля расположены контаминированные по структуре и семантике окказиональные фигуральные образования. Такие единицы, как было отмечено, обладают максимальной степенью образности, кроме того, как правило, выражают и оценку.

(1) *Я хотел бы родиться во всех странах, (а)*

*Быть **всепаспортным** к панике (б) бедного МИДа... (в)*

***Всеязыким** хотел бы я быть,*

Словно тайные воды под почвой. (г)

***Всепрофессейным** сразу* (Е. Евтушенко. Я хотел бы...). *Гиперболические эпитеты + метонимия.* Данный контаминированный троп укрупняет образ человека вселенной, не имеющего барьера ни в чем и ни перед чем. Экспрессивность контекста усиливается за счет использования конвергенции: *гипербола (а) → метафора + метонимический эпитет (б, в) → сравнение (г).* Контекст эмоционально насыщен: говорящий высказывает недовольство сложившейся ситуацией через стремление к иной реальности.

(2) *... я встал – и сел в «погибель на колесах»...* (В. Высоцкий. Песня автомобилиста). *Окказиональный перифраз.*

(3) *Шевельнув сознанием **подсуконным**,*

Прямо в душу выпальнет из танка:

«Вам – не предусмотрено законом,

Потому как без вести... гражданка»... (Г. Ворошилов. На полянах...) – *«Подсуконный»* (в данном контексте: бюрократичный, бездушный, жестокосердный, не способный понять, помочь). *Метонимический эпитет.*

(4) *Виновата ли я, что эпохе было некогда до меня,*

*Что росла на **черняшке**, картохе,*

О фигуре не думала я!.. (Е. Евтушенко. Нюшка). *Метафора* создает образ грубой, «черной» пищи + передает эмоциональное отношение. Приведенные иллюстрации отражают образно-характеристическую функцию.

В ядре поля расположены также семантико-словообразовательные окказионализмы, выполняющие эмоционально-оценочную функцию (они находятся чуть дальше от центра).

(1) *«У нас **бабовщины** нет» – утверждают самые прелестные девушки Вооруженных сил, приехавшие в «МК»* (МК 03.06.2005). Данный окказионализм построен по известной модели, по конкретному образцу (ср.: *дедов-*

щина). Как отмечают исследователи, такие образования обладают особой экспрессивностью. Так, С.В. Ильясова замечает: «Чем больше оказывается дистанция между словом-образцом и словом-новообразованием, тем сильнее эффект неожиданности» [Ильясова 2002: 198]. У данного окказионализма семантика достаточно предсказуема, поскольку антонимична узуальной. Такие случаи достаточно частотны в окказиональном словообразовании [там же]. Слово «дедовщина» в языке стилистически маркировано. Словарь дает помету *прост., неодоб.* [Ожегов, Шведова 1992: 158]. Окказиональный антоним сохраняет коннотацию неодобрительно, однако она воспринимается иронически.

(2) *Полны лужицы водички*

Аж по самые края...

*«Где ты, **птичка-симпатичка,***

Трясогузочка моя?!» (Г. Ворошилов. Нет небесным тучкам...). Данный окказионализм положительно окрашен, автор передает свою симпатию к называемому. Общая экспрессивность усиливается за счет использования суффиксов субъективной оценки (*водичка, трясогузочка, птичка*).

(3) *Если будет один **задериха,** другой – **неспустеха,** такие семьи распадаются* (Разговорная речь). Представлены семантико-словообразовательные окказионализмы, выполняющие эмоционально-оценочную функцию.

На ближайшей периферии находятся окказионализмы, выполняющие номинативно-компрессивную (1, 2, 3) и номинативно-конструктивную функции (4, 5).

(1) *Причем, фольклорные коллективы обычно исполняли «**этнику**» не в чистом виде, а в современной обработке* (Взгляд 14.07.2005). – «**Этника**» = этническая музыка.

(2) *Когда пути не различая, ты понеслась по крови луж,*

*Русь – птица-тройка **чрезвычайки,** кренясь от груза мертвых душ?* (Е. Евтушенко. «Возрождение»). – *Чрезвычайка* = чрезвычайная ситуация.

Позволим себе некоторые комментарии данного примера. Рассматривая приведенный окказионализм вне данного контекста, его функцию можно определить как номинативно-компрессивную, анализируя лексему в авторском контексте, можно говорить о большей степени экспрессивности по сравнению с изолированным употреблением. Это связано с тем, что окказионализм функционирует в кругу других орнаментальных средств (*кровь луж, Русь – птица-тройка* – индивидуально-авторские метафоры; *Русь – птица-тройка чрезвычайки, кренясь от груза мертвых душ* – аллюзия + реминисценция). Подобные факты как раз и характеризуют отсутствие четкой границы между ядром и периферией микрополя.

(3) *В результате в «Экспресске» вышел веселый материал, который неожиданно разгневал уважаемую юбиляришу (ЭГ №31.2005). – «Экспресска» – Экспресс газета.*

Как отмечает Е.А. Земская, «В сфере обозначения предметов (в широком смысле, то есть не лиц) лидируют универбаты на *-ка-* – наиболее активное средство компрессии в словообразовании» [Земская 2000: 118]. Исследователь говорит о том, что подобные образования (1, 2, 3) из принадлежности разговорного языка успешно переходят в другие сферы функционирования (об этом свидетельствует наш языковой материал).

(4) *«Деловые переговоры: как дожидаться банкета или сауны. Эффективный саунинг и банкетинг» (Комок 12.07.2005).*

(5) *О, как мне заставить все это представить тебя, недоверу?* (Е. Евтушенко. Любимая, спи...). – *Недовера* – та, которая не доверяет.

На дальней периферии функционального поля элокутивной окказиональности расположены лексемы с собственно номинативной функцией. Они находятся в пограничной зоне с неологизмами, поскольку могут при определенных условиях стать фактами языковой практики. «При благоприятных условиях окказионализмы могут переходить в лексические инновации языка, и в этом смысле состояние окказиональности можно рассматривать как временное, переходное, характерное для одной из стадий существования языка»

[Сенько 2000а: 21]. Прежде всего, сказанное касается окказионализмов, функционирующих с целью номинации. У таких лексем самая минимальная степень экспрессивности.

(1) ...в нем была опубликована статья журналистки Морин Орт, которая многие годы занимается «джексоноведением» (МК 06.06.2005). – «Джексоноведение» – исследование жизни и творчества Майкла Джексона.

(2) «**Правдоанализатор**» голоса (Шанс 11-17.08.2005). [Речь идет об изобретении нового устройства, анализирующего голос человека на степень правдивости сказанного].

Таким образом, степень интенсивности проявления прагматики в семантико-словообразовательных окказионализмах трехступенчата.

I. У окказионализмов, выполняющих образно-характеристическую и эмоционально-оценочную функции, она максимальна (экспрессивность формы и содержания).

II. У лексем с номинативно-компрессивной и номинативно-конструктивной функциями минимальна (экспрессивность новизны).

III. У окказионализмов с собственно номинативной функцией она практически сведена к нулю (экспрессивность новизны). Они близки к неологизмам.

Мы не ставим своей целью включить в микрополе семантико-словообразовательных окказионализмов каждое из охарактеризованных нами (см. главу II) фигуральных средств (тропов и фигур). Функционирование многих из них, например, антитезы, настолько специфично, что пока просто не может быть бесспорно определено для них свое, конкретное место в структуре микрополя. В работе подчеркнуто, что все тропеические и фигуральные окказиональные образования так или иначе экспрессивны, а потому занимают полноправное место в ядре микрополя семантико-словообразовательных окказионализмов и в ядре медиополя лексической окказиональности.

Мы предприняли попытку лишь общего описания в структуре микрополя наиболее частотных явлений функционирования окказионализмов данного типа. При этом всецело полагаем, что все описанные нами тропеические и большинство фигуральных образований (аллюзия, антономасия, оксюморон) так или иначе способны выступать в образно-характеристической и эмоционально-оценочной функциях, а значит, экспрессивны и прагматически значимы. На уровне контекста они всегда создают определенный образ, сохраняя при этом и другие характерные для них функции. Р.Ю. Намитокова, один из известных исследователей авторских новообразований, предлагая свою классификацию их функций, замечает, что образная функция проявляется в большинстве окказионализмов в том случае, если в них акцентируются ранее не отмеченные в уже известных понятиях признаки [Намитокова 1989: 31]. Мы полагаем, что это утверждение справедливо по отношению к подавляющему большинству окказиональной лексики, к фигуральным образованиям, прежде всего.

Покажем схематично распределение окказионализмов данного типа в рамках функционального поля экспрессивности.

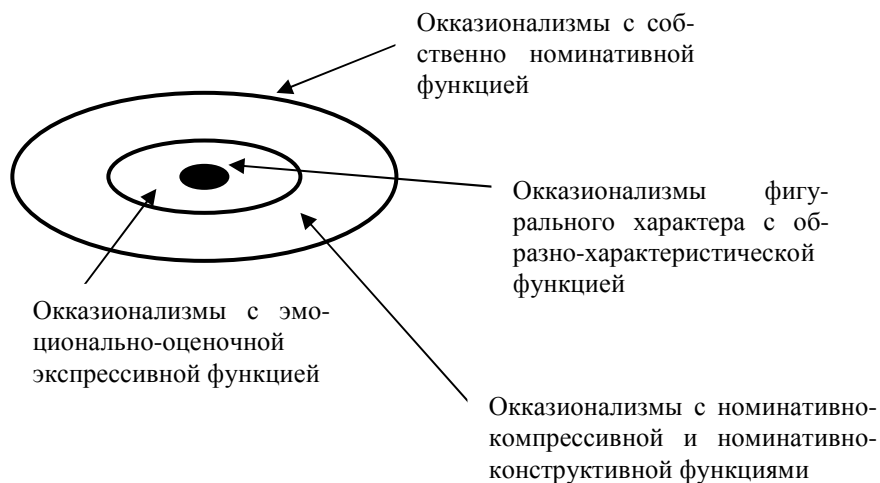

Рис. 3.3 Полевая организация семантико-словообразовательных окказионализмов-элокутивов

Итак, мы представили микрополя окказионализмов-элокутивов лексического типа, построенные с учетом интенсивности проявления прагматики в конкретной лексеме. На основе сопоставления данных микрополей представим **элокутивное медиополе лексической окказиональности**. При этом мы принимаем во внимание то, что описанные микрополя как бы накладываются друг на друга, образуя единое медиополе. [Формально микрополя трех типов лексических окказионализмов показаны на схеме в виде сегментов].

Примечание:

Тип А – семантико-словообразовательные окказионализмы: **Ia** – *семантико-словообразовательные окказионализмы, выполняющие экспрессивную функцию*, **IIa** – *семантико-словообразовательные окказионализмы, выполняющие номинативно-компрессивную и номинативно-конструктивную функции*; **IIIa** – *семантико-словообразовательные окказионализмы, выполняющие собственно номинативную функцию*.

Тип В – семантические окказионализмы: **Ib** – *семантические окказионализмы, выполняющие экспрессивную функцию*, **IIb** – *семантические окказионализмы, выполняющие номинативно-компрессивную функцию*.

Тип С – структурно-словообразовательные окказионализмы: **Ic** – *структурно-словообразовательные окказионализмы, выполняющие экспрессивную функцию*, **IIc** – *структурно-словообразовательные окказионализмы, выполняющие номинативно-стилистическую функцию*.

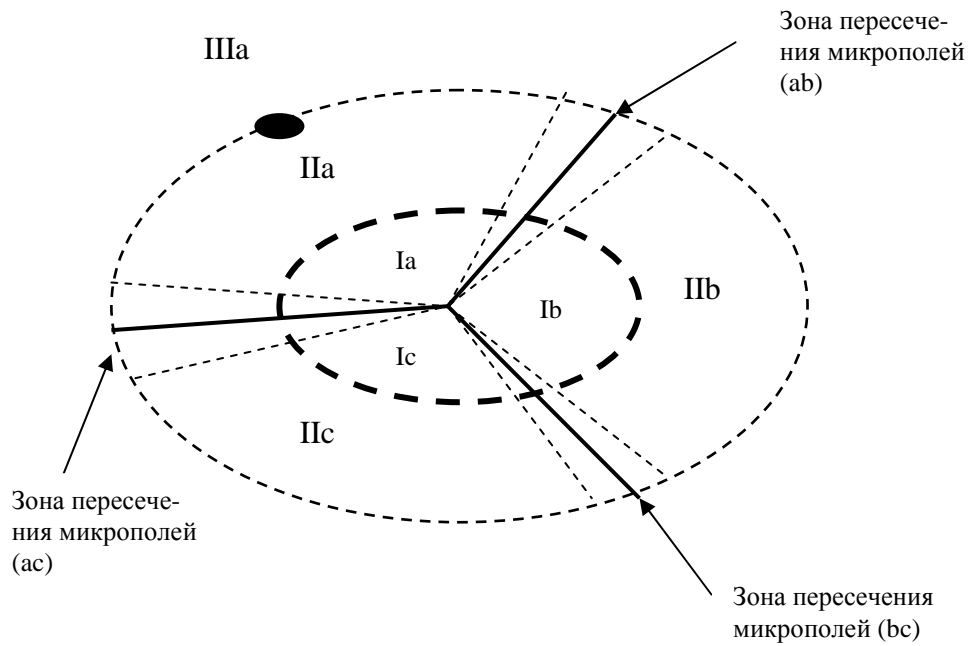

Рис. 3.4. Элокутивное медиополе лексической окказиональности, построенное с учетом функционального критерия

Рассмотрим структуру медиополя и отношения между микрополями окказионализмов. Как было отмечено ранее, в ядре поля расположены семанτικο-словообразовательные и семантические окказионализмы-элокутивы, выполняющие в речи образно-характеристическую функцию (это фигуральные образования): *серебристо-радостная скорбь* (И. Северянин) – метафорический эпитет, *листоверть* (Г. Ворошилов) – метафора; *голимое лето* [речь идет о нудистских пляжах] (ЭГ № 31.2005) – метафорический перифраз, *зачистить* = *убить* – метонимия (Д. Щербаков).⁷⁸ В ядерной зоне, но чуть дальше от центра мы фиксируем окказионализмы-элокутивы трех названных типов, выполняющие эмоционально-оценочную функцию: *ласкушки* = *ласковые слова* (Взгляд 09.09.2004), *SMASHонок* = *солист* *музгруппы* «СМЭШ» (МК 06.06.2005), *русская простиТурция* (АиФ № 40.2005); *анти-депрессант* = *некачественный алкоголь* (МН 12-18.02.2002); *апилец* =

⁷⁸ На схеме это обозначено как центр ядра (черный круг).

апелляция (МК 31.07.2003), *шовинюги* (Е. Евтушенко).⁷⁹ Периферийная зона характеризуется распределением окказионализмов всех трех типов, выполняющих номинативную функцию с отмеченными разновидностями. На ближней периферии мы фиксируем следующие окказионализмы: семантико-словообразовательные, выполняющие номинативно-компрессивную и номинативно-конструктивную функции: «*ювелирка*» = *небольшой ювелирный магазин* (Собеседник 10-16.08.2005), *экспресска* = *Экспресс газета* (ЭГ №31.2005); «*барбаристы*» = *фанаты сериала «Санта-Барбара»* (ЭГ № 31.2005), *путанить* = *заниматься проституцией* (ЭГ № 31.2005); семантические (номинативно-компрессивная функция): *клава* = *клавиатура компьютера* (Комок 12.07.2005); структурно-словообразовательные (номинативно-стилистическая функция): *фортка* = *форточка* (Б. Пастернак). На дальней периферии расположены семантико-словообразовательные окказионализмы, выполняющие в речи собственно номинативную функцию: «*джексоноведение*» = *изучение жизни и творчества М. Джексона* (МК. 06.06.2005). Таким образом, максимальная степень экспрессивности у окказионализмов всех трех типов, находящихся в ядре поля (экспрессивность формы и содержания), минимальная экспрессивность у окказионализмов, способных к номинации (экспрессивность новизны окказиональной единицы). Следовательно, максимальным воздействующим потенциалом обладают окказионализмы ядерной зоны. Как явствует из сказанного, в ядро медиополя входят окказионализмы, обладающие рядом интегральных признаков, в зону периферии – обладающие дифференциальными признаками.

Аттракция (притягивание элементов), как один из признаков поля, характеризуется тем, что ядерная зона окказиональных лексем постоянно пополняется новыми единицами. Это говорит о незамкнутости, открытости данной системы. Как видно из приведенной схемы, между центром и периферией нет четкой границы (на схеме это отражают пунктирные линии).

⁷⁹ Для удобства мы пронумеровали ядерную зону целиком, не отмечая цифрами центр. То есть в ядре окказионализмы всех трех типов, выполняющие экспрессивную функцию.

Данный тезис подтверждает наш языковой материал. Рассмотрим сказанное на примере. *Мы живем под знаком **Компры*** (А. Вознесенский. Увертюра). – *Компра* от компромат, компрометация. Данный окказионализм представляет собой метафору (олицетворение) и выполняет в контексте образно-характеристическую (создает образ некоего живого существа, порочащего всех и все) и эмоционально-оценочную (негативная оценка) функции. В ином контексте окказионализм *компра* мог бы выполнять номинативно-компрессивную функцию (использоваться с целью «сокращенной» номинации), например, в разговорной речи. Таким образом, используя в индивидуально-авторском контексте, лексема будет находиться в ядре элокутивного поля, при иных условиях – на периферии. Представленные комментарии характеризуют и следующий пример: *В Абакане активизировались «форточки»* (Взгляд 14.07.2005). – «Форточник» = *вор, проникающий через открытые форточки*. Представлен метонимический перенос. Названный окказионализм выполняет в контексте образно-характеристическую функцию, при условии закрепления лексем в речевой практике, она может функционировать как номинативно-компрессивная, перемещаясь, таким образом, в периферийную зону поля.

Одним из признаков поля, как известно, является то, члены смежных полей могут накладываться друг на друга. Достаточно четко это можно проследить при совместном анализе окказионализмов семантического и семантико-словообразовательного типов. Семантические окказионализмы, значение которых никак не связано с узуальным синонимом (тип А в нашей классификации), по структурно-семантическим особенностям гораздо ближе к семантико-словообразовательному типу, чем семантические окказионализмы-тропы. Данный процесс особенно ярко проявляется в детской речи, когда говорящий никогда не соотносит созданную им форму с узуальным синонимом. (1) – *Мама, ты не забыла купить молоко? А то я волнуюсь. Я вообще такая волнушка* (Детская речь. Взято из: Собеседник 10-16.08.2005). Приведенный окказионализм чересступенчато образован от глагола *волноваться*.

Другой пример, в котором уже прослеживается установка на экспрессивность. (2) «*Отличное задание*» (ЭГ № 31.2005) [Отыщите пять отличий у данных картинок]. Прилагательное образовано от глагола *отличить*, суффикс *-н-* выбран намеренно с установкой на обманутое ожидание, каламбур. Подобные окказионализмы по форме представляют собой образования, тождественные узуальным, а по семантике всегда соотносятся не с узуальной лексемой, тождественной по форме, а с производящим узуальным словом (*волноваться* → *волнушка*, *отличить* → *отличный*). Данный процесс как раз и отражает пограничные явления, случаи наложения окказионализмов и окказиональных микрополей друг на друга.

Таким образом, мы впервые предприняли попытку описания лексических окказионализмов в рамках полевой системности, в основе которой лежит функциональный принцип ее построения. Мы далеки от мысли считать предложенную схему универсальной со временем, безусловно, она будет уточняться и дополняться. Думается, что это лишь один из возможных подходов к полемому описанию лексической окказиональности. В перспективе могут быть рассмотрены как структурные, так и семантические медиополя лексических окказионализмов. Кроме того, в рамках каждого из зафиксированных микрополей могут быть проанализированы по принципу ядра и периферии фигуральные и нефигуральные образования с описанием каждой отдельной фигуры. Данное медиополе в перспективе займет свое место в общем макрополе окказионализмов.

3.4. Выводы по главе

1. В данной главе нами была предпринята попытка полевого описания лексической окказиональности в рамках элокутивного подхода к описанию названного речевого явления. Мы доказали, что полевой подход к анализу различных языковых и речевых единиц достаточно продуктивен в современ-

ном языкознании как одна из форм их систематизации. Вместе с тем в языкознании наиболее исследованными оказываются только семантические поля как особые группировки лексических единиц и ФСП как объединения, построенные на основе общности выражаемого значения языковых единиц различных уровней.

2. В теории элокуции, а также в неологии, в рамках которых мы и рассматриваем лексическую окказиональность, прецедентов полевого описания различных языковых/ речевых явлений достаточно мало. Прежде всего, в элокуции это касается изучения традиционных орнаментальных средств (тропов и фигур), а в неологии – описания в рамках поля неологизмов. Тем более мы не встретили исследований, посвященных комплексному описанию речевых экспрессивных единиц, окказионализмов в частности, в рамках полевого анализа. Такую попытку мы предприняли в работе.

3. На основе анализа структурно-семантических и функциональных особенностей лексических окказионализмов-элокутивов различных типов мы построили микрополя структурно-словообразовательных, семантических и семантико-словообразовательных окказионализмов. Релевантным признаком при построении элокутивного медиополя и микрополей каждого типа в отдельности мы избрали характер функционирования окказиональной единицы. Как известно, отличительной чертой окказиональной лексики является ее способность к созданию особой прагматики, которая проявляется в большей или меньшей степени за счет специфики функционирования окказионализма. В зависимости от интенсивности проявления прагматического потенциала в окказионализме мы и распределили данные единицы по ядерной и периферийной зонам поля. В ядерной зоне каждого из них находятся единицы, выполняющие экспрессивную функцию с образно-характеристической и эмоционально-оценочной разновидностями. Ими являются фигуральные и нефигуральные образования. На периферии элокутивного поля мы разместили окказионализмы, выполняющие номинативную функцию в ее разновидностях. Принцип ядра и периферии характерен для каждого микрополя.

4. На основе анализа микрополей мы сформировали элокутивное функциональное медиополе лексической окказиональности, в котором максимальная интенсивность экспрессивности в ядерной зоне у окказионализмов всех трех типов с образно-характеристической и (или) эмоционально-оценочной функциями. Интенсивность проявления экспрессивности уменьшается от ядра к периферии. Она минимальна у окказионализмов, способных к номинации.

5. Мы показали, что медиополе окказионализмов-элокутивов носит незамкнутый характер, это проявляется в том, что данная система постоянно пополняется новыми единицами. Кроме того, границы микрополей отдельных типов окказионализмов могут пересекаться (это особенно характерно для семантических и семантико-словообразовательных окказионализмов), что свидетельствует об их взаимодействии. У ядерной и периферийной зон нет четкой границы, это говорит о том, что при различных условиях (например, переходе лексемы из индивидуально-авторского употребления в массовую речь) возможно перемещение лексемы из ядерной в периферийную зону.

6. Описанное нами медиополе лексической окказиональности представляет собой составную часть макрополя окказиональности как речевой прагматически значимой категории, которая проявляется на различных уровнях языковой системы. Формирование и описание такого макрополя с учетом проявления экспрессивности его членов (единиц различных языковых уровней) – задача будущих исследований.

7. Применение полевого подхода при описании и изучении лексической окказиональности в частности и окказиональности в целом позволит представить данные явления во всех связях и отношениях друг с другом, полнее проанализировать их семантические, структурные и функциональные особенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель диссертационного исследования заключалась в системном (семантико-структурно-функциональном) описании лексической окказиональности в рамках теории элокутивного поля.

1. Нами была освещена проблема рассмотрения явления окказиональности в современном отечественном языкознании. Мы проанализировали три основных направления, в рамках которых изучается названное явление. В рамках таксономического подхода нами рассмотрены следующие аспекты анализа: словообразовательный, ономаσιологический, лексикологический, лексикографический. Для словообразования и лексикологии релевантным признается изучение способов и моделей образования новых явлений языка/речи, выявление различных признаков окказиональных лексем, отличающих их от канонических слов и неологизмов, изучение механизмов вхождения речевых единиц в узуальную практику и т.п. В лексикографической практике ведется работа по фиксации новых явлений языка/речи в специальных словарях. Ученые-ономаσιологии и психолингвисты исследуют причины и способы порождения новых слов; в рамках функционально-прагматического аспекта окказиональность изучается с точки зрения ее влияния на эмоционально-экспрессивную сторону текста.

В работе обосновывается целесообразность выделения в рамках функционально-прагматического подхода элокутивного аспекта исследования окказиональности, который определен как такой, в котором окказиональность, в частности лексическая, рассматривается с точки зрения участия в порождении прагматически значимого высказывания в качестве речевого экспрессивного средства.

2. Релевантными в работе признаны понятия «норма», «узус», «отступление от нормы», «речевая ошибка», «прием», «окказионализм», «неологизм», между ними установлена определенная взаимосвязь.

Норма – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе коммуникации [Лингвистический... 1990: 337]. Данная категория ориентирована на язык.

Узус – совокупность речевых навыков, принятых в данном обществе, по употреблению языковых единиц. Это категория ориентирована на речь. Норма и узус тесно взаимодействуют и представляют собой варианты реализации языковой системы.

Отступления от нормы – это значимые и незначимые изменения в речевом употреблении единиц обычного нормированного языка.

Речевые ошибки – необоснованные какими-либо намерениями любые нарушения языковых норм.

Отклонение-прием – значимые изменения в употреблении единиц. Намеренное, мотивированное целями общения, ситуацией нарушение любых языковых норм.

Окказионализм определяем как любое отступление от нормы. Явление окказиональности рассматриваем в двух аспектах: ортологическом и элокутивном. В первом случае имеем дело с индивидуальным употреблением, возникающим по причине незнания нормы. Во втором случае норма нарушается намеренно с целью воздействия, следовательно, окказионализм рассматривается нами как прием воздействия. Для удобства обозначения названных явлений вводим соответствующие термины «**окказионализм-какология**», «**окказионализм-элокутив**».

Окказионализм-элокутив – преимущественно речевая (в отличие от неологизма), экспрессивная единица любого языкового уровня, обладающая свойствами невоспроизводимости (творимости), ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности (если это слово). В широком смысле – это любая «мотивированная неправильность, носящая целесообразно организованный характер» [Лыков 1971: 78]. **Неологизм** – языковая единица (слово, словосочетание), необходимая для номина-

ции новой реалии (в широком смысле), «создаваемая в полном соответствии со структурой и общекатегориальным значением определенного словообразовательного типа» [Гончаренко 1978: 4].

3. В работе представлена следующая классификация лексических окказионализмов (окказионализмов, реализующихся на уровне слова и словосочетания). В основу принятой типологии кладется структурно-семантический критерий, отражающий изменения в семантике и структуре окказиональной единицы по сравнению с узуальной. В соответствии с этим мы говорим о трех типах лексической окказиональности. **А.** Если в окказиональной единице произошли изменения со стороны означающего, то есть ее структуры (морфемного состава), то такие лексемы названы нами **структурно-словообразовательными**. **Б.** Если изменения произошли со стороны означаемого, то есть семантики, то окказионализмы именуются **семантически-ми**. **В.** Когда деформация затронула означающее и означаемое, то есть семантику и структуру, перед нами окказионализмы **семантико-словообразовательного** типа.

4. Лексическую окказиональность рассматриваем в аспекте теории элокуции. Теория элокуции занимается исследованием тропов и фигур, а также лексических, фразеологических и других экспрессивов.

В работе проводилось соотношение некоторых основных понятий элокуции, аргументировалась принимаемая точка зрения.

Вслед за А.П. Сковородниковым и Г.А. Копниной рассматриваем тропы, фигуры, окказионализмы в кругу стилистических приемов. **Стилистический прием** – способ организации высказывания (предложения, части текста или текста в целом) на основе прагматически мотивированного отклонения от языковой нормы, или ее нейтрального варианта, или речевой нормы с целью ее определенного воздействия на адресата.

Тропы – обороты речи, в основе которых лежит переносное употребление слов.

Стилистические фигуры трактуем широко, включая в них *тропеические фигуры* (тропы в традиционном понимании) и *нетропеические фигуры*: семантические (фигуры мысли) и несемантические (фигуры слова): фонетические, лексические, грамматические (морфологические и синтаксические), текстовые (по И.В. Пекарской).

Речевая фигура – намеренное или ненамеренное, но целесообразное отклонение от нормативного речевого высказывания по особому принципу без специальной схемы отклонения от речевой нормы с целью создания прагматического эффекта... (по И.В. Пекарской).

Таким образом, стилистические приемы дифференцируем на *языковые фигуры (фигуры-схемы)* и *окказионализмы-элокутивы*. Последние подразделяем на единицы *фигурального характера (речевые фигуры)* и *нефигурального характера*.

В работе представлена попытка описания лексических окказионализмов по определенным, выделенным нами, **критериям**.

- **Структурный критерий**, определяющий компонентный состав окказионализма-элокутива (однокомпонентный, двукомпонентный, часть сложного построения).
- **Семантический критерий**, выявляющий степень расхождения семантики окказионализма и узуального слова (окказионализмы с полностью тождественным узуальному денотатом; речевые лексемы с новым значением).
- **Структурно-семантический критерий**, позволяющий описывать окказиональные лексемы с учетом степени участия семантических и структурных мотиваторов в создании окказионализма-элокутива.
- **Функциональный критерий**, в соответствии с которым выявлены и описаны особенности употребления окказиональных единиц. Данный критерий позволил нам рассмотреть различные разновидности номинативной и экспрессивной функции окказионализмов.
- **Критерий соотнесенности с традиционными орнаментальными средствами** (тропами и фигурами), позволяющий говорить о лексических

окказионализмах нефигурального и фигурального типов. В нашем языковом материале нефигуральные образования представлены окказионализмами структурно-словообразовательного и лексико-словообразовательного типов. Фигуральные окказионализмы иллюстрируются лексико-словообразовательным и семантическим типами.

Анализ языкового материала позволил нам говорить о следующих реализациях окказионализмов фигурального (тропеического) характера: *тропы-лингвокреативы* (представлены семантико-словообразовательным типом окказионализмов) и *тропы-транспозитивы* (представлены семантическим типом окказионализмов).

В работе приведены различные точки зрения на определение лингвистического статуса анализируемых явлений, обоснована правомерность отнесения исследуемых фактов к тропам или фигурам.

Нами выявлено, что в семантико-словообразовательных окказионализмах фигурального типа реализованы такие тропеические фигуры, как *метафора*, *метонимия* в различных своих семантических проявлениях, *эпитет*, *перифраз*, *гипербола*, *антономасия*. Данный тип окказионализмов представлен также собственно фигуральными образованиями: *аллюзия* и *реминисценция*, *оксюморон*, *антитеза*. Рассмотрены окказионализмы-фигуры и окказионализмы как структурные элементы фигур, например, антитеза.

В семантических окказионализмов фигурального характера находят свое воплощение тропы-транспозитивы: *метафора*, *метонимия*, *перифраз*, а также фигуральное образование – семантическая *амфиболия*.

В работе проанализированы структурно-семантические особенности окказионализмов структурно-словообразовательного и семантико-словообразовательного типов, рассмотрены различные случаи омонимии узуального и окказионального значений. Нами определен перечень функций номинативного и экспрессивного характера, которые выполняют окказионализмы в речи. Ими стали следующие функции: *собственно номинативная*, *номинативно-конструктивная*, *номинативно-компрессивная*, *номинативно-*

стилистическая как разновидности номинативной функции; *образно-характеристическая* и *эмоционально-оценочная* как разновидности экспрессивной функции. Перечисленные функции в различной степени свойственны всем лексическим окказионализмам-элокутивам. В контексте окказионализмы полифункциональны, особенно это справедливо по отношению к реализации экспрессивной функции. Как известно, тропеические фигуры служат для созданию образа, выделения предмета из ряда подобных, при этом они выражают эмоциональное отношение к предмету речи и дают ему оценку.

В исследовании представлены с различной степенью полноты явления контаминации и конвергенции окказионализмов фигурального типа.

5. Одним из возможных путей изучения системных связей окказиональных явлений, лексических окказионализмов в частности, является их описание в рамках теории элокутивного поля. Релевантным признаком организации такого поля является окказиональность.

Нами впервые была рассмотрена система лексических окказионализмов в рамках функционального элокутивного поля.

Медиополе лексических окказионализмов, входящее в общее макрополе категории окказиональности, состоит из микрополей, которые обладают всеми присущими им свойствами. При построении медиополя мы учитывали степень проявления прагматики в окказиональной единице. Она максимальна у окказионализмов, выполняющих образно-характеристическую и эмоционально-оценочную экспрессивные функции, поскольку они чаще всего являются фигуральными образованиями. Такие окказионализмы находятся в ядре (центре) поля. Мы зафиксировали здесь структурно-словообразовательные, семантические и семантико-словообразовательные окказионализмы. На ближайшей периферии поля расположены окказиональные единицы всех трех типов, реализующие в речи номинативно-конструктивную, номинативно-компрессивную и номинативно-стилистическую функции. Степень экспрессивности таких лексем минимальна, поскольку экспрессивность как таковая уходит здесь на второй план, уступая место номинации различного рода. На

дальней периферии расположены семантико-словообразовательные окказионализмы, служащие целям собственно номинации. Они немногочисленны и обладают только незначительной степенью экспрессивности (экспрессивность новизны окказиональной единицы). Такие лексемы формируют ядро неологического поля, так как стоят максимально близко к неологизмам. Таким образом, единицы поля удаляются от ядра в зависимости от степени проявления в них прагматики, которая наиболее ярко представлена в ядре поля и постепенно угасает при удалении к его периферии. Данный принцип организации «работает» и при построении микрополей каждого типа окказионализмов. Следовательно, вся структура микрополей в отдельности и медиополя в целом устроена таким образом, что категория **интенсивности** проявления интегрирующих признаков экспрессивности функционирует на каждом уровне поля и повышается от периферии к ядру или, соответственно понижается от ядра к периферии.

Периферийные зоны микрополей могут пересекаться, говоря тем самым о возможности взаимодействия окказионализмов одного поля с окказионализмами других полей. Система лексических окказионализмов представляет собой открытую систему, то есть пополняется новыми единицами.

Таким образом, мы представили попытку описания в рамках теории элокутивного поля лишь медиополе лексических окказионализмов-элокутивов, которое в качестве структурной составляющей логично вписывается в общее макрополе окказиональности, реализующейся на всех уровнях языковой системы: от фонетического до синтаксического.

6. Подытоживая сказанное, отметим, что проведенное исследование показало целесообразность системного (структурно-семантико-функционального) описания лексической окказиональности в рамках теории элокутивного поля. Подобного рода анализ помогает всесторонне, целостно рассмотреть лексическую окказиональность как одно из средств проявления речевой экспрессивности. Осуществленное исследование логично приведет к описанию общего элокутивного поля окказиональных явлений, составной ча-

стью которого и выступает лексическая окказиональность. Все это в совокупности поможет оптимизировать процесс создания воздействующей, эффективной речи, что приведет в итоге к максимальной успешности процесса коммуникации.

Библиография

1. Абрамов 1992: Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка)/ Отв. ред. дфилн Г.П. Немец. – Ростов-на-Дону, 1992. – 112 с.
2. Акимова 1982: Акимова Г.Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. – Л.: ЛГУ, 1982. – 130 с.
3. Актуальные проблемы филологии и методики 2001: Актуальные проблемы филологии методики. – Ростов-на-Дону, 2001. – Часть II.
4. Акулова 2000: Акулова С.В. О некоторых проблемах изменения лексического состава современного русского языка. Автореф. дисс. ...кфилн. – Краснодар, 2000. – 6с.
5. Алаторцева 1997: Алаторцева С.И. Словарь одного года// Новые слова и словари новых слов.– СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 1997. – С.8-17.
6. Алаторцева 1998: Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография: Дисс. ...дфилн. – СПб., 1998.
7. Александрова 1980: Александрова О.И. Русское поэтическое словотворчество: Организация плана выражения// Художественная речь: Традиции и новаторство. – Куйбышев, 1980.
8. Александрова 1989: Александрова О.И. Поэтическое словотворчество в эстетической организации лексики// Функционально-семантический и стилистический аспекты изучения лексики: Межвуз. сб-к науч. тр./ Отв. ред. Тихонова Р.И. – Куйбышев, 1989. – С. 112-122.
9. Алексеев 1996: Алексеев К.И. Функции метафоры в политической речи// Познание. Общество. Развитие/ Ред. и сост. Д.В. Ушаков. – М., 1996. – С. 150-161.
10. Алефиренко, Золотых 2000: Алефиренко Н.Ю., Золотых Л.Г. Особенности окказионального индивидуально-авторского преобразования фразеологиче-

- ских единиц// Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц). – Астрахань, 2000. – С. 195-199.
11. Алешина 2002: Алешина Л.В. Словари авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии: Дисс. ...дфилн. – Орел, 2002. – 547 с.
 12. Алиева 2003: Алиева Г.Н. Изменение семантической структуры некоторых аббревиатурных неологизмов русского языка к. XX – н. XXI вв./ Русское слово в мировой культуре. Русский язык и русская речь сегодня: старое – новое – заимствованное. Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – СПб. 30 июня – 5 июля 2003 г. – С. 353-357.
 13. Алипулатов 1998: Алипулатов И.С. Окказиональное использование фразеологических единиц в СМИ (на материале теле- и газетных текстов 90-х годов XX века): Дисс. ...кфилн. – Махачкала, 1998 – 169с.
 14. Аллендорф 1971: Аллендорф К.А. Теория описаний семантического поля// Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов. Ч. I (16-18 ноября 1971 года). – М., 1971. – С. 24-25.
 15. Анисимова 1981: Анисимова Т.В. Словообразовательные «газетизмы». – Волгоград, 1981: Автореф. дисс. ...кфилн. – 11с.
 16. Античные... 1936: Античные теории языка и стиля/ Под ред. О.М. Фрейденберга. – ОГИЗ, М.-Л.: Гос. соц.-эконм. изд-во, 1936. – 341 с.
 17. Антонов 2003а: Антонов В.П. Нулевая ступень. Отклонение// Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень./ Под ред. И.В. Пекарской. – Вып. – 1. – Абакан, 2003. – С. 247-253.
 18. Антонов 2003б: Антонов В.П. Грамматические окказионализмы в поэтическом творчестве И. Северянина// Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. Вып. 5; Серия 6. Филология: Литературоведение. Вып. 2/ Отв. ред. Пекарская И.В. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003. – С. 47-53.

19. Артемова 2000: Артемова Н.В. Особенности полевой структуры лексики современного русского языка (на примере глаголов лишения): Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 2000. – 21с.
20. Арутюнова 1961: Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. – М., 1961.
21. Арутюнова Н.Д. 1968: Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира»)// Вопросы языкознания. – 1968. – № 1. – С. 3-7.
22. Арутюнова 1999: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М., 1999. – I-XV, 896 с.
23. Аскарлова 1994: Аскарлова О.Б. Ассоциативное поле метафоры и проблема ее понимания// Теория поля в современном языкознании. Тезисы докладов научно-теоретич. семинара. Ноябрь 1993 г. Ч. III. – Уфа, 1994. – С. 37-38.
24. Базарская 1988: Базарская Н.И. Вторичная номинация в системе языковых знаков: Автореф. дисс. ...кфилн. – Саратов, 1988. – 15с.
25. Бакина 1973: Бакина М.А. Поэтические новообразования// Русская речь. – 1973. – № 4. – С. 10-13.
26. Бакина 1975: Бакина М.А. О некоторых особенностях современного поэтического словотворчества// Русский язык в школе. – 1975. – № 5. – С. 93-96.
27. Бакина 1977: Бакина М.А. Словотворчество// Языковые процесс современной русской художественной литературы. Поэзия. – М., 1977. – С. 78-127.
28. Бакина, Некрасова 1986: Бакина М.А., Некрасова Е.А. Эволюция поэтической речи XIX-XX вв. (Перифраза. Сравнение)/ Отв. ред. А.Д. Григорьева. – М.: Наука, 1986. – 192 с.
29. Барина 2002: Барина А.В. Стилистическая организация эвфемизма/ дисфемизма в ракурсе функциональных слилей современного русского литературного языка (к постановке проблемы)// Речевое общение: Специализированный вестник/ Под ред. А.П. Сковородникова. – Вып. 4 (12). – Красноярск, 2002. – С. 44-48

30. Барлас 1978: Барлас Л.Г. Русский язык. Стилистика. – М., 1978. – 256 с.
31. Барлас 1989: Барлас Л.Г. О категории выразительности и изобразительных средствах языка// Русский язык в школе. – 1989. – № 1. – С. 75-80.
32. Бахмутова 1967: Бахмутова Е.А. Выразительные средства русского языка. Лексика и фразеология. Учебное пособие. Изд. Казанского университета, 1967. – С. 125-129.
33. Безрукова 2001: Безрукова Л.Г. Опыт структурно-семантического анализа немецких и русских неологизмов с широким диапазоном значения лиц (на материале прессы)// Социокультурное варьирование в языке. Сборник научных трудов. – Вып 452. – М., 2001. – С. 64-66.
34. Беккер 1990: Беккер Е.А. Образность как предмет лексикологии: Автореф. дис. ...кфилн. – Томск, 1990, – 23 с.
35. Белова 1994: Белова Б.А. Окказиональное слово в публицистическом тексте// Принципы функционального описания языка. – Ч. 1. – Екатеринбург, 1994. – С. 12-13.
36. Бельчиков 1962: Бельчиков Ю.А. О выразительности речи// Наука и жизнь. – 1962. – № 4. – С. 104-105.
37. Бельчиков 1997: Бельчиков Ю.А. Окказионализмы// Русский язык. Энциклопедия/ Главный редактор Ю.Н. Караулов. – М.,1997. – С.283-284.
38. Береговская 1998: Береговская Э.М. Структурное обновление фигур образности в художественном тексте// Актуальные проблемы романистики. – Смоленск, 1998. – С. 42-50.
39. Береговская 2003: Береговская Э.М. К вопросу о тропофигурах// Риторика в свете современной лингвистики. Тезисы докладов Третьей межвузовской конференции (14-15 мая 2003 года). – Смоленск: СПГУ, 2003. – С. 17-18.
40. Березин, Головин 1987: Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание: Учебное пособие для студентов пед. вузов. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
41. Берков, Павлов 1983: Берков В.П., Павлов В.М. Новые слова?// Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1983. – С. 58-70.

42. Бессарабова 1985: Бессарабова Н.Д. Изобразительные и выразительные возможности в газетно-публицистической речи: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1985. – 24 с.
43. Бессарабова 1987: Бессарабова Н.Д. Метафора как языковое явление// Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика/ Под ред. Д.Э. Розенталя. – М., 1987. – С 157-162.
44. Бирих 1984: Бирих А.К. Семантические и грамматические различия метонимии и синекдохи в современном русском языке/ Исследования по семантике. Семантика слова и словосочетания. Межвуз. науч. сб-к. – Уфа, 1984. – С. 44-51.
45. Благово 1993: Благово В.А. О современных неологизмах// Слово в системных отношениях на разных уровнях языка (функциональный аспект). Тезисы докладов Всероссийской научной лингвистической конференции. 22-25 февраля 1993 года. – Екатеринбург, 1993. – С. 14-15.
46. Богданова 2001: Богданова Н.В. Словарь основных понятий и терминов риторики. – М., 2001. – Изд-во – книготорговый центр «Маркетинг». – 43 с.
47. Богословская... 1997: Богословская О.И., Болонкина Н.Н., Оборина О.В. Окказионализмы в языке современной печати: словообразовательный и стилистический аспекты// Стилистика и прагматика. Тезисы докладов международной научной конференции (25-27 ноября 1997). – Пермь, 1997. – С. 37-40.
48. Богуславский 1969: Богуславский В.М. Семантико-стилистические группы слов в языке газеты: Автореф. дис... кфилн. – Харьков, 1969. – 25 с.
49. Богушевич 1991: Богушевич Д.Г. Функция, единица, классификация// Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. – Ч. 1. – Харьков: Харьковский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, 1991. – С. 49-50.
50. Боженкова 1998: Боженкова Н.А. Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1998. – 17 с.

51. Бойченко 1993: Бойченко В.В. Об окказиональном изолированном употреблении слов-компонентов фразеологической единицы// Слово в системных отношениях на разных уровнях языка (функциональный аспект). Тезисы докладов Всероссийской научной лингвистической конференции. 22-25 февраля 1993 года. – Екатеринбург, 1993. – С. 19-21.
52. Болотнова 1982: Болотнова Н.С. К методике выявления семантических основ образных средств (на материале окказиональных метафор со значением говорения в произведениях Ю.М. Нагибина): Автореф. дисс. ...кфилн. – Томск, 1982. – 12 с.
53. Болотнова 1988: Болотнова Н.С. Слово в образной перспективе художественного произведения// Вопросы стилистики. Стилистика художественной речи. Межвуз. науч. сб-к (вып. 22). – Саратов, 1988.
54. Бондарко 1981: Бондарко А.В. Основы построения функциональной грамматики (на материале русского языка). – Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1981. – Т. 40. – № 6.
55. Бондарко 1984: Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 134 с.
56. Бондарко 1985: Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды// Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 13-23.
57. Брагина 1968: Брагина А.А. Некоторые семантические тенденции в современной русской лексике (на материале периодической печати и художественной литературы – 50-60-е годы XX века): Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1968. – 21 с.
58. Брагина 1973а: Брагина А.А. Рецензия на книгу: Лопатин В.В. «Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М., 1973// Русский язык в школе. – 1974. – № 3. – С. 17-21.
59. Брагина 1973б: Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. – М., 1973. – 224 с.

60. Брякин 1979: Брякин В.В. Каламбуры, основанные на разрушении фразеологизмов, как средство создания комического (на материале рассказов М. Зощенко): Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1979. – 15 с.
61. Булыгина, Шмелев 1990: Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации// Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста/ Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 94-107.
62. Бурмистрович 1970: Бурмистрович Ю.Я. К типологии способов фразеомобразования// Актуальные проблемы культуры речи. – М.: Наука, 1970. – С.74-81.
63. Бытева 2002: Бытева Т.И. Феномен перифразы в русском литературном языке: проблемы семантики и лексикографии: Автореф. дисс. ...дфилн. – Томск, 2002. – 46 с.
64. Быченкова 1999: Быченкова Ю.А. Сложные тропы традиционной оригинальной структуры в лирике А. Ахматовой 1909-1912 гг.// Русская филология. Ученые записки Смоленского пед. ун-та/ Сост. и ред. О.А. Левченко, М.Л. Рogaцкина. – Смоленск: СГППУ, 1999. – С. 81-87.
65. Ваганова 1997: Ваганова А. Кадыр кызы. Номинация в детской речи: Автореф. дисс. ...кфилн. – Таганрог, 1997. – 29с.
66. Вакуров 1994: Вакуров В.Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике// Русская речь. – 1994. – № 6. – С. 40-47.
67. Валгина 2001: Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: «Логос», 2001. – С. 41-50.
68. Васильев 1997: Васильев Л.М. Коннотативный компонент языкового значения// Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997. – С. 35-40.
69. Васильева 2001: Васильева Г.М. Лингвокультурологические аспекты русской неологии: Автореф. дисс. ...дфилн. – СПб., 2001. – 39с.

70. Василькова 1990: Василькова Н.Н. Типология стилистических фигур в риториках и курсах словесности II половины XVII – начала XIX веков: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1990. – 20 с.
71. Вахтель 2004: Вахтель Н.М. Риторические фигуры в газетном заголовке// Риторика в модернизации образования. Материалы докладов участников Восьмой международной научной конференции по риторике (Москва, 2-4 февраля 2004 г.). – М., 2004: 40-42.
72. Введенская, Павлова 1995: Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. Для высших и средних учебных заведений. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1995. – 576 с.
73. Виноград 1988: Виноград Г.Г. Семантические сдвиги в лексике русского литературного языка 30-80-х годов XX века: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1988. – 17с.
74. Виноградов 1963: Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: АН СССР, 1963. – 256 с.
75. Виноградова 1984: Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М., 1984. – С. 156-183.
76. Виноградова 1995: Виноградова В.Н. Словотворчество (И. Анненский, М. Волошин, И. Северянин)// Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. – М., 1995. – С. 143-177.
77. Виноградова 2001: Виноградов В.Н. Окказионализмы и звукопись// Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 года). – М., 2001. – С. 533-543.
78. Виноградова 2002: Виноградова В.Н. О закономерностях образования поэтических окказионализмов// Уч. записки Казанского гос. ун-та. Том 143: Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. – С. 64-69.
79. Винокур 1943: Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка. – М., 1943.
80. Винокур 1991: Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М., 1991.

81. Винокур 1980: Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 237 с.
82. Волков, Сенько 1983: Волков С.С., Сенько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития// Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1983. – С. 43-57.
83. Вострякова 1998: Вострякова Н.А. Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: Автореф. дисс. ...кфилн. – Волгоград, 1998. – 22 с.
84. Вохмянин 1986: Вохмянин С.Н. Семантическая сущность метонимической вторичной номинации: Автореф. дисс. ...кфилн. – Горький, 1986. – 24 с.
85. Габинская 1980: Габинская О.А. О понятии новизны лексической единицы в ономаσιологическом исследовании// Закономерности словопроизводительного процесса в ономаσιологическом аспекте. Научные труды. Том 205. – Курск: Курский государственный пединститут, 1980. – С.16-24.
86. Габинская 1981: Габинская О.А. Типология причин словотворчества. – Воронеж, 1981. – 152 с.
87. Габинская 1985: Габинская О.А. Антонимия как одна из причин возникновения лексических новообразований// Инновации на разных языковых уровнях. Межвузовский сборник научных трудов./ Под ред. Л.Я. Орловской. – Рига: Латвийский госуниверситет им. П. Стучки, 1985. – С.135-145.
88. Габинская 1986: Габинская О.А. Стилистическая характеристика лексических новообразований// Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка. Сб. науч. тр. Курск: Курский гос. пед. ин-т. – Курск, 1986. – С. 44-51.
89. Гаврилов 1990: Гаврилов Ю.М. Семантическое поле как один из способов систематизации семантики// Семантика и прагматика языковых единиц. Сб. к науч. тр./ Отв. ред. А.А. Горбачевский. Я.Б. Ким. – Душанбе: Таджикский госуниверситет, 1990. – С. 56-63.

90. Гаглоева 1996: Гаглоева Э.Х. Лексические новообразования в русской периодической печати 80-90-х гг. XX века: Дисс. ...кфилн. – Тула, 1996.
91. Гак 1978: Гак В.Г. О современной французской неологии// Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С. 37-52.
92. Гак 1983: Гак В.Г. Новые слова и новые словари// Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1983. – С. 15-29.
93. Гак 1998: Гак В.Г. Языковые преобразование. – М., 1998.
94. Гак 1999: Гак В.Г. Новаторство, заимствование, совпадение// Язык. Культура. Гуманитарное знание: Науч. наследие Г.О. Винокура и современность. – М.: Научный мир, 1999. – С. 267-277.
95. Галкина-Федорук 1954: Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. Лексика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. – 204 с.
96. Галкина-Федорук 1958: Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. Сб. статей по языкознанию. – Изд-во МГУ. – М., 1958. – С. 107.
97. Гамбург 1986: Гамбург Н.И. Узуальное и окказиональное использование в заголовках слов с дифференцирующими написаниями// Узуальное и окказиональное в художественном тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1976. – С. 134-143.
98. Гейгер 1982: Гейгер Р.М. Потенциальное слово как элемент формально-семантической структуры словообразовательного гнезда и как единица анализа// Словообразование и номинативное деривация в славянских языках. Тезисы докладов республиканской конференции (26-28 мая 1982. Ч. I). – Гродно, 1982.
99. Герберт 1996: Герберт Е. Неологизмы в современном русском языке в аспекте словообразовательных моделей и словообразовательных типов// Русистика сегодня. – 1996. – № 1. – С. 29-39.
100. Гимпелевич 1975: Гимпелевич В.С. Заметки об окказиональном и потенциальном словообразовании// Актуальные проблемы русского словообразования. Ученые записки. Вып. 1. Том 143. – Ташкент, 1975. – С. 79-84.

101. Глушкова 2000: Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н. Есина: Дисс. ...кфилн. – Белгород, 2000. – 170 с.
102. Головачева 2001: Головачева О.А. Окказионализмы идеолекте Н.С. Лескова: модели и способы создания, функции слов признаковой лексики: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 2001. – 16 с.
103. Голуб 1997: Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М., 1997. – 448 с.
104. Голуб, Розенталь 1997: Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Книга о хорошей речи. – М., 1997. – 268 с.
105. Голубина 1998: Голубина К.В. Когнитивные основы эпитета в художественном тексте (на материале англоязычной художественной прозы): Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1998. – 25 с.
106. Гольцова 1993: Гольцова Н.Г. Окказиональность слова и окказиональность фразеологизма// Русский язык в школе. – 1993. – № 3. – С. 81-86.
107. Гончаренко 1978: Гончаренко Г.Е. Лексико-семантические особенности окказиональных слов (на материале произведений советской публицистики): Автореф. дисс. ...кфилн. – Ростов-на-Дону, 1978. – 24 с.
108. Горелкина 1999: Горелкина А.В. Словообразовательные окказионализмы в мемуарных прозаических произведениях М. Цветаевой и А. Белого: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1999. – 21 с.
109. Горленко 1986: Горленко Ф.М. Экспрессивно-семантические связи слов в художественном тексте (на материале произведений Ю. Бондарева): Дисс. ...кфилн. – М., 1986. – 196 с.
110. Горнфельд 1891: Горнфельд А. Процесс поэтического творчества/ Вопросы теории и психологии творчества. Том. 1. – Харьков: Типография «Мирный труд», 1891. – С. 335-339.
111. Горнфельд 1911: Горнфельд А. Фигура в поэтике и риторике// Вопросы теории психологии творчества. Т. 1. – Харьков, 1911. – 432 с.

112. Горшков 1996: Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности: Учеб. пос. для уч-ся 10-11 кл. общеобраз. учреждений. – М., 1996. – 336 с.
113. Григорьев 1979: Григорьев В.П. Поэтика слова. – М., 1979.
114. Григорьев 1986: Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы поэта. – М., 1986. – 255 с.
115. Григорьева 2003: Григорьева Т.М. Параграфемные явления в современном русском языке// Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень/ Под ред И.В. Пекарской. – Вып. 1. – Абакан, 2003. – С. 68-77.
116. Гридина 1994: Гридина Т.А. Об одной разновидности словообразовательного каламбура// Принципы функционального описания языка. – Ч. 1. – Екатеринбург, 1994. – С. 43-44.
117. Гридина 1996а: Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): Автореф. дисс. ...дфилн. – М., 1996. – 45 с.
118. Гридина 1996б: Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996. – 214 с.
119. Грищева 2003а: Грищева Е.С. Окказионализмы в аспекте элокутивной теории// Риторика в системе гуманитарного знания. Тезисы VII Международной конференции по риторике 29-31 января 2003 г. – М., 2003. – С. 85-86.
120. Грищева 2003б: Грищева Е.С. Элокутивная окказиональность: к проблеме системного описания тропов// Риторика в системе современной лингвистики. Тезисы докладов Третьей международной конференции (14-15 мая 2003 г.). – Смоленск, 2003. – С. 24-27.
121. Грищева 2003в: Грищева Е.С. Лексическая окказиональность: к вопросу о возможности системного описания// Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень. Вып. 1/ Под ред. И.В. Пекарской. – Абакан, 2003. – С. 77-82.

122. Грищева 2003г: Грищева Е.С. Неологизм и окказионализм в аспекте проблем соотношения нормы и узуса// Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Сер. 5. Филология: Языкознание. Вып. 5. Сер. 6. Филология: Литературоведение. Вып. 2. – Абакан, 2003. – С. 74-77.
123. Грищева 2004а: Грищева Е.С. Семантико-функциональный потенциал окказиональных перифразов: полевое описание// Человек. Язык. Культура. – Курск, 2004. – С. 30-34.
124. Грищева 2004б: Грищева Е.С. Изучение элокутивной окказиональности как средства речевого воздействия на уроках развития речи// Риторика в модернизации образования. Материалы докладов участников Восьмой международной научной конференции по риторике (Москва, 2-4 февраля 2004 г.). – М.: МПГУ, 2004. – С. 63-63.
125. Грищева 2005а: Грищева Е.С. Лексическая окказиональность: ее место в системе орнаментальных средств элокуции// Коммуникативная лингвистика: вчера, сегодня, завтра// Сб-к материалов Международной научной конференции 13-14 июня 2005 г. – Армавир: АЛУ, 2005. – 63-69.
126. Грищева 2005б: Грищева Е.С. Поле лексической окказиональности: к проблеме функционально-семантического описания// Записки горного ин-та. В 2-х частях. – СПб., 2005. – Ч. 2. – 100-103.
127. Гулыга, Шендельс 1969: Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
128. Гусева 2001: Гусева Т.И. Сложный эпитет как стилеобразующая единица художественного пространства И.А. Бунина: Дисс. ...кфилн. – М., 2001. – 178 с.
129. Гутина 1997: Гутина Е.А. Лексико-семантическое поле в индивидуальной языковой системе (на материале ЛСП «обида в художественной речевой системе М. Горького»): Дисс. ...кфилн. – Н. Новгород, 1997. – 228 с.
130. Де Болт 1998: Де Болт А.А. Теоретические и практические аспекты контаминации: Дисс. ...кфилн. – Орел, 1998.

131. Девкин 1979: Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М., 1979. – 254 с.
132. Девкин 1998: Девкин В.Д. Лексикографический аспект окказионализмов// Лексика и лексикография. Сб-к научн. тр. Вып. 9. – М., 1998. – С. 57-79.
133. Дегтярь 1982: Дегтярь И.Г. О функции окказионализмов в художественном тексте// Коммуникативная и поэтическая функции художественного текста. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1982. – С. 108-112.
134. Денисенко, Буцева 1985: Денисенко Ю.Р., Буцева Т.Н. Банк неологизмов русского языка 1985-1991 гг.// Новые слова и словари новых слов.– СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 1997. – С.17-36.
135. Денисов 1993: Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Русский язык, 1993. – 248 с.
136. Джоглидзе 1979: Джоглидзе Л.И. Новые слова в современном русском языке (на материале газеты «Правда» за 1971 – 1975 годы): Автореф. дисс. ...кфилн. – Тбилиси, 1979. – 29 с.
137. Динамика структуры 1982: Динамика структуры современного русского языка/ Г.Н. Акимова, С.И. Богданов и др./ Отв. ред. В.В. Колесов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 136 с.
138. Добрыднева 1993: Добрыднева Е.А. Фразеологические новообразования в современном русском литературном языке. – М., 1993.
139. Долгих 1973: Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии// Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 89-98.
140. Доронина 2000: Доронина С.В. Содержание и внутренняя форма русских игровых текстов: когнитивно-деятельностный аспект (на материале анекдотов и речевых шуток): Дисс. ...кфилн. – Барнаул, 2000. – 156 с.
141. Дроняева, Клушина 2001: Дроняева Т.С., Клушина Н.И. и др. Стилистика современного русского языка: Практикум/ Под ред. Т.С. Дроняевой. – М.: Флинта-Наука, 2001. – 184 с.

142. Егорченко 2003: Егорченко О.Н. Риторическая фигура антитеза: перспективы исследования// Риторика в системе гуманитарного знания. Тезисы VII Международной конференции по риторике 29-31 января 2003 г. – М., 2003. – С. 102-104.
143. Егорченко 2004: Егорченко О.Н. Контраст: противоположность или противоречие// Риторика в модернизации образования. Материалы докладов участников Восьмой международной научной конференции по риторике (Москва, 2-4 февраля 2004 г.). – М.: МПГУ, 2004. – С. 76-78.
144. Елизарова 1992: Елизарова Л.Н. Терминологические и художественные новообразования функциональном аспекте. – Орел 1992.
145. Елитте 1996: Елитте Герберт. Неологизмы в современном русском языке в аспекте словообразовательных моделей и словообразовательных типов// Русистика сегодня. – 1996. – № 1. – С. 29-39.
146. Ермакова 1982: Ермакова О.П. Вторичная номинация в семантической структуре многозначных производных слов// Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 109-123.
147. Ермакова 1984: Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. – М.: Русский язык, 1984. – 151 с.
148. Ермакова 1996: Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике// Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 32-66.
149. Жданович 1998: Жданович Н.В. К вопросу о семантике эпитета в поэтической речи конца XVIII – I половины XIX века// Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т. II. – М., 1998. – С. 266-268.
150. Жигарева 1983: Жигарева Е.А. Авторские новообразования и их функции в письмах А.П. Чехова: Автореф. дисс. ...кфилн. – Л., 1983. – 16 с.
151. Жуков 1986: Жуков А.В. О «потенциальных словах» в составе фразеологизма// Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1986. – С. 13-21.

152. Журавлев 1982: Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации// Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982.
153. Загоровская 1982: Загоровская О.В. Об эстетической функции языка (Из истории вопроса)// Поэтическая стилистика. – Воронеж, 1982. – С. 7-16.
154. Загоровская, Фомина 1984: Загоровская О.В., Фомина З.Е. Экспрессивные и эмоционально-оценочные компоненты значений слова// Семантические процессы в системе языка. – Воронеж: ВУ, 1984. – С. 31.
155. Загоровская 1984: Загоровская О.В. О семантических различиях образных и экспрессивных единиц языка// Экспрессивность на разных Уровнях языка. – Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1984. – С. 74-80.
156. Загрузная 1980: Загрузная Л.И. Семантическая и словообразовательная структура окказионализмов в поэзии Н. Асеева: Дисс. ...кфилн. – Л., 1980. – 216 с.
157. Зайковская 1993: Зайковская Т.В. Можно мозжечокнутья? Сабо самой!// Русская речь. – 1993. – № 6. – С. 40-44.
158. Зайцева 1984: Зайцева И.П. Окказиональные имена собственные в современной поэтической речи// Формирование семантики и структуры художественного текста. Межвузовский сборник научных трудов. – Куйбышев, 1984. – С. 56-70.
159. Залевская 1988: Залевская А.А. Специфика единиц и механизмов индивидуального лексикона// Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. – Калинин, 1988. – С. 5-15.
160. Залевская 1990: Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. – Воронеж, 1990.
161. Зарецкая 1998: Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 1998. – 480 с.
162. Земская 1972: Земская Е.А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании// Актуальные проблемы русского словообразо-

- вания. Материалы республиканской научной конференции (12 – 15 сентября 1972 года). – Самарканд, 1972. – I. – С. 19-28.
163. Земская 1973: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973.
164. Земская, Китайгородская, Ширяев1981: Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Изд-во «Наука», 1981. – 276 с.
165. Земская 1992: Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 1992. – 222 с.
166. Земская 1996: Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства// Русский язык XX столетия. – М.,1996. – С. 90-141.
167. Земская 2000: Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства// Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 2000. – С. 91-140.
168. Земская 2004: Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
169. Зильбер 2000: Зильбер Н.С. Проблема изучения семантических окказионализмов в современном языкознании// Вестник Международного славянского университета. Т. 3. № 4. – Харьков, 2000.
170. Золотарева 2001: Золотарева М.Н. Неологизмы современного русского языка в деривационном аспекте (на материале 70 – 90-х годов XX века с глагольными корнями): Дисс. ...кфилн – Екатеринбург, 2001. – 199с.
171. Золотых 2000: Золотых Л.Г. Фразеологическое значение и его смысловая реализация в речи: Дисс. ...кфилн. – Владикавказ, 2000.
172. Иваницкий 1987: Иваницкий А.Е. Задачи тропов в поздней гоголевской публицистике// Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика/ Под. ред. Д.Э. Розенталя. – М.: Изд. МГУ, 1987. – С. 62-66.
173. Иванова 1981: Иванова И.П. О полевой структуре частей речи в английском языке// Теория языка, методы его исследования и преподавания. – Л., 1981. – С. 125-129.

174. Иванова 1985: Иванова Н.Г. Лексические новообразования в языке русской советской поэзии. Семасиологический анализ: Автореф. дисс. ...кфилн. – Одесса, 1985. – 16 с.
175. Иванова 1992: Иванова Л.П. Структура синтаксического поля простого предложения (на материале художественной прозы и публицистики): Автореф. дисс. ...дфилн. – М., 1992. – 34 с.
176. Иванова 1994: Иванова Н.Н. Метонимия// Очерки истории русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке/ Отв. ред. В.П. Григорьев. – М., 1994. – С. 191-198.
177. Изотов 1989а: Изотов В.П. Ситуация как причина образования новых слов. – Орел, 1989.
178. Изотов 1989б: Изотов В.П. Об изучении новообразований в драматургии. – Орел, 1989.
179. Изотов 1990: Изотов В.П. Социально-словообразовательный аспект изучения новообразований. – Орел, 1990.
180. Изотов 1997а: Изотов В.П. Неизбранные работы: статьи, заметки, тезисы. – Орел, 1997. –
181. Изотов 1997б: Изотов В.П. Введение в комбинаторику способов русского словообразования. – Орел, 1998. – 26 с.
182. Изотов 1998: Изотов В.П. Параметры описания и система способов русского словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): Дисс. ...дфилн. – Орел, 1998. – 341 с.
183. Ильясова 1997: Ильясова С.В. Инновации в функции заголовка (на материале современной публицистики)// «Функционирование языка в различных речевых жанрах» (Лиманчик – 97). Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 3. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 12-14.
184. Ильясова 2002: Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2002. – 360 с.

185. Истомина 1997: Истомина В.В. К вопросу стилистического статуса фразеологических новообразований// «Функционирование языка в различных речевых жанрах» (Лиманчик – 97). Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 3. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 48-49.
186. Ицкович, Шварцкопф 1971: Ицкович В.А., Шварцкопф Б.С. О контаминации и смежных с нею явлениях// Памяти акад. В.В. Виноградова. Сб-к ст. – М., 1971. – С. 90-96.
187. Каде, Пузикова 2001: Каде Т.Х., Пузикова Г.В. Семантическая деривация новых единиц в современном русском языке. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2001. – 50 с.
188. Каде, Савостьянова 2001: Каде Т.Х., Савостьянова Ю.И. Словарь русских окказиональных слов. – Краснодар, 2001. – 68 с.
189. Калинин 1978: Калинин А.В. лексика русского языка. – М., 1978. – 232 с.
190. Калниязов 1978: Калниязов М.У. Окказиональные и потенциальные слова в языке современной периодики: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1978. – 19 с.
191. Капащинская 1992: Капащинская Е.В. Значение термина «изобразительность» и его функционирование// Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Отв. ред. Т.Г. Хазагеров. – Ростов-на-Дону, 1992. – С. 5-13.
192. Каракуц-Бородина 1999: Каракуц-Бородина Л.А. Окказиональные элементы в прозе В.В. Набокова// Исследования по семантике: Теоретический и прикладной аспекты. Межвузовский научный сборник. – Уфа, 1999. – С. 33-40.
193. Каргаполова 1996: Каргаполова И.А. Речевые ошибки и оговорки как элементы языковой игры. – Нижний Тагил, 1996. – 15 с.
194. Карпова 1984: Карпова В.В. Индивидуально-авторское использование фразеологизмов в газетных текстах: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1984. – 13 с.
195. Киселева 1973: Киселева Л.А. Теоретические проблемы исследования языка как средства воздействия: Автореф. дисс. ...дфилн. – М., 1973. – 48 с.

196. Кияненко 1969: Кияненко Т.Ф. О некоторых принципах классификации метафор (на материале французского и русского языков): Автореф. дисс. ...кфилн. – Л., 1969. – 18с.
197. Клушина 1995: Клушина Н.И. Семантические и стилистические изменения в лексике современной газеты: Автореф. дисс ...кфилн. – М., 1995. – 25 с.
198. Клушина 2000: Клушина Н.И. О модном способе окказионального способа образования// Русская речь. – 2000. – № 2. – С. 47-50.
199. Ключев 1999: Ключев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Уч. пос. для вузов. – М., 1999. – 272 с.
200. Кобозева 2001: Кобозева И.М. Прагматический подход к идентификации метафоры в политическом дискурсе СМИ// Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции (Москва, филологический факультет МГУ, им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 года)/ Под. общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремневой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 78-80.
201. Ковалев 1973: Ковалев В.П. Об изучении языковых изобразительных средств художественной литературы// Русский язык в школе. – 1973. – № 2. – С. 3-6.
202. Ковалев 1981: Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы. – Киев: «Вища школа», 1981. – 184 с.
203. Ковалевская 1986: Ковалевская Е.Г. Вопрос об узуальном и окказиональном в лингвистической литературе// Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1986. – С. 3-11.
204. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М., 1979. – 352 с.
205. Кожевникова 1981: Кожевникова Н.А. Окказионализмы А. Белого и словарь В.И. Даля// Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. – Калинин, 1981. – С. 120-140.

206. Кожевникова 1988: Кожевникова Н.А. Метафора в поэтическом тексте// Метафора в языке и тексте/ Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 145-165.
207. Кожевникова 1995: Кожевникова Н.А. О языке ранней прозы Б. Пастернака// Литературный текст: Проблемы и методы исследования: Сб-к ст. – Тверь, 1995. – С. 84-92.
208. Кожевникова 1996: Кожевникова Н.А. Метонимия и дискурс// Проблемы семантики и прагматики. Сб-к науч. тр./ Отв. ред. Заботкина В.И. – Калининград: КГУ, 1996. – С. 50-53.
209. Кожина 1993: Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
210. Кожина 2002: Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: Вопросы теории. Избранные труды. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 2002. – 475 с.
211. Козловская 1995: Козловская М.М. Семантическая деривация как источник новых обозначений (на материале словарей новых слов и значений): Автореф. дисс. ...кфилн. – Минск, 1995. – 21с.
212. Колесина 2002: Колесина В.В. О некоторых особенностях игры слов в рекламных и публицистических текстах (на материале французского языка)// Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 3. – С. 39-49.
213. Коммуникативно-прагматические аспекты в художественном тексте 2000: Коммуникативно-прагматические аспекты в художественном тексте. – Томск, 2000.
214. Кондакова 2000: Кондакова И.А. Образные средства с топонимическим наполнением// Вопросы Романо-германской филологии. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2000. – С. 51-58.
215. Кондрашова 1998: Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект): Дисс. дфилн. – Краснодар, 1998. – 274 с.

216. Константинова 1996: Константинова С.К. Олицетворение в художественном тексте: Автореф. дисс. ...кфилн. – Белгород, 1996. – 18 с.
217. Копнина 2001: Копнина Г.А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических текстов): Автореф. дисс. ...кфилн. – Красноярск, 2001. – 27 с.
218. Копнина 2001: Копнина Г.А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических текстов): Дисс. ...кфилн. – Красноярск, 2001 – 279 с.
219. Костомаров 1971: Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – М., 1971.
220. Костомаров 1999: Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.
221. Корольков 1973/1974: Корольков В.И. К теории фигур// Сб-к науч. тр. МГПИ ИЯ им. М. Тореца. Вып. 78/ Отв. ред. Д.С. Светлышев. – М., 1973/1974. – С. 60-93.
222. Костюков 1987: Костюков В.М. Гибридные слова – средство комического// Русская речь. – 1987. – № 6. – С. 55-57.
223. Котелова 1982: Котелова Н.З. Проект словаря новых слов русского языка. – Л.: Наука, 1982. – 88 с.
224. Котелова 1983: Котелова Н.З. Словообразование без образования слов// Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1983. – С. 71-80.
225. Котелова 1987: Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов// Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука. – 1978. – С. 5-26.
226. Котелова 1990: Котелова Н.С. Неологизмы// Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 331.
227. Котелова 1995: Предисловие// Словарь новых слов русского языка (сер. 50-х – сер. 80-х годов). – СПб: Изд-во Дмитрий Буланин, 1995. –С. 4-13.

228. Кохтев 1981: Кохтев Н.Н. В поисках эмоционального слова// Русская речь. – 1981. – № 4. – С. 44-51.
229. Кохтев 1994: Кохтев Н.Н. Риторика. Учебное пособие для учащихся 8-11 класса учебных заведений с углубленным изучением гуманитарных предметов, а также лицеев и гимназий. – М.: Просвещение, 1994. – 207 с.
230. Краснянский 1998: Краснянский В.В. Бананово-лимонный Сингапур// Вопросы русского языкознания. – Орехово-Зуево, 1998. – С. 27-32.
231. Кривенко 1994: Кривенко Б.В. Из жизни окказионализмов// Русская речь. – 1994. – № 3. – С. 122-124.
232. Крысин 1988: Крысин Л.П. Гипербола в русской разговорной речи// Проблемы научной лингвистики. – 1984/ Сб-к. науч. тр. – М.: Наука, 1988. – С. 95-111.
233. Куваева 1997: Куваева Л.П. Словообразование с подчиненным отношением основ в новообразованиях газетно-публицистического стиля 70-х и 90-х годов XX века// «Функционирование языка в различных речевых жанрах» (Лиманчик – 97). Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 3. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 19-20.
234. Кудрявцева 1993: Кудрявцева А.А. Моделирование динамики словарного состава языка. – Киев, 1993.
235. Кузнецова 1996: Кузнецова Е.Б. Семантические процессы в языке современной поэзии (метафора и метонимия в текстах метафористов): Дисс. ...кфилн. – СПб, 1996 – 221 с.
236. Кузнецова 2003: Кузнецова А.А. Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском литературном языке: Дисс. ...кфилн. – Красноярск, 2003. – 258 с.
237. Кузьмина 1992: Кузьмина Н.А. Экспрессивный потенциал традиционных тропов в художественной речи// Проблемы экспрессивной стилистики. Сб-к/ Под ред. Т.Г. Хазагерова. Вып. 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во РУ, 1992. – С. 78-83.

238. Кузьмина 1998: Кузьмина Н.А. Концептуальные метафоры в риторическом поле языка// Фатическое поле языка (памяти проф. Л.Н. Мурзина): Межвузовский сб-к. науч. тр./ Перм. ун-т. – Пермь, 1998. – С. 51-60.
239. Куликова 1986: Куликова И.С. О соотношении узуального и окказионального в эстетическом значении слова// Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1986. – С. 76-86.
240. Кулинич 1990: Кулинич И.А. Семантическая деривация в русской лексике 60-80-х годов и ее отражение в неографических и других лексикографических источниках: Автореф. дисс. ...кфилн. – Киев, 1990. – 22с.
241. Кульнина 1999а: Кульнина Е.А. Проблемы окказиональных словообразований// Материалы научной конференции Мордовского госуниверситета им. Н.П. Огарева (XXXVIII Огаревские чтения 6-10 декабря 1999 года). – Саранск, 1999. – С. 157.
242. Кульнина 1999б: Кульнина Е.А. Окказиональность как лингвистическая категория// Материалы научной конференции Мордовского госуниверситета им. Н.П. Огарева (XXXVIII Огаревские чтения 6-10 декабря 1999 года). – Саранск, 1999. – С. 158.
243. Культура... 1999: Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Граудиной Л.К., Ширяева Е.Н. – М., 1999. – 560 с.
244. Куницына 1991: Куницына Н.В. Новые значения старых слов. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1991. – 24 с.
245. Кустова 2001: Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации: Автореф. дисс. ...дфилн. – М., 2001. – 62с.
246. Лаптева 1973: Лаптева О.А. Гомофункциональные ряды – принципы системности русского некодифицированного устно-разговорного синтаксиса// Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 60-77.
247. Леонтьев 1990: Леонтьев А.А. Психолингвистика// Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
248. Литвин 1978: Литвин Р.А. Речевая многозначность слова. – М., 1978.

249. Лопатин 1973: Лопатин В.В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
250. Лопатин 1978: Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов// Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С.72-80.
251. Лопатин 1989: Лопатин В.В. Грамматические «неправильности» в поэтических идиостилиях// Русский язык поэзии XXвека. – М., 1989.
252. Лопаткина 2004: Лопаткина С.В. Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском литературном языке (на материале художественной и публицистической речи): Дисс. ...кфилн. – Абакан, 2004. – 217 с.
253. Лукьянов 2000: Лукьянов С.А. Аппликативный каламбур в стихотворениях А.С. Пушкина// Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 84-93.
254. Лукьянова 1985: Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики): Дисс. ...дфилн. – Новосибирск, 1985. – 422 с.
255. Лукьянова, Трипольская 1984: Лукьянова Н.А., Трипольская Т.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления как специфический объект лексикологии и лексикографии// Экспрессивность на разных уровнях языка. Межвуз. сб-к науч. тр. – Новосибирск, 1984. – С. 114-130.
256. Лукьянова 1986а: Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики): Автореф. дисс. ...дфилн. – Свердловск, 1986. – 31 с.
257. Лукьянова 1986б: Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. – Новосибирск, 1986. – 227 с.
258. Лукьянова 2003: Лукьянова Н.А. Заметки о современной русской лексикографии// Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 1: Филология/ Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. – С. 107-124.
259. Лустрэ 1982: Лустрэ Л.Х. Основные принципы исследования экспрессивного текста// Средства выражения экспрессивности текста. Межвузовский

- сб-к науч. тр. – Ростов-на-Дону, 1982: Ростовский-на-Дону пед. институт. – С. 25-35.
260. Лыков 1971: Лыков А.Г. Окказиональное слово как лексическая единица речи// Филологические науки. – 1971. – №5. – С. 70-81.
261. Лыков 1972а: Лыков А.Г. Окказиональное слово и языковая норма// Русский язык в школе. – 1972. – № 6. – С. 17-20.
262. Лыков 1972б: Лыков А.Г. Русское окказиональное слово: Дисс. ...дфилн.. – М., 1972.
263. Лыков 1976: Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М., 1976. – 119 с.
264. Лыков 1977: Лыков А.Г. Окказионализм и языковая норма// Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977. – С. 62-83.
265. Львов 1995: Львов М.Р. Риторика. Учебное пособие для учащихся 10-11 классов. – М.: «Academia», 1995. – 256 с.
266. Львова 1980: Львова Э.Л. Новообразования в прозе Ю.М. Нагибина// Русская речь. – 1980. – № 1 – С. 47-52.
267. Ляпун 1997: Ляпун С.В. Газетные заглавия: тенденции обновления// «Функционирование языка в различных речевых жанрах» (Лиманчик – 97). Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 3. – Ростов-на-Дону, 1997. – С.14-15.
268. Макаревич 2001а: Макаревич О.В. К вопросу о целях языковой игры// Интерпретация коммуникативного процесса: межпредметный подход. Сборник докладов на межвузовской научной конференции (25-26 июня 20001 года). – Барнаул, 2001. – С. 74-77.
269. Макаревич 2001б: Макаревич О.В. Языковая игра: проблема определения// Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики. Сборник докладов на Всероссийскую научно-практическую конференцию (25-26 июня 2001года). – Барнаул, 2001. – С.150-153.

270. Макарова 1997: Макарова Е.А. Функционально-номинативная типология русского эпитета (на материале поля характеристики человека)// Материалы Международного съезда русистов в Красноярске: В 2 т. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 1997. – Т. 2. – С. 121-123.
271. Маковский 1980: Маковский М.М. Системность и асистемность в языке: Опыт исследований антиномий в лексике и семантике. – М., 1980.
272. Малеева 1970: Малеева М.С. Ономаσιологическая характеристика словообразовательных контекстов (на материале окказиональных слов)// Актуальные проблемы культуры речи. – М.: Наука, 1970. – С.25-40.
273. Малеева 1983: Малеева М.С. Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте. – Воронеж, 1983. – 125 с.
274. Малеева 1986: Малеева М.С. Словообразовательный контекст как критерий разграничения потенциальных и окказиональных слов// Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка. Сб-к науч. тр. Курск: Курский гос. пед. ин-т. – Курск, 1986. – С. 38-44.
275. Малянова 1998: Малянова Л.В. Функционально-стилистическое исследование языка русской литературы серебряного века (поэтические неологизмы Игоря Северянина): Автореф. дисс. ...кфилн. – Самара, 1998. – 18 с.
276. Манакин 1982: Манакин В.Н. О природе семантических преобразований языковых единиц. – Кировоград, 1982.
277. Маноли 1988: Маноли И.З. Лексикография и стилистика потенциального слова/ Отв. ред. Банару В.И. – Кишинев: Штиинца, 1988. –168 с.
278. Манучарян 1972: Манучарян Р.С. Вопросы интерпретация и измерения глубины слова// Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 114-123.
279. Масленников 2000: Окказионализмы в футуристической поэзии и особенности их функционирования: Дисс. ...кфилн. – Уфа, 2000. – 282 с.
280. Маслов 1998: Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по направлению и специальности «Филология». – Изд. 3-е испр., М.: Высшая школа, 1997. – 272 с.

281. Матвеева 1986: Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Учебное пособие по спецкурсу. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 92 с.
282. Матханова 1998: Матханова И.П. Грамматические окказионализмы и языковая компетенция// Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Вып. V. Серия 5 литературоведение. Языкознание. – Абакан, 1998. – С. 70-73.
283. Мегентесов 1989: Мегентесов С.А. некоторые проблемы вторичной номинации: Автореф. дисс ...кфилн. – Краснодар, 1989. – 14 с.
284. Мезенин 1984: Мезенин С.М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира): Учебное пособие. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – 100 с.
285. Меркин, Зыбина... 2002: Меркин Г.С., Зыбина Т.М., Максимчук Н.А., Рябикова О.С. Развитие речи. Выразительные средства художественной речи: Пособие для учителя/ Под общ. ред. Г.С. Меркина, Т.М. Зыбиной. – М., 2002. – 208 с.
286. Месхишвили: Месхишвили Н.В. Экспрессивные средства письменной коммуникации: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1990. – 27 с.
287. Милевич 2000: Милевич И. Эмоционально-экспрессивные средства языка на газетной полосе// Русская филология. 11 Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту, 2000. – С. 224-225.
288. Миронова 2002: Миронова Н.А. Словотворчество в произведениях поэтов-модернистов 80-90-х годов XX века: Дисс. ...кфилн. – Орел, 2002. – 206 с.
289. Миськевич, Чельцова 1970: Миськевич Г.И., Чельцова Л.К. Новые слова, их принятие и нормативная оценка (проблема неологизмов в культурно-речевом аспекте)// Актуальные проблемы культуры речи. – М.: Наука, 1970. – С.245-248.
290. Миськевич 1977: Миськевич Г.И. К вопросу о норме в словообразовании// Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977. – С. 42-61.

291. Михальская 1996: Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: Учеб. пос. для уч-ся 10-11 кл. общеобраз. учрежд. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
292. Мишель 2002: Мишель М.А. Особенности функционирования экспрессивных синтаксических конструкций в речевых жанрах (на материале современной публицистики): Автореф. дисс. ...кфилн. – СПб., 2002. – 18 с.
293. Молчанова М.М. Прагматика публицистического текста (метаязковой аспект): Дисс. ...дфилн. – Краснодар, 2000.
294. Моргоева 2002: Моргоева Л.Б. Функциональная парадигма экспрессивности в языке (на материале осетинского и русского языков): Дисс. ...кфилн. – Владикавказ, 2002. – 187 с.
295. Морозова 1984: Морозова Л.П. Окказиональная гипербола в английской разговорной речи: Автореф. дисс. ...кфилн. – Горький, 1984. – 11 с.
296. Москвин 2000: Москвин В.П. Русская метафора: параметры классификации// Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 66-74.
297. Москвин 2001: Москвин А.П. Эпитет в художественной речи// Русская речь. – 2001. – № 4. – С. 28-32.
298. Москвин 2002: Москвин В.П. Тропы и фигуры: параметры общей и частных классификаций// Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 75-85.
299. Муминов 1978: Муминов Т.А. Проблемы вторичной номинации в лексике (образование переносного значения): Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1978. – 26 с.
300. Мурзин 1989: Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения// Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. Сб-к науч. тр. – М., 1989. – С. 5-13.
301. Муравьева 2000: Муравьева Н.В. легко ли создать новое слово?// Русская речь. – 2000. – № 1. – С. 51-53.
302. Мурзин 1998: Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле: (текст лекции)// Фатическое поле языка (памяти проф. Л.Н. Мурзина): Межвузовский сб-к науч. тр./ Перм. ун-т. – Пермь, 1998. – С. 9-14.

303. Мягкова 1990: Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. – 107 с.
304. Набирухина 1990: Набирухина А.В. Структура лексико-семантического поля PLEASURE в современном английском языке// Вестник ЛГУ, Вып. 1(2). – Л., 1990. – С. 69-74.
305. Намитокова 1986: Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1986. – 156 с.
306. Намитокова 1989: Намитокова Р.Ю. Авторские новообразования: структура: Автореф. дисс. ...дфилн. – М., 1989. – 33 с.
307. Напцок 1997: Напцок М.Р. Окказионализмы как элементы стилистических фигур в художественном тексте// Функционирование языка в различных речевых жанрах. Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 4. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 13-15.
308. Нефляшева 1997: Нефляшева И.А. Об одной словообразовательной модели, актуальной для языка газеты// «Функционирование языка в различных речевых жанрах» (Лиманчик – 97). Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 3. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 18-19.
309. Нефляшева 1998: Нефляшева И.А. Новообразования в газетно-публицистическом стиле: Системно-функциональный анализ: (На материале 1991-1997гг.): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Майкоп, 1998. – 22 с.
310. Никитченко Н.С. Способы образования новых значений, отличные от семантической деривации// Лингвистические исследования-1984: Историко-типологическое изучение разносистемных языков. Ч. 2. – М., 1984. – С. 147-155.
311. Никитченко Н.С. Семантические неологизмы русского языка последних десятилетий (на материале словарей новых слов): Автореф. дисс. ...кфилн. – Л., 1985. – 22.

312. Никишин 2002: Никишин Я.К. Функциональные аспекты языковой игры: Автореф. дисс. ...кфилн. – Краснодар, 2002.
313. Николина 1999: Николина Н.А. «Словообразовательная игра» в художественном тексте// Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность. – М., 1999. – С. 337-347.
314. Николина 2001: Николина Н.А. Тропеические новообразования в современной поэтической речи// Риторика в свете современной лингвистики. Тезисы докладов Второй Межвузовской конференции (14-15 мая 2001 года). – Смоленск: СГПУ, 2001. – С. 55-56.
315. Новиков 1996: Новиков А.Л. Метонимия в русском языке: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1996. – 19 с.
316. Новикова 2001: Новикова В.Ю. Понятие нормы. Абсурд как языковая аномалия и логическое противоречие: Автореф. дисс. ...кфилн. – Краснодар, 2001. – 15 с.
317. Новикова 2001: Новикова Л.П. Эпитет в составе предложения// Актуальные проблемы германистики: Сб-к ст. по материалам Межвузовской научной конференции (Смоленск, 23-24 января 2001 года). – Смоленск: СПГУ, 2001. – Вып. 4. – С. 115-121.
318. Новикова 1986: Новикова Н.В. Неологизмы в научной фантастике// Русская речь. – 1986. – № 4. – С. 66-71.
319. Новое слово 1999: Новое слово: подходы к проблеме// Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека/ Под общ. ред. Залевской А.А. – Тверь, 1999. – С. 75-101.
320. Новоселова 1986: Новоселова А.Г. Окказиональное и потенциальное слово (На материале произведений 1965-1985гг.): Автореф. дисс. ...кфилн. – Киев, 1986.
321. Оганесян 1989: Оганесян А.Г. Окказиональные слова в поэзии С. Кирсанова: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1989. – 23 с.
322. Онищук 1991: Онищук Е.А. Трансформация фразеологизмов в художественном тексте: Автореф. дисс. ...кфилн. – Л., 1991. – 20 с.

323. Опришко 1977: Опришко А.Я. О новых наименования «старых» явлений// Русская речь. – 1977. – № 3. – С. 95-100.
324. Осипова 1999: Осипова Л.И. Активные процессы современного русского словообразования (суффиксальная универбация, усечение): Дисс. ...дфилн. – М., 1999.
325. Остапенко 1992: Остапенко С.А. Окказиональность, узус, норма и лексикографический аспект описания субстантивов// Культура речи в разных сферах общения. Тезисы докладов Всероссийской конференции 15-17 сентября 1992 года. – Челябинск, 1992. – С. 10-11.
326. Павлов 1996: Павлов В.М. Полевые структуры в строе языка. – СПб., 1996. – 116 с.
327. Павлович 2003: Павлович Н.В. Тропы и фигуры как лексикографический источник// Риторика в свете современной лингвистики. Тезисы докладов конференции (14-15 мая 2003года). – Смоленск. – С. 73-75.
328. Панова 1991: Панова Г.И. Общие вопросы морфологии. – Красноярск: КГПИ, 1991. – 104 с.
329. Панюшкин 1989: Панюшкин В.В. Образование новых слов и синонимия в ономасиологическом аспекте (на материале русской советской художественной прозы 70-х – 80-х годов XX века и словарей новых слов): Автореф. дисс. ...кфилн. – Воронеж, 1989. – 23 с.
330. Пастухова 1980: Пастухова В.Я. Парадигматическая и синтагматическая связанность компонентов оксюморонного сочетания: Автореф. дисс. ...кфилн. – Ростов-на-Дону, 1980. – 24 с.
331. Пак 2001: Пак Кван Чжу. Новые идиомы и их толкование: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 2001. – 24 с.
332. Панюшкин 1986: Панюшкин В.В. Стилистические функции синонимовоновообразований в современной прозе// Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка. Сб-к науч. тр. Курск: Курский гос. пед. ин-т. – Курск, 1986. – С. 101-107.

333. Паршина 1993: Паршина В.В. Окказиональная сочетаемость лексических единиц как средство формирования образности контекстов (идиостиль Н.С. Лескова)// Слово в системных отношениях на разных уровнях языка (функциональный аспект). Тезисы докладов Всероссийской научной лингвистической конференции. 22-25 февраля 1993год. – Екатеринбург, 1993. – С. 82.
334. Пекарская 1997: Пекарская И.В. Об изобразительных и выразительных особенностях метафоры как актуализатора прагматики высказывания// Синтаксическая семантика: проблемы и перспективы. – Орел, 1997. – С. 61-67.
335. Пекарская 1998: Пекарская И.В. Школьник и изобразительно-выразительные средства русского языка: проблемы пользования и обучения// Речеведение в теоретическом и прикладном аспектах. Тезисы республиканской конференции. – Новосибирск, 1998. – С. 64-67.
336. Пекарская 1999: Пекарская И.В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка. Учебно-методическое пособие и Системный словарь-справочник. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1999. – 152 с.
337. Пекарская 2000: Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. В II-х частях. – Абакан, 2000. – Ч. I. – 248 с.; ч. II. – 344 с.
338. Пекарская 2001: Пекарская И.В. Теория фигур на современном этапе: Актуальная проблематика и перспективы изучения// Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции 25-27 сентября 2001 года. – Абакан, 2001. – С. 8-11.
339. Пекарская 2002: Пекарская И.В. К вопросу об унификации и систематизации терминологии в теории элокуции// Терминология и перевод в XXI веке. Материалы международной конференции. – Омск: ОмГТУ, 2002. – С. 142-147.

340. Пекарская 2003а: Пекарская И.В. Теория элокуции: структурно-семантическая классификация тропеических фигур// Риторика в системе гуманитарного знания. Тезисы VII Международной конференции по риторике 29-31 января 2003 года. – М., 2003. – С. 226-264.
341. Пекарская 2003б: Пекарская И.В. Какология// Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень/ Под ред. И.В. Пекарской. – Вып. 1. – Абакан, 2003. – С. 264-272.
342. Пекарская 2003в: Пекарская И.В. Теория элокуции на современном этапе: актуальная проблематика и перспективы разработки// Русское слово в мировой культуре. Русский язык и русская речь сегодня: старое – новое – заимствованное. Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – СПб. 30 июня – 5 июля 2003 г. – С. 301-307.
343. Пекарская, Амзаракова 2003: Пекарская И.В., Амзаракова И.П. К проблеме системного описания тропов (на материале русского и немецкого языков)// Вопросы исследования и преподавания иностранных языков: Международный тематический сб-к науч. тр. Вып. 4/ Под ред. Г.Г. Галич. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – С. 3-16.
344. Перцова 2001: Перцова Словообразовательные гнезда в неологии В. Хлебникова// Текст. Интертекст. Культура: Сб-к докладов междунауч. конференции (Москва 4-7 апреля 2001 года)/ Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Ред.-сост.: В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. – М.: «Азбуковник», 2001. – С. 268-282.
345. Петриченко 1981: Петриченко М.А. Деривационная структура и стилистические функции речевых новообразований в современной советской поэзии (на материале поэзии А.А. Вознесенского и Е.А. Евтушенко: Автореф. дисс. ...кфилн. – Алма-Ата, 1981. – 23с.
346. Петрова 1998: Петрова З.Ю. О семантической сочетаемости образных словоупотреблений в художественном тексте// Русистика сегодня. – 1998. – № 1-2. – С. 138-147.

347. Петриченко 1992: Петриченко М.А. Речевые новообразования в аспекте культуры речи// Культура речи в разных сферах общения. Тезисы докладов Всероссийской конференции 15-17 сентября 1992 года. – Челябинск, 1992. – С. 76-77.
348. Плотникова 1991: Плотникова Л.И. Окказиональные субстантивы в аспекте речевой деятельности. – Алма-Ата, 1991.
349. Плотникова 2000: Плотникова Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. – Белгород, 2000.
350. Плотникова 1997: Плотникова С.Н. Дискурсивный анализ некоторых лексических единиц// Семантика и функционирование языковых единиц. – Томск, 1997. – С. 34-39.
351. Поздеева 2002: Поздеева Е.В. Окказиональное слово: восприятие и перевод (На материале произведений русскоязычных и англоязычных писателей): Автореф. дисс. ...кфилн. – Пермь, 2002. – 22 с.
352. Подгорная 2001: Подгорная А.Ю. Экспрессивность или импрессивность// Лингвистическая мозаика. Наблюдения, поиски, открытия. Вып. 2. Сборник научных трудов. – Волгоград, 2001. – С. 172-182.
353. Полевые... 1989: Полевые структуры в системе языка. – Воронеж, 1989. – 198 с.
354. Попов 1993: Попов Р.Н. Новые слова на газетной полосе// Русский язык в школе. – 1993. – № 1. – С. 47-50.
355. Попов 1996: Попов Р.Н. Новые слова и словосочетания в языке современной прессы// Русский язык в школе. – 1996. – № 1. – С. 70-73.
356. Прохорова 1980: Прохорова В.Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке: Лекции по спецкурсу. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 87 с.
357. Пятаева 2001: Пятаева Н.В. К проблеме описания лексических полей в синхронном и диахроническом аспектах// Теория поля в современном языкознании. Межвузов. науч. сб. – Уфа: Башкирский ун-т, 2001. С. 135-137.

358. Пятницкий 1969: Пятницкий В.Д. Их нет в словарях// Русская речь. – 1969. – № 3. – С. 32-34.
359. Радченко 1975: Радченко А.А. Новые явления в лексике современной газетной публицистики.
360. Раевская 2000: Раевская О.В. Метонимия в слове и тексте// Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 49-55.
361. Рао 1996: Рао Суджата. Прагматический аспект газетного текста: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1996. – 18 с.
362. Рахимкулова 2001: Рахимкулова Г.Ф. Окказионализмы в прозе Владимира Набокова и проблемы игрового стиля// Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 года). – М., 2001. – С. 331-343.
363. Рашкевич 1985: Рашкевич Я.К. Неология и неография// Неологизмы в лексике, грамматике и фонетике. Сборник научных трудов. – Рига: Латвийский госуниверситет им. П. Стучки. – 1985. – С. 126-130. Ревзина 1991: Ревзина О.Г. Языковой знак в поэтическом тексте// Текст и его изучение в вузе и в школе. – М., 1991.
364. Ревзина 1991: Ревзина О.Г. Языковой знак в поэтическом тексте// Текст и его изучение в вузе и в школе. – М., 1991.
365. Ревзина 1996: Ревзина О.Г. Поэтика окказионального слова// Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева. – М., 1996. – С.303-308.
366. Розен 1976: Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. – М.: Просвещение, 1976. – 176 с.
367. Розенталь 1968: Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1968. – 416 с.
368. Романова 1997: Романова Л.Н. Изобразительные средства якутской поэзии 1920-1930 гг.: Автореф. дисс. ...кфилн. – Якутск, 1997. – 22 с.
369. Ромашова 2001: Ромашова И.П. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания (на материале устно-разговорной

- и художественной речи диалогического типа): Автореф. дисс. ...кфилн. – Барнаул, 2001. – 21 с.
370. Ротанова 1997: Ротанова Н.М. некоторые приемы создания индивидуально-авторской метафоры// Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц: Сб-к науч. тр. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. – 1997. – 65 с.
371. Рубайло 1961: Рубайло А.Т. Художественные средства языка/ Пособие для учителей. – М., 1961. – 124 с.
372. Румянский 1982: Румянский М.П. Функции окказиональных слов в поэтическом тексте// Коммуникативная и поэтическая функции художественного текста.– Воронеж: Изд-во воронежского ун-та, 1982. – С. 112-119.
373. Русский язык. Энциклопедия 1979: Русский язык. Энциклопедия/ Гл. ред. Ф.П. Филин, 1979. – 432 с.
374. Русский язык. Энциклопедия 1997: Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1997.
375. Самосудова 2000: Самосудова Г.Г. Лингвистическая категория экспрессивности// Семантика и прагматика текста. – Барнаул: Алтайский гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова, 2000. – С. 111-115.
376. Санников 1999: Санников В.В. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999. – С. 145-178.
377. Санников 1999: Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.
378. Святчик 1997: Святчик Е.В. Прагматический потенциал экспрессивного слова и его реализация в русской газетной коммуникации: Автореф. дисс. ...кфилн. – Киев, 1997. – 21 с.
379. Сенько 1994: Сенько Е.В. Инновации в современном русском языке. – Владикавказ: Ир, 1994. – 185с.
380. Сенько 2000а: Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: межуровневый аспект: Дисс. ...дфилн. – Волгоград, 2000.

381. Сенько 2000б: Сенько Е.В. Теоретические основы неологии. – Владикавказ, 2000. – 108 с.
382. Сенько 2003: Сенько Е.В. Неологическое поле// Русское слово в мировой культуре. Русский язык и русская речь сегодня: старое – новое – заимствованное. Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – СПб. 30 июня – 5 июля 2003 г. – С. 528 – 532.
383. Серебренников 1968: Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. – М., 1968. – 127 с.
384. Серебренникова 2002: Серебренникова Н.Г. Механизм эпитета (на материале поэтических текстов К. Бальмонта): Автореф. дисс. ...кфилн. – Тамбов, 2002. – 22 с.
385. Сидоров 1987: Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. – М., 1987.
386. Сиротинина 1974: Сиротинина О.Б. Современная русская разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974.
387. Сиротинина 1983: Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь. – М.: Просвещение, 1983. – 80 с.
388. Система и уровни 1969: Система и уровни языка. – М.: «Наука», 1969. – 262 с.
389. Скворецкая 1998: Скворецкая Е.В. О словотворчестве М. Булгакова// Речеведение в теоретическом и прикладном аспектах. Тезисы республиканской конференции. – Новосибирск, 1998. – С. 79-80.
390. Скляревская 1993: Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка/ Отв. ред. акад. Д.Н. Шмелев. – СПб., 1993. – 151 с.
391. Сквородников 1981: Сквородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современно русского литературного языка. Опыт системного исследования. – Томск, 1981. – 225 с.
392. Сквородников 1989: Сквородников А.П. Актуальная проблематика теории синтаксических фигур// Риторика и синтаксические фигуры. 1-3 февраля 1989. – Краевая науч.-техн. конференция. – Красноярск: Ин-т РЯ АН СССР, КрГУ, 1989. – С. 147-151.

393. Сковородников 1994: Сковородников А.П. О перспективе учебного словаря-справочника «Выразительные средства русского языка (тропы, фигуры, приемы)»/ новые подходы к преподаванию гуманитарных дисциплин в средних общеобразовательных и специальных учебных заведениях: Тезисы республ. науч-практ. конф. 20-24 сентября 1994 г. – Ачинск, 1994. – С. 48-52.
394. Сковородников 2001: Сковородников А.П. Фигуры речи в современной российской прессе// Филологические науки. – 2001. – № 3. – С. 74-80.
395. Слово и фразеологизм в системе и тексте 1998: Слово и фразеологизм в системе тексте. – Кривой Рог, 1998.
396. Смирницкий 1956: Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
397. Современный русский... 2001: Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 3-е изд./ Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова и др. – СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 864 с.
398. Солганик 1976: Солганик Г.Я. Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования: Автореф. дисс. ...дфилн. – М., 1976. – 53 с.
399. Солнцев 1977: Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – 2-е изд. – М., 1977. – 341 с.
400. Соловьева 1995: Соловьева Н.Н. Авторские новообразования в детской литературе: структура, семантика, прагматика: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1995.
401. Соссюр 2000: Соссюр Фердинанд де. Заметки по общей лингвистике. Перевод с фр. Б.П. Наумова. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000. – 274 с.
402. Стародубцева 1997: Стародубцева З.Г. Синтаксическое поле антиследствия в современном русском языке: Автореф. дисс. ...кфилн. – Таганрог, 1997. – 23 с.
403. Стереотипность и творчество в тексте 2000: Стереотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 2000. – 394 с.

404. Стехин 1980: Стехин Ю.К. Словоупотребление в современной русской стихотворной речи: Автореф. дисс. ...дфилн. – Днепропетровск, 1980. – 36 с.
405. Сулименко 1986: Сулименко Н.Е. О функциональной отмеченности, узуальной и окказиональной реализации типов лексических значений// Узуальное и окказиональное в художественном тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1986. – С. 87-96.
406. Тавасиева 2002: Тавасиева А.З. Инверсия подлежащего как синтаксическая фигура (на материале современной французской литературы): Автореф. дисс. ...кфилн.– М., 2002. – 22 с.
407. Тарасова 1994: Тарасова И.А. Структура семантического поля в поэтическом идиостиле (на материале поэзии И. Анненского): Дисс. ...кфилн. – Саратов, 1994. – 196 с.
408. Таривердиева 1993: Таривердиева М.А. Экспрессивность в языке как один из факторов его развития// Экспрессивность в языке и речи. Сб. науч. тр. – Смоленск: Смоленский гос. пед. ин-т, 1993. – С. 3.
409. Тарыгина 2000: Тарыгина В.А. Эпитет и жанр: (На материале английского языка). – М.: Прометей, 2000. – 228 с.
410. Телия 1977: Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды// Языковая номинация: Виды наименований. Кн.2. – М.: Наука, 1977.
411. Телия 1986: Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.
412. Теория поля... 2001: Теория поля в современном языкознании: Межвузовский науч. сб-к/ Бпшк. гос.ун-т; Отв. ред. Шафиков С.Г. – Уфа, 2001. – 200 с.
413. Теплякова 1976: Теплякова Т.П. о семантических полях во фразеологии// проблемы стилистики, лексикологии и фразеологии (немецкий, английский и др. языки). – Иркутск: ИГПИ, 1976. – С. 90-96.
414. Терентьева 1983: Терентьева Л.П. Семантика и прагматика лексических окказионализмов: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1983. – 26 с.

415. Тихомирова 1991: Тихомирова Е.А. Лингвистический анализ тропа: метафора-олицетворение в русских и белорусских поэтических текстах начала XX века: Автореф. дисс. ...кфилн. – Минск, 1991. – 22 с.
416. Тихонов 1974: Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: Автореф. дисс... дфилн. – М., 1974.
417. Тихонов 1993: Тихонов А.Н. Границы и структура лексико-семантического поля// Теория поля в современном языкознании. Тезисы докладов научно-теоретич. семинара. Ноябрь 1993 г. Ч. III. – Уфа, 1994. – С. 3-8.
418. Тихонова 2002: Тихонова К.А. Контрастивное исследование баз данных (на материале немецких и русских неологизмов молодежной речи конца XX века): Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 2002. – 27с.
419. Тогоева 1991: Тогоева С.И. Новое слово: лингвистический и психолингвистический подходы// Проблемы семантики: психолингвистические исследования. – Тверь: Тверской госуниверситет, 1991. – С. 23-31.
420. Тогоева 1994: Тогоева С.И. Факторы, влияющие на процесс идентификации значения нового слова// Слово и текст: Актуальные проблемы психолингвистики. – Тверь: Тверской госуниверситет, 1994. – С. 59-64.
421. Тогоева 1998: Тогоева С. И. Фактор «новизны» единицы и его роль в развитии внутреннего лексикона// Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. – Тверь, 1998. – С. 98-101.
422. Тогоева 2000а: Тогоева С.И. Современная лексикография и новые единицы номинации. – Тверь: Тверской государственный университет, 2000. – 147 с.
423. Тогоева 2000б: Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. – Тверь: Тверской госуниверситет, 2000. – 155 с.
424. Токко 1989: Токко Н.И. О тенденциях процесса неологизации в современном немецком языке// Задачи и функции языковых единиц разных уровней в синхронии и диахронии. – Вологда, 1989. – С. 3-11.
425. Торопцев 1985: Торопцев И.С. Язык и речь, – Воронеж, 1985. – 198 с.

426. Трибуханчик 1992: Трибуханчик А.Н. Окказиональные преобразования фразеологизмов, имеющие стилистическую ценность (на материале английского языка)// Культура речи в разных сферах общения. Тезисы докладов Всероссийской конференции 15-17 сентября 1992 года. – Челябинск, 1992. – С. 74-76.
427. Тхорик 1998: Тхорик Е.Б. Семантико-синтаксические разновидности перифразирования (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ...кфилн. – Краснодар. 1998. – 21 с.
428. Тэйц 2000: Тэйц С.А. Функции фразеологических единиц в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» // Семантика и функционирование языковых единиц. Сборник научных трудов. – Нижний Тагил, 2000. – С. 79-83.
429. Тюрина 1995: Тюрина Р.Я. О мотивированности окказионального слова (на материале поэзии Л. Мартынова)// Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилистической ориентации). – Томск, 1995. – С. 104-114.
430. Улуханов 1984: Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы// Вопросы языкознания. – 1984. – № 1. – С. 44-54.
431. Улуханов 1992а: Улуханов С.И. Окказиональные чистые способы словообразования в современном русском языке// Известия РАН. Серия литературы и языка. – Том 51. – № 1. – 1992. – С. 3-17.
432. Улуханов 1992б: Улуханов И.С. Окказиональные смешанные способы словообразования в современном русском языке//Известия РАН. Серия литературы и языка. – Том 51. – № 3. – 1992. – С. 22-44.
433. Уманцева 1992: Уманцева Л.В. Язык и стиль газеты в условиях рыночной экономики (ортологический аспект)// Культура речи в разных сферах общения. Тезисы докладов Всероссийской конференции 15-17 сентября 1992 года. – Челябинск, 1992. – С. 101-102.

434. Федосеева 1983: Федосеева М.В. Японские словари новых слов// Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1983. – С. 30-38.
435. Федосеева 1997: Федосеева Н.С. Функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком языке: Автореф. дисс. ...кфилн. – Н. Новгород, 1997. – 17 с.
436. Фельдман 1957: Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография// Вопросы языкознания. – 1957. - № 4. – С. 64-73.
437. Флоря 2000: Флоря А.В. К вопросу о русской неологии// Вестник Оренбургского государственного университета. – 2000. - № 2. – С. 4-8.
438. Фомина 1978: Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М., 1978. – 255 с.
439. Фомина 1987: Фомина З.Е. Категориальные и семантические типы эмоционально-оценочной лексики в лексической системе языка (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дисс. ...кфилн. – Саратов, 1987. – 23 с.
440. Фразеологизмы 2001: Фразеологизмы: семантика и форма. Сборник статей. – Курган, 2001. – 161 с.
441. Хазагеров 1984: Хазагеров Т.Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках (по материалам «Комсомольской правды»): Автореф. дисс. ...кфилн. – Ростов-на-Дону, 1984. – 24 с.
442. Хазагеров, Ширина 1999: Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов/ Отв. ред. Е.Н. Ширяев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов-на-Дону, 1999. – 320 с.
443. Хак 2000: Хак Ю. СУ. Словообразовательная активности иноязычных неологизмов в современном русском языке (70-90-е гг. XX века)// Русский язык за рубежом. – 2000. – № 1. – С. 71-77.
444. Халикова 1996: Халикова Н.В. О границах окказионального варианта// Семантика слова в контексте высказывания. Межвузовский сборник научных трудов. – М.: Изд-во МПУ, 1996. – С. 75-78.

445. Ханпира 1972: Ханпира Эр. Окказиональные элементы в современной речи// Стилистические исследования. На материале современного русского языка. – М., 1972. – С. 245-317.
446. Харченко 1992: Харченко В.К. Функции метафоры: Лингвистика. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1992. – 88 с.
447. Хасанова 1999: Хасанова Л.Р. Окказиональное словообразование в творчестве В. Строчкова и А. Левина// Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Межвузовский сборник научных трудов. Вып 2. – Тамбов, 1999. –С. 149-155.
448. Химик 2000: Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000. – 272 с.
449. Цоллер 1996: Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика// Филологические науки. – 1996. – № 6. – С. 62-70.
450. Чайковский 1971: Чайковский Р.Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса// Ученые записки МГПИИЯ. Т. 64. Вопросы Романо-германской филологии. Немецкий язык/ Отв. ред. М.Д. Степанов. – М., 1971. – С. 188-197.
451. Чеботарева 1996: Чеботарева И.М. Олицетворение в детской речи: Автореф. дисс. ...кфилн. – Белгород, 1996. – 16 с.
452. Чернец 1999: Чернец Л.В. Введение в литературоведение/ Под ред. Л.В. Чернец. – М., 1999. – 556 с.
453. Чернец 2001: Чернец Л.В. К теории поэтических тропов// Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. – 2001. – № 2. – С. 7-9.
454. Черникова 1998: Черникова Н.В. Аспекты изучения семантических неологизмов. Учебное пособие к спецкурсу. – Мичуринск, 1998. – 80 с.
455. Черникова 2001: Черникова Н.В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии// Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 82-90.
456. Шабунина 1986: Шабунина Т.Б. О семантических неологизмах среди отсубстантивных прилагательных с суффиксом -н-: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1986. – 30 с.

457. Шамота 1971: Шамота А.Н. Переносное значение слова (на материале языка художественной литературы): Автореф. дисс. ...кфилн. – Киев, 1971. – 20 с.
458. Шанский 1968: Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968.
459. Шанский 1972а: Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М., 1972. – С. 161-164.
460. Шанский 1972б: Шанский Н.М. Слова, рожденные Октябрем. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1972. – 214 с.
461. Шапошников 1998: Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х (современная Россия в языковом отображении). – М., 1998.
462. Шарипова 1992: Шарипова Э.Р. Основные тенденции современного словообразования и их влияние на становление норм (на материале окказиональной и потенциальной лексики)// Культура речи в разных сферах общения. Тезисы докладов Всероссийской конференции 15-17 сентября 1992 года. – Челябинск, 1992. – С. 77-78.
463. Шарова 2002: Шарова В.В. Категория экспрессивности в русском языке (на фоне английского языка): Автореф. дисс. ...кфилн. – СПб., 2002. – 17 с.
464. Шафикиев 1999: Шафикиев С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. – Уфа: Башкирский госуниверситет, 1999. – 92 с.
465. Шаховский 1975: Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий лингвистики// Проблемы семасиологии и лингвистики. Вып.2. – Рязань, 1975. – С. 3-25.
466. Шейгал 1984: Шейгал Е.И. О соотношении интенсивности и экспрессивности// Экспрессивность на разных уровнях языка. Межвуз. сб-к науч. тр. – Новосибирск: НГУ, 1984. – С. 60-65.
467. Шеляховская, Богданов, 1983: Шеляховская Л.А., Богданов Н.А. Словообразовательный аспект изучения некоторых групп окказионализмов// Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1983. – С. 82-92.

468. Шендельс 1973: Шендельс Е.И. Стилистические фигуры в грамматике (на материале немецкого языка)// Сб-к науч. тр. МГПИ иностранных языков им. Мориса Тореза. Вып. 73. – М., 1973. – С. 160-165.
469. Ширина 1997: Ширина Е.В. Синтаксический ряд как риторический прием публицистического убеждения// // «Функционирование языка в различных речевых жанрах» (Лиманчик – 97). Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 3. – Ростов-на-Дону, 1997. – С 51-53.
470. Шитикова 2002: Шитикова Е.В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект: Дисс. ...кфилн. – Барнаул, 2002. – 177 с.
471. Шмелев 1977: Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Учеб. пос. для студ. пед.ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
472. Щур 1974: Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – Новая школа, 1994. – 256 с.
473. Эглит 1989: Эглит Л.В. Неологизмы в структуре словообразовательных гнезд: Автореф. дисс. ...кфилн. – М., 1989. – 18 с.
474. Юдина 1999: Юдина А.Д. Окказионализмы на страницах периодики// Русская речь. – 1999. – № 5. – С. 56-58.
475. Ярнатовская 1985: Ярнатовская Е.В. Неологизмы в системе реализации стилистической вероятности// Неологизмы в лексике, грамматике и фонетике. Сборник научных трудов. – Рига: Латвийский госуниверситет им. П. Стучки. – 1985. – С. 178-182.
476. Яцимирская 1990: Яцимирская М.Г. Экспрессивные средства языка как факторы повышения эффективности журналистского воздействия: Автореф. дисс. ...кфилн. – Киев, 1990. – 17 с.
477. Hindley Lily Die Neologismen Andrej Belyjs München, Fink, cop 1966.
478. 2 ur Erklärung und modellierung diachroner Wortbildungsprozesse: (Anhand russ. Substantivischer Neologismen)/ H/ Facynow, R. Fäpel. – München: Sagner, 1980.

Словари и справочники

1. Ахманова 1969: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 574 с.
2. Квятковский 1966: Квятковский А. Поэтический словарь. – М., 1966. – 366 с.
3. Квятковский 2000: Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2000. – 446 с.
4. Кузнецова, Ефремова 1986: Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка: Ок. 52000 слов. – М.: Русский язык, 1986. – 1132 с.
5. Культура... 2003: Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник/ Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
6. Лингвистический... 1990: Лингвистический энциклопедический словарь/ Под ред. В.Н. Ярцева – М., 1990.
7. Литературный... 1987: Литературный энциклопедический словарь. Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаевой. – М. «Сов. энцикл.», 1987. – 752 с.
8. Марузо 1960: Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во иностр. лит-ры. – М., 1960. – 436 с.
9. Матвеева 2003: Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
10. Немченко 1985: Немченко В.Н. Основные понятия словообразования в терминах. – Красноярск, 1985.
11. Никитина, Васильева 1996: Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. – М., 1996. – 172 с.

12. Новое в русской лексике 1973: Новое в русской лексике: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг./ Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. Изд. 2-е, стереотип. – М., «Советская энциклопедия», 1973. – 543 с.
13. Новое в русской лексике 1980: Новое в русской лексике: Словарные материалы-77/ Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1980.– 176 с.
14. Новое в русской лексике 1981: Новое в русской лексике: Словарные материалы-78/ Под. Ред. Н.З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1981. – 262 с.
15. Новое в русской лексике 1984: Новое в русской лексике. Словарные материалы-80/ Под ред. Н.З. Котеловой. – М., 1984.
16. Новое в русской лексике 1986: Новое в русской лексике. Словарные материалы-81/ Под ред. Н.З. Котеловой. – М., 1986.
17. Ожегов, Шведова 1992: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 23-изд., испр. – М., 1992. – 960 с
18. Розенталь, Теленкова 1976: Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976. – 544 с.
19. Русская грамматика-80: Русская грамматика. Том 1 Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология/ Акад. наук СССР, Ин-т русского яз; [Редкол. Н.Ю. Шведова и др.]. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
20. Русский язык... 1979: Русский язык. Энциклопедия
21. Русский язык... 1997: Русский язык. Энциклопедия/ Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия» Изд. дом «Дрофа», 1997. – 703 с.
22. Словарь иностранных... 1955: Словарь иностранных слов/ Под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. – М., 1955. – 853 с.

23. Словарь иностранных... 1997: Словарь иностранных слов и выражений/ Автор-сост. Е.С. Зенович. – М.: Олимп: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. – 608 с.
24. Словарь иностранных... 2000: Словарь иностранных слов и выражений/ Авт.-сост. Е.С. Зенович. – М., 2000. – 784 с.
25. Стилистический... 2003: Стилистический энциклопедический словарь русского языка/ Под. ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
26. Чернец 2002: Чернец Л.В. Школьный словарь литературоведческих терминов: Иносказательность в художественной речи. Тропы. Стихование/ Л.В. Чернец, Б.Б. Семенов, В.А. Скиба. – М.: Просвещение, 2002. – 192 с.
27. Шанский... 1971: Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. члена-корресп. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
28. Языкознание... 2000: Языкознание. Большой энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.

Перечень источников речевых иллюстраций

1. Арбенина И. Люблю трагический финал: роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2004 – 432 с.
2. Вознесенский А.А. CASINO «Россия». – М.: Терра, 1997. – 167 с.
3. Ворошилов Г. В. О чем поют снега России. Стихи. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2004. – 136 с.
4. Высоцкий В.С. Клич: Стихи. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1988. – 279 с.

5. Дашкова П.В. Эфирное время: Роман в 2-х книгах. Кн. 1. – М.: Изд-во Астрель, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 320 с.
6. Дашкова П.В. Эфирное время: Роман в 2-х книгах. Кн. 2. – М.: Изд-во Астрель, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 320 с.
7. Дашкова П.В. Золотой песок: Роман в 2-х книгах. Кн. 1. – М.: Изд-во Астрель, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 324 с.
8. Дашкова П.В. Золотой песок: Роман в 2-х книгах. Кн. 2. – М.: Изд-во Астрель, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 326 с.
9. Донцова Д.А. Фиговый листочек от кутюр: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 352 с.
10. Донцова Д.А. Чудеса в кастрюльке: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 352 с.
11. Донцова Д.А. Фокус-покус от Василисы Ужасной: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 352 с.
12. Донцова Д.А. Любимые забавы папы Карло: роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 384 с.
13. Донцова Д.А. Черт из табакерки: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 352 с.
14. Драгунский В. Денискины рассказы. Похититель собак. – М.: «Омега», 1999.
15. Евтушенко Е.А. Медленная любовь: Стихотворения и поэмы. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. – 464 с.
16. Евтушенко Е.А. Между городом Да и городом Нет: Стихотворения и поэмы. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 384 с.
17. Евтушенко Е.А. Мое самое-самое. – М.: «СИРИН». Ин-т «Открытое общество». Подарочный экземпляр. – 639 с.
18. Куликова Г.М. Пакости в кредит: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 384 с.
19. Маяковский В. Сочинения в двух томах. – М.: Изд-во «Правда», 1987.
20. Нагибин Ю.М. Ильин день. – М., 1990.

21. Нагибин Ю.М. Чудное сердце. Повести и рассказы. – М., 1969.
22. Нагибин Ю.М. Эхо. Рассказы. – М., 1975.
23. Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. – М.: Худож. лит., 1988. – 511 с.
24. Платова В.Е. Куколка для монстра: роман. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 464 с.
25. Платова В.Е. Хрустальная ловушка: Роман. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 384 с.
26. Платова В.Е. Эшафот забвения: Роман. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
27. Платова В.Е. Ритуал последней брачной ночи: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 384 с.
28. Платова В.Е. Купель дьявола: Роман. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
29. Рубцов Н. Избранное. – М.: Худож. лит., 1982. – 319 с.
30. Саянский венок Пушкину/ Сост. Грек О.Г. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 1999. – 271 с.
31. Северянин И. Стихотворения. – М.: Сов. Россия, 1988. – 464 с.
32. Северянин И. Стихотворения и поэмы. – М., 1990. – 493 с.
33. Цветаева М.И. Всемирная библиотека поэзии. – Ростов-на-Дону; «Феникс», 1996. – 512 с.
34. Щербаков Д.В. Нимфоманка: рабыня крутых: Роман. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 384 с.

Периодические издания

«Абакан»

АиФ – «Аргументы и факты»

«Аргументы успеха»

«Взгляд»

«Жизнь»

«Комок»

КП – «Комсомольская правда»

ЛГ – «Литературная газета»

ЛР – «Литературная Россия»

МК – «Московский комсомолец»

МН – «Московские новости»

«Моя семья»

«Окна»

«Пятница»

«Ратники Отечества»

«Собеседник»

«Университетская газета»

«Хакасия»

«Черногорский рабочий»

«Шанс»

ЭГ – Экспресс газета

Южно-Сибирский вестник